

90 лет со дня рождения
основателя ономастических исследований
в Республике Саха (Якутия),
заслуженного учителя школ ЯАССР, краеведа
Иванова Михаила Спиридоновича
- Багдарыын Сүлбэ

Имя. Язык. Этнос

Сборник материалов
всероссийской научно-практической конференции

Якутск - 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ИМЯ. ЯЗЫК. ЭТНОС

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИВАНОВА МИХАИЛА СПИРИДОНОВИЧА-БАГДАРЫЫН СҮЛБЭ

8 ноября 2018 г.

Якутск

2018

Редколлегия:

Данилова Н.И., зав. отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
д.филол.н. (отв. редактор)

Багдарыын Нь.С. уо, н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
канд.филол.н.

Николаева А.М., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
канд.филол.н.

Рецензенты:

Васильева Н.Н., н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
канд.филол.н.

Прокопьева А.К., доцент кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ
им. М.К. Аммосова, канд.филол.н.

Саввинова С.Н., н.с. отдела Северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
канд.филол.н.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Имя. Язык. Этнос. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, 8 ноября 2018 г. / редкол.: Н.И. Данилова, Нь.С. уо Багдарыын, А.М. Николаева. – Якутск, 2018. – 232 с. – (Препринт / ИГИ и ПМНС СО РАН).

В сборник вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения зачинателя ономастических исследований в Республике Саха (Якутия) М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ «Имя. Язык. Этнос», затрагивающие проблемы топонимики, антропонимики, языка, истории и этнической культуры.

Для языковедов, этнографов, историков и всех, кто интересуется вопросами ономастики.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Данилова Н.И.</i> . Предисловие	7
<i>Иванов С.А.</i> Топонимист Багдарыын Сүлбэ и якутская ономастика	8
<i>Оконешников Е.И.</i> «Күөх уоту аспыккар Улуу Махтал!» (М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ туһунан)	14
<i>Пахомова Л.С.</i> Народные (местные) географические термины в топонимии Северо-Востока России	18
<i>Харитонов А.М.</i> К возможному происхождению некоторых топонимов Северо-Востока России	22
<i>Жамсаранова Р.Г.</i> Якутские топонимы в топонимии Восточного Забайкалья	25
<i>Николаева А.М.</i> Географические апеллятивы-параллели в топонимии Якутии и Тувы	28
<i>Самтакова К.Б.</i> Некоторые случаи переосмысления географических апеллятивов в современном топонимическом пространстве Республики Алтай	32
<i>Филиппова В.В., Багдарыын Нь.С. уола.</i> О картографировании топонимов (на примере лимонимов Тогулского наслега Вилуйского улуса РС(Я)	39
<i>Васильева Н.М.</i> О проблеме правописания якутских географических названий	42
<i>Шарина С.И., Безносова М.В.</i> Эвенская топонимика Охотского района Хабаровского края	45
<i>Саввинов А.И.</i> Дьэһиэйгэ сахалыы сирдэр ааттара	48
<i>Соколянский А.А., Соколянская Н.Н.</i> О топониме Тауйск в Магаданской области	51
<i>Багдарыын Нь.С. уола.</i> Из топонимии Аллаиховского улуса	54
<i>Данилова Н.И.</i> Наименования метеорологических и атмосферных явлений в составе топонимов РС(Я) (по материалам М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ)	55
<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Якутские названия жилых и хозяйственных сооружений в топонимии Якутии	58
<i>Петров П.П.</i> К вопросу о первоначальных номинациях города Якутска	62
<i>Сироткина Т.А.</i> Названия народов как зеркало этнической карты региона	65
<i>Гордова Ю.Ю.</i> Мещёра, Муромка, Курша: этнотопонимия на лингвистической карте (рязанский опыт)	67
<i>Ушницкий В.В.</i> Тюрко-монгольские этнонимы, представленные в топонимике Якутии (по работам М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ)	71
<i>Садовникова И.И., Шарина С.И.</i> Антропонимические традиции эвенов	72
<i>Курилов Г.Н.</i> О некоторых самоназваниях юкагиров и их родов (попытка этимологического анализа)	75
<i>Магомедов М.И.</i> Арабский пласт личных имен в аварском языке	78
<i>Магомедов Д.М.</i> Исконные и заимствованные личные имена в аварском языке	81
<i>Юсупов Х.А.</i> Исконное и иноязычное в даргинской антропонимической лексике	84
<i>Курилова С.Н.</i> Русские имена собственные в языке тундровых юкагиров	87

<i>Печетова Н.Ю.</i> Состояние именника г. Якутска на период конца XX-начала XXI вв.	89
<i>Николаев Е.Р.</i> Саха анал ааттарыгар - <i>һыт</i> сыһыарыы суолтата	90
<i>Васильева А.А.</i> Категория «флора и фауна» в семантике якутской дохристианской антропонимии (на материале именника <i>Ф.Г. Сафронова</i>)	92
<i>Ягафарова Г.Н.</i> Имена собственные в башкирских паремиях	95
<i>Данилова А.Н.</i> Формула имен главного героя в олонхо «Төбөт Мэник Бухатыыр» (« <i>Богатырь Шалун Тёбёт</i> »)	98
<i>Санникова И.И.</i> Роль антропонимов в якутских народных песнях	101
<i>Уарова М.Н.</i> Моделирование антропонимов в произведении Ариадны Борисовой «Земля Удаганок»	104
<i>Ноева С.Е.</i> Роль Антропонимов в осмыслении образа персонажа (на примере романа <i>В.С. Соловьева-Болот Боотур «Пробуждение»</i>)	107
<i>Винокурова Н.И.</i> Выражение качества именами персонажей	111
<i>Шкулева А.Д.</i> Саха остуоруйаларыгар анал аат туттуллуутун уратыта	112
<i>Софронеева М.А.</i> Антропонимы в комедиях Н.Д. Неустроева	114
<i>Алексеева В.Н.</i> Кырдыаҕас үөрэхпит кыһатыгар сахалыы аат	116
<i>Шепилева О.Е., Бызгаева А.В.</i> Особенности иллюстративного материала в «Словаре региональной лексики крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова	118
<i>Шайхулов А.Г.</i> Аспекты характеристики лексико-семантического развития тюркских языков урало-поволжья в контексте алтайского языкового сообщества	121
<i>Латыпов Ф.Р.</i> Некоторые саркастические эпитеты в этнопедагогических иберийских трактатах в сопоставлении с материалами якутского и других тюркских языков	124
<i>Трофимова С.М.</i> Комплекс рыболовческой лексики в монгольских языках	127
<i>Алексеев И.Е.</i> Күөлгэ сайынны балыктааһын тиэрминнэрэ	131
<i>Попова М.Д.</i> Названия мастей животных в эвенском языке	133
<i>Колесова А.А.</i> Названия рыб, населяющих водоемы окрестностей села Намы Булунского улуса РС(Я)	135
<i>Барашкова Ж.Ф.</i> К этимологии слова «бахсы»	138
<i>Филиппов Г.Г.</i> Дорҕоон аралдьыһытынан саҥа тылы үөскэтии	141
<i>Алексеева Е.К.</i> Отражение в топонимии особенностей жизнедеятельности ламунхинских и тюгясирских Эвенов	146
<i>Кузьмина Р. П.</i> Отражение зооморфного кода культуры в эвенской топонимии	148
<i>Чертыкова М.Д.</i> Концепт <i>чүрөк/сүрэх</i> «сердце» в языковой картине мира хакасов и якутов	150
<i>Варавина Г.Н.</i> Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенов и эвенков (<i>человек – пространство – время</i>)	153
<i>Алаганчакова Н.О.</i> Гидронимы окрестностей села Себян-Кюель Кобяйского района	156
<i>Бушев А.Б.</i> Дискуссионные вопросы современной методологии фольклор-	

ных исследований	159
<i>Мухомлева С.Д.</i> Структурные особенности и функции заголовков «личных» песен-ырыа Манчары	162
<i>Роббек Л.В.</i> Аллитерационно-ассонансная звуковая гармония в олонхо «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивный Кулун Куллустуур») И.Г. Тимофеева-Теплоухова	165
<i>Сивцева Н.А.</i> Топонимы с глаголом бытия <i>төрөө</i> 'рождаться, родиться' в якутском языке	169
<i>Васильева Р.И.</i> Проблемы функционирования различных типов билингвизма в Республике Саха (Якутия) (на материале приленских районов)	171
<i>Дмитриева А.Ю., Сидорова А.П.</i> Якутизмы в текстах на русском языке: традиции транскрибирования и транслетирования	173
<i>Кейметинова С.К.</i> Взаимосвязь явлений природы и хозяйственной деятельности человека в народном календаре якутов и эвенков	176
<i>Романова Е.Н.</i> Озеро Ессей в контексте культурной памяти якутов-оленеводов: «культура воспоминаний», символ, ритуал	180
<i>Данилова Н.К.</i> Метафора юга в орографической лексике и исторической памяти народа саха	183
<i>Степанова Л.Б.</i> Полевой этнографический рисунок в научном наследии Е.М. Ярославского	189
<i>Ефремов Н.Н.</i> Яркий представитель якутской интеллигенции	194
<i>Боякова С.И.</i> Учитель Д.Д. Сивцев: восприятие образа в историческом и современном нарративах	197
<i>Петров П.П.</i> К истории города Вилюйска	200
<i>Васильев В.Е.</i> Тамги на кубках <i>чорон</i> и сосудах <i>матарчах</i> из фондов российского этнографического музея в г. Санкт-Петербург	204
<i>Томский Е.Е.</i> Саха боотурун сэбэ-сэбиргэлэ	208
<i>Васильева У.А., Саввинова М.В.</i> Маршрут сестры милосердия Кэт Марсден в Вилюйском округе	210
<i>Афанасьев В.Д.</i> Памятники истории Сургулукского наслега Верхневилюйского района РС (Я)	213
<i>Павлов А.А.</i> Первые шаги советской власти по ликвидации безграмотности в Якутии	214
<i>Кондакова У.Ф.</i> Саха тылын өрө тутан...(<i>Багдарыын Сүлбэ төрөөбүтэ 90 сылыгар</i>)	217
<i>Алексеев Е.Р.</i> Багдарыын Сүлбэ туйах хатарааччылара	223
Сведения об авторах	226

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник составлен на основе тезисов докладов и сообщений, представленных на Всероссийскую научно-практическую конференцию «Имя. Язык. Этнос», посвященную 90-летию со дня рождения Иванова Михаила Спиридоновича-Багдарыын Сүлбэ.

М.С. Иванов – заслуженный учитель Якутской АССР, известный краевед, общественный деятель, писатель-публицист. В истории гуманитарной науки республики он оставил глубокий след как основатель ономастических, прежде всего, топонимических исследований. Он автор около 20 научно-популярных книг и многочисленных статей, в которых топонимы и антропонимы Якутии рассматриваются с точки зрения их морфологического, семантического, историко-этимологического, этнографического, культурологического содержания. Во многом благодаря этим публикациям ономастика выделилась в самостоятельный раздел якутского языкознания, имеющий перспективы последовательного, углубленного развития в междисциплинарном аспекте. Богатым источником для изучения топонимов служит частная картотека М.С. Иванова, насчитывающая более 350 тысяч названий местных топонимов, более 50 тысяч личных имен.

Конференция организована Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Принять участие в юбилейном мероприятии изъявили желание языковеды, этнографы, фольклористы, историки Якутии, а также специалисты по ономастике из разных регионов России. Активное участие в работе конференции приняли преподаватели и студенты Вилюйского педагогического колледжа РС(Я), который долгие годы возглавлял Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ.

Тематика конференции определена кругом научных интересов юбиляра, а также широтой проблем, связанных с предметом ономастики. Общая логика разделов задана трактовкой ономастики в современной гу-

манитарной науке, которая подразумевает исследование ее в различных аспектах: собственно лингвистическом, сравнительно-сопоставительном, культурно-историческом, этнокультурном, социологическом и т.д. Учитывая это, поступивший материал распределен по четырем разделам: «Топонимика Северо-Востока России: типология, этимология, семантика», «Антропонимы и этнонимы в языках народов России», «Вопросы языка и этнической культуры», «История: память времен». Первый раздел составлен из статей, посвященных сравнительно-сопоставительному и лексико-семантическому анализу топонимии Северо-Востока России, а именно: Забайкалья, Тувы, Алтая, Хабаровского края, Магаданской области и Якутии. Авторы подчеркивают сходство и возможное одинаковое происхождение многих географических названий данных территорий, которые могут служить свидетельством об освоении региона разноразличными племенами с древних времен. Раздел «Антропонимы и этнонимы в языках народов России» составили статьи, в которых личные имена людей и самоназвания различных этнических групп рассмотрены в качестве важной составляющей категории этничности. При этом, антропонимы и этнонимы народов различных регионов России представлены как свидетельство особенностей их материальной, социальной жизни, исконных космогонических, религиозных представлений, о древних местах обитания, его возможных контактах и т.д. В раздел «Вопросы языка и этнической культуры» вошли статьи по таким смежным научным дисциплинам, как лингвистика, лингвокультурология, фольклористика, этнология, социология. Здесь единицы языка и элементы традиционной материальной культуры различных этносов подверглись анализу как категории, отражающие их национальное мировидение, сакральные и многие ценностные установки, ассоциативные образы и символические представления. Раздел «Ономастика и историческая память» составлен из статей, в которых представлены результаты научного анализа архивных и полевых материалов. В них топонимы, ландшафтные названия, названия специфических реалий рассмотрены как свидетельство культурной памяти и составляющие локальной идентичности этноса. На основе изучения деятельности представителей культурного строительства рассмотрены идеи интеллектуального сообщества Якутии начала 20-го века.

Н.И. Данилова., д.филол.н.

ТОПОНИМИКА СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ: ТИПОЛОГИЯ, ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_001

Иванов С.А.

ТОПОНИМИСТ БАГДАРЫЫН СҮЛБЭ И ЯКУТСКАЯ ОНОМАСТИКА

Первым продуктивным якутским топонимистом, изучившим якутские географические названия, по праву считается Иванов Михаил Спиридонович-Багдарыын Сүлбэ, так как он занимался сбором и изучением топонимических названий родного края около шестидесяти лет, т.е. с 1960 года. Неутомимый исследователь написал и опубликовал свыше десяти книг, несколько сотен научно-популярных статей, посвященных только якутской ономастике.

В общей сложности, по различным вопросам якутоведения он написал и издал свыше двадцати книг и многочисленные статьи в республиканских газетах, журналах и научных изданиях.

Багдарыын Сүлбэ начал собирать топонимические материалы по собственному почину без постоянной моральной и материальной поддержки со стороны научных или государственных учреждений. Несмотря на все это он объездил всю родную Республику, побывал даже за ее пределами. В этом отношении Багдарыын Сүлбэ напоминает первого тюрколога-энциклопедиста средневековья Махмуда Кашгарского, создавшего бессмертный труд «Собрание тюркских слов» над которым он работал всю жизнь [см.: А.П. Юдакин, 2001, с. 303-304].

М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ по специальности историк. Но он показал себя не только рядовым историком, но и историком-этнографом, лингвистом-этимологом, неутомимым следопытом существующих сего-

дня географических названий и названий давно минувших дней. Он постепенно с глубокой заинтересованностью погрузился в дебри якутской ономастики. В своих исследованиях Михаил Спиридонович применял метод сравнительно-исторического языкознания. У него были довольно интересные этимологические изыскания, но полученные результаты он сумел излагать популярно своим родным якутским языком.

У него были особый Багдарыновский стиль изложения, своеобразный богатый лексикон, разнообразные крылатые слова, эвфемизмы, эпитеты и фразеологизмы.

Багдарын Сүлбэ был интересным и обаятельным собеседником, очень легко находил общий язык со своим собеседником, уважительно относился к своим информантам и всегда о них тепло отзывался. Все опубликованные его работы отличаются богатым содержанием и широкой информативностью. Этим он сумел завоевать пристальное внимание многочисленных земляков, начиная от рядовых читателей, кончая масти-тыми учеными.

Для того, чтобы подобающим образом изучать возникновение, развитие и функционирование якутских топонимов и других онимов Багдарын Сүлбэ в течение шестидесяти лет собирал географические названия, в результате которого он создал богатейшую картотеку топонимов, состоящую из несколько сот, как он сам писал, четырехсот тысяч названий. В последнее время неутомимый исследователь стал заниматься изучением якутских антропонимов, так как многие имена людей также топонимизируются. Для этого создал также картотеку, состоящую из пятидесяти тысяч названий-антропонимов. Для создания огромной бесценной топонимической, а потом антропонимической и другой картотеки постоянно помогала и поддерживала верная супруга исследователя Варвара Михайловна Иванова, которая, как утверждал сам Багдарын Сүлбэ, выполнила свыше 80% общего объема картотечной работы. Об этом ни раз тепло отзывался Михаил Спиридонович. Действительно, занести географические и иные названия в картотеки довольно трудоемкая и ответственная работа, требующая пристального внимания и точной записи. С этим, видимо, хорошо справилась Варвара Михайловна, без никакой моральной и материальной поддержки со стороны властных структур или научного мира, согретая только теплым вниманием Михаила Спиридоновича.

В течение всей собирательской, исследовательской, лекционной и преподавательской деятельности Багдарын Сүлбэ постоянно призывал молодых заниматься сбором и изучением якутской топонимики, для того

чтобы хорошо знать свой родной край, историю развития языка и его естественных носителей.

Его однажды охватило чувство большой радости. Это было, когда наш диссертационный совет объявил, что Ньургуну Михайловичу Иванову (Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола) присваивается ученая степень кандидата филологических наук, после его успешной защиты диссертационной работы на тему «Монголизмы в топонимии Якутии». Нам представляется, что Багдарыын Сүлбэ, с одной стороны, был человеком очень мягким, мягкосердечным, в особенности к своим студентам и друзьям-коллегам, к своим домашним; но с другой стороны, он был строгим, смелым человеком, в принципиальных вопросах отстаивающим свое мнение, даже не страшился репрессивных мер государственных органов. Самыми счастливыми временами он считал 1958-1974 годы, годы административно-педагогической деятельности в Вилуйском педагогическом училище.

При постоянном общении со своими учениками-студентами тогда еще у него пробудился глубокий возрастающий интерес к якутской ономастике, чем и жил до последних дней своей жизни без признаков усталости, по его словам, *уурастыыр диэни билбэккэ*.

Я уверен в том, что доброе имя этого неутомимого исследователя еще останется на долгие годы на ниве якутской ономастики, так как он заложил прочную основу для дальнейшего научного изучения ономастической лексики якутского языка.

Ономастика, как известно, весьма интересная тема, но довольно сложный раздел языкознания, требующий много знаний в области истории, этнографии, лингвистики, в особенности, исторического языкознания. Как бы то ни было нужно заниматься сбором и изучением топонимической, антропонимической, ономастической лексики. Все это прекрасно понимал Багдарыын Сүлбэ. Он подыскал и изучал огромное количество научной, научно-популярной и художественно-публицистической литературы, кроме того бесчисленное количество архивных материалов и разнообразных публикаций. Топонимические и прочие сведения он получал преимущественно у умудренного старшего поколения, общее количество которых, как он пишет, свыше двух тысяч информантов. Полученные сведения исследователь включает в картотеку, не отбросив ни одной буквы. Так создавалась в весьма стесненных домашних условиях богатейшая картотека – особая гордость исследователя-ономаста.

Говоря об исключительной трудности изучения происхождения якутской ономастики, мы позволим себе немного напомнить названия трех великих долин Эркээни, Туймаада и Энсиэли, где испокон веков обитают тюркоязычные якуты, но не зафиксированные в «Словарях» О.Н. Бетлингга, Э.К. Пекарского и в других лексикографических работах и не этимологизируемые на материале современного якутского языка. Видимо, они давно считались устаревшими древними номинациями, сохранившими только в пассивном словарном составе якутского языка. Следует только предполагать, что долгие гласные и дифтонги в указанных названиях свидетельствуют о том, что эти долины очень широкие, обширные степные пространства, расположенные на левом берегу реки Лены. Этот потамоним в современном якутском языке звучит *Элиэнэ* ~ *Өлүөнэ*. От этого названия, по-видимому, получилось русское название реки Лены. Последнее, как правомерно утверждает Э.К. Пекарский, заимствовано от русских [см. стб. 1941, 1968]. Потамоним Лена также зафиксирован в «Этимологическом словаре русского языка» индоевропеиста Макса Фасмера, где указано, что «Лена – название реки в Сибири», хотя он данное название считает «темным словом», т.е. словом неизвестного происхождения [см.: Фасмер, т. II, 1996, с. 481].

Когда-то мы предприняли попытку этимологизировать потамоним *Элиэнэ* ~ *Өлүөнэ* на материале тунгусских диалектов, где *ули* «река (большая)» [5, с. 260] + *йэнэ* «река (большая)» [5, с. 355]. Так как нам представлялось, что якутское название *Элиэнэ* ~ *Өлүөнэ* возникло в результате контаминации тунгусских апеллятивов *ули* и *йэнэ* в значении «большая река», которые сегодня встречаются в говорах восточного наречия эвенкийского языка. Образовался гидроним-потамоним *Улийэнэ* в значении «Большая река», так вполне могут первоначально называть эту Величайшую Сибирскую реку только тунгусоязычные племена, обитающие испокон веков и проживающие в настоящее время в обширном Ленском регионе, расположенного от берегов Северного Ледовитого океана до Верхнеленских просторов, от Енисейского края до Охотского моря. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского мы находим географическое название *Сайсары* ~ *Сарсары* ~ *Сахсара* в значении гидронималимнонима (т.е. название озера), или топонима-оронима (т.е. название долины). Однако *Сахсара*, по Э.К. Пекарскому, гидроним-потамоним, т.е. древнее название реки Лены, что древние якуты наименовали *Улахан өрүс* «Большая река» или *Улуу өрүс* «Великая река» [4, стб. 2107]. Такое удивительное сообщение великого труженика-лексикографа Эдуарда

Карловича вызывает глубокий интерес. Он такую информацию, по всей вероятности, точно получил от своих якутских информантов.

Получается какое-то недоразумение. В настоящее время мы имели, как известно, озеро *Сайсары*, долину *Туймаада* и реку *Элиэнэ ~ Өлүөнэ* на почве якутского языка неэтимологизируемые.

По мнению Багдарыына Сүлбэ *Сахсары* первоначально было антропонимом, предположительно, словом монгольского происхождения, что потом стало гидронимом, т.е. топонимизировалось.

Рассматривая общякутские и диалектные названия, относящиеся к охоте и рыболовству, наблюдаем, что многие названия рыб, птиц и зверей с аффиксом обладания *-лаах* (...) выступают в функции географических названий, т.е. они топонимизируются, как например:

Алыһардаах (н.п. Верх.) *Дьарҕаалаах* (оз., н.п. Абый.), *Соболоох* (н.п. Абый.), *Сордонноох* (н.п. Магадан.), *Сыаҕаннаах* (оз., н.п. Абый.), *Ньычалаах* (оз., н.п. Абый.) и т.д.;

Кубалаах (Таймыр), *Куоҕастаах* (н.п. У.-Янск.), *Кыталыктаах* (н.п. Верх., Сакк.), *Хаастаах* (речка Булун., У.-Майя), *Хабдьылаах* (н.п. Верх., Кол.) и т.д.;

Тайахтаах (село, Томмот), *Ойуһардаах* (н.п. Кол.), *Эһэлээх* (н.п. У.-Янск.), *Саңыйахтаах* (н.п.) и т.д.;

Кроме того, топонимизируются наименования, относящиеся к растительному миру: *Арыктаах ~ Оруктаах* (оз., н.п. Кобяй.), *Хомустаах* (оз., н.п. Нам., Алл.), *Бэрдьигэстээх* (село, Горн.), *Кулуһуннаах* (н.п.) и многие другие.

В связи с этим, хочется сообщить один довольно парадоксальный момент: как показывают многочисленные публикации Иванова Михаила Спиридоновича-Багдарыына Сүлбэ, многие названия: от названия Великого Светила Солнца до названий мизерных водных объектов, от названий мелких насекомых до названий крупных зверей, от названий травянистых растений до названий могучих деревьев в якутском языке становятся топонимами и другими онимами или их составными частями.

Географические названия вполне могут свидетельствовать о том, что какое племя или народ где и когда обитало в довольно продолжительное время. К примеру озеро *Байкал* по М.Фасмеру, от тюрк. *bajköl* 'богатое озеро' [6, с. 107-108], что явно соответствует якут. *баай күөл*.

Так могли называть большой естественный водоем только древние предки якутов – якутоязычные группы Курыкан, так как *байаҕал*, *байҕал*, *баайҕал* в значении 'море'; 'обилие, богатство вод' довольно активно употребляется только в языке якутов: *Лаамы байаҕала* или *Итии байаҕал*

‘Охотское море’; *Кытархай байаџал* или *Хара Кытархай байаџал* ‘Черное море’, *Хотугу муустаах байаџал* ‘Северный ледовитый океан’. После тщательного анализа вариантов древнетюркского, бурятского, якутского, арабского и тибетского версий происхождения гидронима Байкал; после изучения мифов, легенд, героического эпоса, истории и этногенеза бурят и якутов Станислав Андреевич Гурулев довольно убедительно доказал, что гидроним-лимноним *Байкал* – слово якутского происхождения [2, с.28-65].

Замечательным моментом является и тот факт, что гидроним *Байкал* сосуществует еще с некоторыми топонимическими названиями, очень напоминающими якутские слова [об этом см.: 3, с. 332-333; 2, с. 71-72]. На этом фоне тюркское (якутское) происхождение гидронима *Байкал* не вызывает сомнения.

Примечательно также и то, что слово *байџал* ~ *байхал* со значением ‘большая глубокая вода’, как нам кажется, не встречается в монгольских, в современных и древних тюркских языках. Зафиксированное в п.-монг. языке *bauiyal* (*mögen*) ‘оз. Байкал’ [1, с. 238] по фонетическому облику очень напоминает якут. *байаџал* ‘море, океан’, ‘большое накопление воды’.

В современном якутском языке в значении ‘масса воды в одном месте’, ‘водный мир’, ‘большая глубокая вода’ [4, стб. 668], ‘большой глубокий водоем’ также употребляется монголизм китайского происхождения *далай*. Якуты знают Северный ледовитый океан ‘*Хотугу муустаах байџал*’, Охотское море ‘*Илин итии байџал*’ или *муора*, однако они их *далай*-ем не называют.

Таким образом, гидроним-лимноним *Байкал* от якутского *байџал* ‘большая глубокая вода’, ‘большое накопление воды’, или от якутского *баай күөл* ‘богатое озеро’. Если данная версия соответствует действительному положению дел, древние тюркоязычные наши предки, как давно было установлено, действительно, жили около или вокруг озера Байкал.

Литература

1. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 436 с.
2. Гурулев С.А. Что в имени твоём, Байкал? – Новосибирск: Изд-во Наука, 1982. – 110 с.
3. Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 432 с.
4. Пекарский Э.К. (Сокр. Пек.) Словарь якутского языка. – СПб., 1959. – 3858 стб.+ VIII с.

5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (Сокр. ССТМЯ): В 2 т. – Л.: Наука, 1975, Т. I. – С. 355; 1977, Т. II. – С. 260.

6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – 3-е изд. – СПб, 1996, Т. I (А-Д). – С. 107.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_002

Оконешников Е.И.

«КҮӨХ УОТУ АСПЫККАР УЛУУ МАХТАЛ!» (М.С. ИВАНОВ-БАГДАРЫЫН СҮЛБЭ ТУҢУНАН)

Михаил Спиридонович Иванов-Багдарыын Сүлбэ 1982 с. «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» кинигэтигэр итинник тыллары («Күөх уоту аспыккар улуу махтал!») суруйан бэлэхтээбитэ. Оччолорго кини Республикаатаабы учууталлар идэлэрин үрдэтэр институтка соторутаабыта кэлбит этэ. Ол иннинэ Н.Г. Чернышевская аатынан Бүлүү педагогической училищетыгар дириэктэринэн олус үчүгэйдик, таһаарылаахтык үлэли сылдыарын истэrim. Онтон тобо манна кэлэн хаалбытын билбэт этим. Хаһан, ханна көрсөн, миигиттэн рецензия көрдөөбүтүн билигин өйдөөбөппүн эрэри, Михаил Спиридоновичы устудьоннуур сылларыттан билэrim. Абыах кэмнэ Пединститут волейбольнай хамаандатыгар бииргэ сылдыбыппыт. Хамаанда састаабыгар өссө Вася Яковлев баара. Кинилэр иккиэн мээчиги «быһар» этилэр. Мин мээчиги туруоран биэрэrim, кинилэр охсоллоро. Вася Яковлев табылыннабына, киһи дэбигис кыайан ылбат гына күүскэ охсоро. Биһиги хамаандабыт куоракка бастыра. Сотору уолаттарбыт Г.П. Башарин «дыалатыгар» эриллэн хаайыллыбыт сурахтарын эрэ истэн хаалбыппыт. Манан сибээстээн биир түгэни истибиппин ахтаары гынабын. Кандидатскай диисертациятыгар Г.П. Башаринынан, П.А. Ойуунускайынан мунурдаммакка, А.Е. Мординовка кытта политической дьаралыктары ыйаан суруйбут пединститут преподавателэ толугу көрүнгээх В.А. Семенов туус манан мааны көстүүмүн кэтэн тийэн, суукка уолаттары көмүскэспит үһү диэни истибиттээхпин. Кэлин кини П.А. Ойуунускай туһунан тыла төһө тийээринэн хайбаан суруйара. Бэлиитикэ ити курдук дьону кубулулар күүстээх. Онукка бэриммэтэх дьоннортон биирдэстэринэн – Михаил Спиридонович Иванов – Багдарыын Сүлбэ.

Кинигэтин рукопиһын биэрэригэр: «Мин топонимикаа аналлаах сэттэ кинигэни суруйуохтаахпын» – диэбитигэр сөбө санаабыппын

өйдүүбүн. Биир сир аатын (топонимы) ырытарыгар омук устуоруйатын кэрэхэлиир үһүээннэри-номохтору, саха олобун-дьаһабын ойуулуур историческай-этнографическай чинчийиилэри, архыып матырыйаалларын бэрийиэхтээххин, суолтатын быһаарарыгар тюрк-монгол, эбээн-эбэнки онтон да атын бу дойдуга олоро сылдыбыт омуктар тылларын кытта тэннээн көрөр ньыманы туһаныахтааххын уонна ону тыл үөрэхтээхтэрин этиилэринэн бигэргэтэн биэриэхтээххин. Саха топонимикатын үөрэтиигэ санаммыт киһи, – ааптар этэринэн. "Кыралаан былыргы өбүгэлэрбит ханан-ханан ололбуттарай, ыаллара кимнээх этилэрэй, хайа-хайа омуктары, биис уустарын кытта эн-мин дэспиттэрэй, уруу-тараа буолбуттарай, туох-ханнык абыычайдаах, үгэстэрдээх этилэрэй, ханнык тылынан санарар, сирдэрин-уоттарын ааттыыр этилэрэй...

Саха норутун түн былыргы историятын уонна топонимикатын үөрэтии билигин туруга итинник харбааһыннаах боппуруостары быһаарарга кыабы соччо-бачча биэрбэт. Онон ити туһунан билигин үксүгэр уопсай өрүттээх барыллааһын, сабаҕалааһын санаалары этэ-этэ, баҕа санааны биллэрии уонна ыччакка өйүн-санаатын оонньоторугар, сытылыырыгар диэн ыраах ытар аналлаах соругу туруоруу быһыытынан этиэхпин сөп" (3 с.).

Күннэ сүүстэ туттар тылбыт *тыа* былыргы тюрк *таб* диэн тылыттан силис тардар эбит. *Таб* – хайа диэн суолталаах. Татардарга, башкирдарга, казахтарга онтон да атын тюрдуу тыллаахтарга уларыян атын-атыннык ааттанар эбит *таб, таг, тау, даб, так, тун* энин диэн. Ити курдук элбэхтик тас көрүнэ уларыдар да, тугу көрдөрөрө, суолтата уларыбатах, син биир *хайа* диэн. Былыргы тюрдар киллэм хонуу дойдулаах дьон эбиттэр. Ол хонууларыгар ойуур үүммэт. Ойуурдара хайаларыгар эрэ үүнэр эбит. Ол иһин кинилэргэ хайа икки, ойуур икки биир өйдөбүллээх буолан хаалбыттар. Итинник быһаарарыгар сигэнэр (сыылкалыыр) литературата диэн баһаам элбэх. Өссө саха топонимикатын үөрэтии өбүгэлэрбит түн былыргыга олоро сылдыбыт дойдуларын айылҕатын чуолкайдыырга көмөлөһөр диэн түмүктүүр.

Бу, көстөрүн курдук, чинчийэр (научнай) үлэ эрээри, сахалыы лопбааччы өйдөнүмтүө тылынан суруллубутун иһин, киһи уус-уран литература курдук таттаран ааҕар. Саҕалананытыттан быһа тардыы аҕалабыт.

– Амма Абаҕатыгар Сүрэх Тыа диэн бурдук сирэ баар. Бурдук сирэ буолуо ини, тыа диэн ааттаах буолуо ини.

Сүрэх Тыа! Кинини солообуттар. Былыргы оҕонньоттор. Онно билигин тыа суох – бурдук сирэ нэлэһийэр. Ол эрээри, сир син биир уруккутун курдук, Сүрэх Тыа диэн баччаанҥа диэри ааттанан сылдьар, өссө су-

рукка киирэр: араас биедэмэстэргэ, оччуоттарга энин. Аат ити курдук олус уһун үйэлээх.

Аны хатын сир аата буолбутун хайдах ойуулуурун көрүөбүҥ. Хатын – төрүт-уус тюрк тыла. Былыргы тюрдар кинини *хабын*, *хайын* дииллэр. Оттон билиҥни тюрдар *хадын*, *хазын*, *каазын*, *кайын*, *кайин*, *зайин* ди-иллэрин тылдыттарга, тыа үөрэхтээхтэригэр сигэнэн ыйар. Дойду биир бастын, мааны маһынан хатын буолар. Киниэхэ тюрк норуоттара, мон-голлар эмиэ, былыр-былыргыттан сүгүрүй эллэр, айыы маһынан ааба-ллар. Ол санааны сахалар билиҥни дойдуларыгар илдэ кэлбиттэр. Ха-тынна дойду иччитэ олорор, хатын абааһытын, куһаҕан тыынтан кинини көмүскүүр улуу күүстээх диэн саныылар. Саха дьоно хатыны сити кур-дук дойду иччитэ таптаан оонньуур маһа диэн үрдэтэ туталларын туһунан хас да үһүйээннэр ис хоһооннорунан бигэргэтэн биэрэр. Ыһыах ыһар сиргэ абааһыны, куһаҕан тыыны адьас чугаһаппат инниттэн түһүлгэни тас өттүнэн эргиччи күөх сэбирдэхтэрдээх хахыйахтарынан чэчир ан-һаллара. Ол үгэс билигин да тутуһулар. Билигин даҕаны чэчир ан-һабыт.

Тиит сир аатыгар ингэн киирбитэ үтүмэн үгүс. Холобурга манньктар бааллар: *Тиит Арыы*, *Тиит Күөлэ*, *Тиит Тыа*, *Тиит Үрүйэтэ*, *Ой Тиит*, *Сизги Тиит*, *Тумул Тиит*, *Тиит Ураһа*, *Тиит Күрүө*, *Соботох Тиит*, *Хос Тиит*, *Үс Тиит*, *Арбахтаах Тиит*, *Атырдьах Тиит*, *Мунгур Тиит*, *Орук Тиит*, *Оһорбо Тиит*, *Суон Тиит*, *Үрдүк Тиит*, *Хастаабыт Тиит*, *Кэрэх Тиит* о.д.а.

Ичээн кинини эбэтэр уолунан, кыһынан кырдьан өлбүт дьону көмөн баран, көмүллүбүт иинин үрдүгэр хатын маһынан кириэс онорон саайалларын туһунан үһүйээннэргэ үгүстүк ахтылларын бэлиэтиир. Ол аата кинилэр, абааһы буолан, күөрэйбэтиннэр диэн. Ити курдук киһи күн сириҥ көрүөбүттэн хара өлүөр диэри уонна өлөн да баран хатыны кытта дуол арахсыспакка аргыстаһар. Ол да иһин буолуо Хатын сир аата буол-бута тыһыынчанан: *Хатын*, *Хатын Күрүө*, *Хатын Саппыйа*, *Хатын Ураһа*, *Хатын Үчэһэ*, *Ытык Хатын*, *Диринг Хатын*, *Хатын Халыйбыт*, *Ойуу Хатын*, *Хатын Ордул*, *Хатыннаах* уо.д.а.

Аны Хатын атын тюрк омуктарыгар сир аата буолан дэлэйдик ингэ сылдыарыттан холобурдуубут. Горнай Алтайга *Кайын* (Хатын), *Кайын Арты* (Хатын Аартык), *Кайынду* (Хатыннаах), *Кайынду Кыр* (Хатынна-ах кырыы), *Кайынду Төбө* (Хатыннаах Төбө), *Кайын Сир* (Хатын Сыыр), *Кайынгы Бажы* (Хатыннаах Баһа) о.д.а.

Тыа, *хатын* диэн тыллар сир аата буолбуттарын кинигэ 17 сирэийн тухары сиһилии суруйар уонна 58 суол араас источниктарга сыылка-

лыыр. Салгыы «Баай Күөл» диэн кэччиккэ 56, оттон «Хоро Сирэ» диэн кэччиккэ 126 сыылканы туруорбутун көрөбүт. Кинигэ былаһын тухары (231 с.) биирдиилээн тыллар эбэтэр тыа ситимнэрэ сир аата буолбуттарын история, этнография, археология, тыл үөрэхтээхтэрин кинигэлэригэр уонна үһүйээннэригэр олобуран, бэрт итэҕэтиилээхтик быһаарар. «Бу дьыннээх чинчийэр научнай үлэ» диэн сыаналаабыппын билигин өссө чинэтэн бигэргэтэбин: Өссө сахалыы суруллубутун чорботон бэлиэтиибин уонна ааптар бэйэтэ бэргэн тыллардаах кылгас этиилэринэн суруйар туспа истииллээҕин бэлиэтии көрбүппүн эбэн этиэхтээхпин.

Ааптар кинигэлэригэр киллэрбит сирдэр ааттарын ырыппытыттан көрдөххө, сирбит аата үксэ (барыта да кэриэтэ) тюрк, монгол тылларыттан силис тардаллар эбит. Үгүстэн биир холобуру аҕыннахха, былыр курыканнар олоро сылдыбыт сирдэригэр *хайа, таас, үрэх, бас, күөл, кырдал, булун, толоон, туран* о.д.а. сахалыы ааттаах сирдэр баалларын ыйар.

Михаил Спиридонович бу эрдэтээҕи собуус кинигэтигэр саха тылын үөрэбэр топонимика диэн хайысха баарын итэҕэтиилээхтик көрдөрбүтэ. Ол эрэри топонимиканы үөрэтэргэ матырыйаал аҕыйаҕын, Саха республикатын быһыһынан эрэ мунурданар табыллыбатын, кытыы сирдэр чахчылара кыайан хабыллыбатын тустарынан кинигэтигэр элбэхтик хараастан суруйбута. Ити итэҕэни ситэрээри үс мөлүйүөнтөн тахса квадратнай иэннээх Сахатын сиригэр уһаты-туора сыыйан ахан биэрдэ. Онон мунурдаммакка, Магадан, Амур, Чита, Иркутскай уобаластарынан, Красноярскай, Хабаровскай кыраайдарынан сылдыталаата. Хантан үп-харчы булан, ити үлүгэрдээх сырыыны сылдыбытын бэркиһээн эрэ кэбиһэбин! Илин Сибииргэ суох топоним баай картотечнай базатын олохтообута инники чинчийээчилэргэ эрэллээх источник буоларыгар саарбахтааһын суох. Сэтгэ кинигэни суруйуом диэбитин мин сөбө истибит буоллахпына, билигин бэчээттэтэн таһаарбыт кинигэтин ахсаана уонтан быдан табыста. Икки наука кандидатын бэлэмнээтэ. Саха АССР үтүөлээх учуутала, норуот үөрэҕириитин салайааччы – директор быһыытынан киллэрбит кылаатын эбэн кэбиһиэбин. Талааннаах иитээччи-учуутал эбитин үөрэппит оҕолорун иһирэх ахтыылара кэрэһэлиллэр. Дьэ, биир киһи кыабыгар үтүмэн үлэ буолбат дуо?!

Төрөөбүт дойдугар, норуотугар чахчы бэриниилээх, айылҕаттан айдарыылаах кытаанах характердаах, дьыннээх патриот киһи этэ Михаил Спиридонович Иванов – Багдарыын Сүлбэ! Бу кылгас иһитиннэриини кинигэтигэр киллэрбит бэйэтин тылларынан түмүктүүбүт: «Саха топонимикатын үөрэтии киһиэхэ төрөөбүт норуотунан киэн туттуу кэрэ чувствотын үөскэтэр. Картаҕа көрүн: арҕаа Дьэһиэй күөлүн, Таймыры, илин

Чукотка быһыһын, Охотскай муора кытылын, хоту өттүбүтүгэр Муус Байбал арыыларын, соҕуруу Амыры, Байкалы! Итиннэ барытыгар тийэн-түгэнэн, сырыы сылдьан, олох олорон, айылҕаларын чинчийэн, хас үрүйэ-харыйа, маар-бадараан, дүөдэ-көлүйэ аайы аат биэри — сүрдээх тиирэ тэбии, тилийэ сүүрүү буолбаат!».

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_003

Пахомова Л.С.

НАРОДНЫЕ (МЕСТНЫЕ) ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Любой народ имел четкое название природных объектов своего ближайшего окружения, умел определять своеобразие географического объекта и давал им термины. Местные географические термины определяются по-разному, они одновременно: индикаторы, номенклатурные, нарицательные, народные, указывающие на род, вид, географического объекта [5, с. 16]. По мнению Э.М. Мурзаева, «народные географические термины — основа топонимии, они оказываются той частью сложных, составных географических названий, которые определяют смысловое содержание топонимов [65].

Местные географические термины Северо-Востока России как народные термины обозначают названия объектов природы: гор, низменностей, холмов, распадков, лощин, рек и речушек, озер и огромное разнообразие микропонимов на языках коренных народов, населяющих район исследования. Г.Н. Максимов утверждает что, обыденные знания людей о среде своего постоянного обитания называются народной географией [4, с. 4].

Велика роль народной географии в образовании топонимов. Якутские названия, обозначающие формы рельефа ландшафтов — местностей, урочищ, закрепились как термины народной географии. Это — *сис хая, хая, дабаан, сис, мыраан, томтор, хальджай, артык* и др. Равнинные и низменные местности обозначаются терминами *туйма, киллэм, толоон, нам, хотумах, силээн, аппа, хотоол* и др. Со временем большинство терминов образовали топонимы, к примеру: местность *Киллэм, Нам, Толоон, Томтор*, микропоним *Аппа анна* и др.

Эвенкийские народные термины: *бур* 'остров', *джугдджур* 'водораздел, перевал', *даалдыын* 'приток реки', *дюкте* 'родник', *куду* 'солонцы' [3, с. 25-27] *чурбука*

'холм' и др. Известны топонимы: хребет *Джугдзур*, реки *Далдын*, *Юхта*, село *Куду-Кюёль* в Олекминском улусе, гора *Чурбука*. Эвенский народный термин *һэйум, эйим* 'полюнья' образовал топоним *Оймякон*, *ньару* 'болото' – топоним *Усть-Нера*, топоним *Мома* происходит от эвенского слова *моо* 'лес, дерево' и означает 'деревянная'. Термин *окат* 'река' образовал топонимы: река *Охота*, *Охотский острог*, *Охотское море*, хотя эвены Охотское море называют Ламу [1].

У народных географических терминов, кроме их основной функции – называть различные виды географических объектов и функции служить базой для образования топонимов, есть еще одна функция – быть использованным в качестве научных терминов [7, с. 54].

Мерзлота – уникальная особенность природы Якутии. Якутская народная география очень четко обозначила все объекты природы, созданные многолетней мерзлотой. Каждая форма рельефа имеет собственное название: *алас*, *булгуннях*, *быллар*, *байджерах*, *дюёдя*, *кырдал*, *булуус*, *тарын*. Обыденные знания якутов отражают наблюдательность народа, умение выделять особенности природы, со временем народные термины превратились в географические названия. Народные якутские географические названия как «алас», «дюёдя», «булгуннях», «байджерах», «та-рын» прочно вошли в геофизиологическую науку и стали международными научными терминами физической географии [10, с. 19, 42, 61].

Обзор народных терминов позволит понять распространение топонимов, связанных с мерзлотой. Особенным почтением якутов пользовались булгунняхы – холмы посреди аласов или озер. Такие объекты всегда отмечались как ориентиры на местности, его знал каждый житель и как особенность ландшафтов они стали топонимами и микротопонимами местностей. Топоним 'булгуннях' распространен по территории Якутии: самый северный топоним *Ёксёкю Булгуннях* отмечен на острове Земля Бунге в архипелаге Новосибирских островов [1]. Известны села *Булгунняхтах* в Хангаласском и *Булгунняхтах* (прежнее название с. Хоро) в Верхневилуйском, урочище *Булгунняхтах* в Сыланском наслеге. Есть речка *Булгуннях*, это левый приток р. *Хоруонка* в бассейне р. Лены. Речки *Булгунняхтах* записаны в Анабарском, Эвено-Быгантайском, Оленекском улусах, также есть речка *Булгуннях-Сянэ* приток Б. Куропаточьей в Нижнеколымском улусе. Имеются озера с названием Булгунняхтах в Среднеколымском и Усть-Янском улусах [9].

Топоним 'алас' имеет довольно обширное распространение, в основном это микротопонимы. Багдарыын Сүлбэ отметил, что «Чурапча – классический регион аласов. Этим термином, ставшим мировым, названы многие десятки, а может сотни топонимов» [1]. Среди них, к примеру,

Миитээски Алаас, Куёрэгэй Алаас в с. Чурапча, Куранах Алас в с. Дэб-диргэ в Таттинском улусе.

Какой народный географический термин, обозначающий озеро распространен на северо-востоке России? Якутия и Чукотка как озерные края имеют огромное множество топонимов – гидронимов. Термин «кю-эль» на якутском языке распространен повсеместно: небольшой пример, село Ытык-Кюель и озеро, село Себян-Кюэль. Народные термины, обозначающие озеро, распространены и среди других народов. Например, чукотский народный термин 'гытгын' – озеро образовал следующие топонимы: Илirгытгын – 'илир' – «остров», озеро, имеющее остров, Эльгытгын – 'элг' – «белый», белое озеро. Ангкагытгын – 'ангка' – море, значит морское озеро. Омрыгыннгытгын – 'ом' – «толстый», 'рыркат' – «моржи», это озеро с упитанными моржами. Сокургытгын – 'сокур' – сиг, т.е. «озеро с сигом» [1, с. 89].

Н.В. Подольская отмечает, что понятие «народный географический термин» шире, чем «местный», за которым кроется значительная локальность. Местный географический термин может выйти за пределы своего зарождения и даже стать общенародным [7, с. 54].

На северо-востоке России довольно много народных терминов, которые введены землепроходцами – поморами Русского Севера. Поморы называли заливы, бухты – 'губа', мысы – 'нос', проливы – 'горло'. Пример выхода народного термина поморов за пределы своего ареала связан с передвижением землепроходцев – мореходов по северным морям, начиная с XVII века. Народные термины поморов постепенно стали появляться на берегах северо-востока России, на морских берегах Северного Ледовитого океана. Географические названия очень четко отражают путь землепроходцев. Среди морских объектов распространен народный географический термин губа (залив) – губа Буор-Хая, Эбэляхская, Селляхская в море Лаптевых, Хромская губа, Омудляхская губа, Колымская губа, Чаунская губа в Восточно-Сибирском, Колочинская губа в Чукотском, Пенжинская губа, Гижигинская губа и Тауйская губа в Охотском морях.

Мыс в море Лаптевых – Святой Нос или мыс Шелагский раньше назывался Первый Святой Нос [8, с. 34]. В истории географии интересна судьба географических названий мыса на северо-восточной оконечности Чукотки, открытый землепроходцем С. Дежневым в 1648 году. Он назвал его «большой каменный нос», но его «скаска» не дошла до адресата. До XVIII в. он был известен как Чукотский Нос, Необходимый Нос. В 1778 году английский мореплаватель Дж. Кук назвал его Восточный мыс. И

наконец, в 1898 году по ходатайству РГО, мыс Восточный в честь 250-летия открытия мыса, получил официальное название мыс Дежнева [11] и стал крайней восточной точкой России, Азии и Евразии.

Таким образом, народные (местные) географические термины народов Северо-Востока в большинстве случаев образовали много разных направлений в топонимии по природным объектам, особенно в микро-топонимии, и как народная география создают топонимическую картину Северо-Востока России.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии: Крат. науч.-попул. очерк. – Якутск: Бичик, 2004. – С. 89.
2. Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ. Из топонимики улуса / Чурапчинский улус. История. Культура. Фольклор. Серия Улусы РС (Я). – Якутск: Бичик, 2005. – С. 32-38.
3. Инструкция по русской передаче географических названий Якутской АССР. – М.: Изд-во «Наука». Главн. редакция Восточной литературы. – 1976. – С. 25, 26.
4. Максимов Г.Н., Саввинова А.Н. О народной географии вообще и якутской в частности / География и экология в школе XXI века. – 2007. – С. 4-7.
5. Мурзаев, Э.М. Местные географические термины и их роль в топонимии / Вопросы географии. Изучение местных географических терминов. Сб. 81. – М.: Мысль, 1970. – С. 16-32.
6. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984, с. 203.
7. Подольская Н.В. Народные термины в роли терминов научных / Вопросы географии. Изучение местных географических терминов. Сб. 81. – М.: Мысль, 1970. – С. 54.
8. Попов С.В. Морские имена Якутии. – Якутск: Якут. Кн. изд-во, 1987. – С.12, 34.
9. Словарь географических названий Якутской АССР. – М., 1987. – С. 49.
10. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. – М.: Советская энциклопедия, 1980. С.19, 42, 61.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мыс_Дежнёва#История

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_004

Харитонов А.М.

К ВОЗМОЖНОМУ ПРОИСХОЖДЕНИЮ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Современная топонимика исходит из принципа соответствия происхождения топонимов из языка обитавших здесь прежде или обитающих сегодня на данной территории народов. Попытки вывести топоним из языков других народов обычно не приветствуются, хотя порой и принимаются к сведению в научной литературе. Таковыми, например, можно считать попытки объяснить возникновение топонима Обь его иранским происхождением. Достаточно подробный список отечественных топонимических работ, в т.ч. для Северо-Востока России можно найти в «Топонимическом словаре» Е.М. Поспелова [3].

Однако, не совсем ясным порой является само происхождение обитающих на Северо-Востоке России народов. В частности, таким «темным местом» в мировой истории является появление здесь и на севере Северной Америки палеоазиатских языков. Хотя эти языки и объединяют в одну языковую группу, они настолько неоднородны, что ни о каком родстве данных языков на практике речи не идет. К тому же в их этнографии встречаются некоторые элементы, которые отмечены и для народов Южных морей.

Считается, что все эти «южные» элементы занесены на север в глубокой древности. Однако, уже в XXI веке появилась теория, которая позволяет отнести появление этих элементов на Севере к намного более раннему времени, если немного пересмотреть современные взгляды историков на эпоху Великих географических открытий.

В частности, британский офицер-подводник Г. Мензис в 2002 г. предложил Королевскому географическому обществу считать настоящими первооткрывателями Нового Света и территории Сибири ... китайских мореходов XV века. По его мнению, [2] именно их достижения использовали европейские мореплаватели, переоткрывая новые для Европы земли. Наши британские коллеги поддержали его точку зрения. Она нашла также понимание у ряда ученых периферийных научно-исследовательских учреждений бывшей Британской империи. Некоторые примеры в развитии подобной теории можно также найти в наших работах [4; 6 и др.]. Конечно, теория Мензиса не понравилась современным историкам – ведь она покушается на основы европоцентризма, присущего современной трактовке исторических событий.

Тем не менее, сравнение названий и положения реки Яна (Янга) и Ганга и Индигирка на севере Азии тоже может быть далеко не случайным в свете положений теории Мензиса. Интересно также сравнить название

о. Айон и Чаунской губы (юкагирское «чаун» означает «морской») с тем же China (европейское название Китая) и народа айны [7]. Эти примеры показывают, что процесс формирования топонимов не столь случаен, как считается сегодня, а также подчиняется определенным правилам, которые можно выявить путем комплексного географического исследования.

Теория Мензиса вполне могла бы объяснить предания юкагиров об их заморском происхождении, а также возможность прибытия якутов на современные места обитания по реке Лена. Китайские суда вполне могли захватить на борт крупный рогатый скот и лошадей, тогда как сплав с ними вниз по Лене выглядит достаточно проблематично. Возможной китайской экспедицией можно было бы даже объяснить некоторые примеры о якобы допотопных артефактах, связанных с мореходством, на территории Якутии, которые порой появляются на некоторых популярных сайтах в интернете.

Достаточно интересно также сходство географических названий и этнонимов Аляски с современным Алтаем и Якутией (см. табл.1), рассмотренные нами [5 и др.]. Интересно и то, что современные кетские языки, относимые к палеоазиатским, и индейские языки на-дене современные лингвисты относят к китайско-тибетской семье языков. Да и сами индейцы на-дене любили использовать в качестве украшений китайские монеты.

Подобный способ переноса географических названий с одной стороны порождает путаницу в определении первоначального места зарождения топонима, а с другой стороны, может помочь восстановить полноценную картину прошлого в случае утраты каких-то отдельных топонимов в ходе исторических катаклизмов. Пока такими глобальными проблемами распространения топонимов вслед за перемещением их носителей занимается лишь В.А. Курбатов [1], но они достаточно важны в современных топонимических исследованиях.

Получается, что одинаково звучащие на разных языках части топонимов, которые лингвистами с подачи историков частенько списываются на «сирены созвучия» и изымаются из научного оборота, согласно новейшим исследованиям с использованием географических методик, на самом деле могут и не являться таковыми. Именно об этом мы призываем постоянно помнить нынешних исследователей. Вероятно, основные положения теории моногенеза (происхождения всех языков из одного источника) нуждаются в корректировке в свете разработок происхождения пиджинов и креольских языков.

**Некоторые тюркские по происхождению этнонимы
и топонимы Русской Америки**

Русская Америка	Азиатская Россия (Уйгурская группа тюркской языковой семьи)
Тлинкит (тлингит) (индейский народ из языковой семьи на-дене) или колошенский язык	Теленгиты (этнографическая группа алтайцев), Алашань – пустыня и горы в современном Китае
Алеуты	Телеуты (этнографическая группа алтайцев, близкая к теленгитам)
Якутат, Якутанья (мыс, «место причала каноэ» на тлингитском языке), Кейп - Якатага	Якутия
Аляска (ср. ала Саха, где ала – эль, т.е. народ, племя), также Алакшан	Республика Саха (Якутия) и Алашань
На-дене (дене – человек)	Саха дьоно (якутский народ)

Литература

1. Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V – XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – 382 с.
2. Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. М.: Эксмо, Якуз, 2006. – 640 с.
3. Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2001. – 512 с.
4. Харитонов А.М. К вопросу о возможном происхождении палео-зиатских языков // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанционной научно-практической конференции XIII Югорские чтения (20 декабря 2014 г., Ханты-Мансийск). – Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. – С. 114-123.
5. Харитонов А.М. К проблеме дорусских географических исследований Северо-Востока Азии // Камчатка: события, люди. Материалы XXV Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2008. – С. 251 – 254.
6. Харитонов А.М. К происхождению «индийской» топонимики севера Евразии // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 199 -204.
7. Харитонов А.М. К происхождению некоторых топонимов Сибири и Дальнего Востока // Материалы XV научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 2015. – С. 362-364.

ЯКУТСКИЕ ТОПОНИМЫ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Известный топонимист М.С. Иванов-Багдарын Сүлбэ в своем труде «Топонимика Якутии» справедливо писал: «Топонимика может дать информацию поистине энциклопедического характера: о природе края, его водах, растительности, животном мире, полезных ископаемых» [1]. Действительно, дейктивная функция топонима как географического имени собственного обусловлена, прежде всего, необходимостью ориентации самого человека как имядателя в физико-географической реальности окружающего его мира. Поэтому большинство топонимов – это своего рода «ориентеры» языкового характера, именующие географические объекты посредством слов «река», «гора», «хребет», «перевал» и т.д.

Топонимы также – это языковые свидетельства исторического прошлого народов, некогда населявших какой-либо регион. Поэтому Багдарын Сүлбэ исследовал названия якутских наслегов, описал их вероятное значение, предоставил лингвокультурную информацию по каждому из названий на основе изученных архивных документов, что является поистине энциклопедией исторического прошлого и настоящего Якутии.

Бурятский топонимист М.Н. Мельхеев писал, что топонимы – это свидетельства прошлого, а их сохранность лучше по сравнению с такими артефактами истории как «камни, оружие и кости». Это обусловлено тем, что со временем географические названия становятся привычными, обыденными, (впрочем, как и любое имя вообще) для местного населения, обозначая необходимые для хозяйственной деятельности человека места и природные объекты. При этом утрачивается исконное семантическое значение топонима в связи с утратой того языка, из средств которого и было образовано название. Такие топонимы представляют собой чрезвычайно важный и ценный языковой материал, адекватная «расшифровка» которого позволяет исследователю проникнуть в историческое прошлое как отдельного народа, так и отдельного региона.

Топонимия Восточного Забайкалья состоит из разных в языковом отношении стратиграфических пластов, включая и палеоазиатский, к которому относятся кетские и юкагирские названия [4]. Мы уже писали о том, что гидроним Онон можно объяснить в семантическом плане из лексики юкагирского языка, где *эннуң* 'река'. Информативными топонима-

ми, как правило, являются этнотопонимы, значение которых связано с родоплеменными названиями многочисленных племен и родов Северной Азии.

К примеру, упомянутое Багдарыын Сүлбэ название левого притока р. Яны Бытантай [1, с. 165-166], может являться этнотопонимом, значение которого может быть связано с таким родовым именем хори-бурят как Батнай (Батанай) – одного из 12 хоринских (восточных) родов. Формант – *тай* гидронима Бытантай возможно отнести вслед за Сүлбэ к монгольским, вернее, к бурятским аффиксам в значении «с чем-то». Также нельзя исключить и возможность передачи условно монгольского топонима посредством якутского языка, что повлияло на формальную сторону гидронима.

Известно, что род Батанай относится ко второй группе хоринских родов согласно бурятским преданиям. Ц.Б. Цыдендамбаев высказал мнение об отантропонимном происхождении (от монгольского имени личного Батунай) генонима Батанай, хотя и не исключил некоторых сомнений по поводу их прямого монгольского начала [6, с. 208]. В первой половине XIX в. Батанайский род не входил в состав хори-бурят, а был в числе трех табангутских родов, которые принято относить к селенгинским бурятам. Восемь селенгинских родов, по данным исторических хроник самих селенгинцев, по выходу из Монголии расселились по р. Селенга, т.е. в районах Юго-Западного Забайкалья с начала второй четверти XVII в. [3, с. 6]. Мы склонны считать геноним Батанай кетоязычным субстратом в этнонимии монгольских народов, трактуя семантическое значение имени собственного от кетского апеллятива *баат* ‘старик; мужчина; человек’ [см.: 2]. Известно, что наиболее объективными значениями этнонимно-генонимных имен являются самоназвания, т.е. значение родового имени должно означать ‘старик; мужчина; человек’.

Известно, что в описываемый период истории становления народностей Сибири протоэтнические сообщества складывались из разных групп, родовых объединений, этнических элементов. В основе генонима лексически закрепляется опота мифического первопредка, тотема рода или же отдельной персоны – основателя рода, которым мог быть выдающийся своими достижениями или способностями человек. Таковым именем и могло быть имя Баатили Бата(с) как одно из самых первых названий древних монголов, о чем ранее мы уже писали [5, с. 43-44].

Подтверждением кетоязычности генонима Батанай может быть этноним Табангуты, сопоставимое с кетским табан ‘лес’. По поводу того, что кетское табан ‘лес’ легло в основу некоторых родоплеменных названий

Лесных народов, как и племен северных самодийцев, сомневаться не приходится. С позиций языка выявляется, таким образом, первичность названия 'лесной' народ при назывании этнического сообщества Северной Азии, известных со времен монголов как Лесные народы.

Якутские топонимы на территории Забайкальского края составляют незначительные вкрапления в общую массу эвенкийских и «тунгусских» названий в северных районах региона. При изучении этих топонимов как сложных имен собственных замечено, что среди них преобладают двусоставные модели, где первый компонент указывает на ту или иную особенность географического объекта, тогда как вторая часть названия является географическим термином, например: Отто-Юрях, Мюкя-Кюэль. В подобных двусоставных названиях, в основном, гидронимов, т.е. названий рек и ручьёв, определяемым часто выступают географические термины 'юрях', 'улах': Курунг-Юрях, Орто-Юрях, Тарынг-Юрях, Хара-Юрях; Сухой Кумах-Улах, Мокрый Кумах-Улах. В лимнонимах, т.е. названиях озёр: Мунг-Кюэль, Мюкя-Кюэль – в качестве определяемого употребляется также якутское *кюэль* 'озеро'.

В названиях гор и утёсов преобладает термин *хаја* 'скала, утёс': От-Кая, Тас-Хая, Урункая. Односоставные якутские топонимы оформлены аффиксами *-лаах* (афф. обладания): Аян-Суоллах, Кутулах, Амбардах, Ампардах, Нижний Атбастах, Верхний Атбастах, Таях-Нуорадах, Курунгнах, Оттох, Туруктах; *-нах/-нак*: Бахтарнак, Илинах, Эймнах; *-лык* (диал.) Амалык, Ималык.

Фонд топонимной лексики якутского языка имеет сложный состав - он состоит из апеллятивной лексики общеалтайского, субстратного и русского происхождения. Подобных «гибридных» названий, где детерминантами служат апеллятивы из разных языков, много: р. Дырын-Юрях где *дырен* /эвенк./ 'исток, начало реки' + /якут./ *юрях* 'река'; Мунг-Кюэль где *мунг* < *мөңгө*, *мөңгөн* /монг./ 'серебро; серебряный; деньги' + /якут./ *кюэль* 'озеро' и т. д.

Однословные якутские топонимы восходят к нарицательным словам самого различного значения, среди которых встречаются диалектные географические термины: Балыктах, где *балык* 'рыба'; Саган-Горус, где *орус* 'большая река', Аян-Суоллах, где *ајан* 'протока', Туруктах от *торут* 'источник', Орто-Юрях, где *орто* 'середина', Оясаллах, где *сала* 'приток', Отто-Кондуй, где *отто(х)* 'богатый травой'; Соготох-Харыя, где *харыја* 'ель', Урунг-Кайа (Урункая), где *урун* 'белый', Хара-Юрях, где *хара* «чёрный», Тас-Миеле, где *тас* 'камень' + *мие(ле)* 'река' (ср. Бирамиян, Угдамиян); Юктэкэн от *юктэ* 'ручей'. Некоторые якутские топонимы

оформлены аффиксами уменьшительности *-каан/-кээн/-коон* Урюмкан, Юктэкэн; *-чаан/-чээн/-чоон* Буручан, что объясняется длительными языковыми контактами и их двуязычием.

Таким образом, топонимика как отдельный раздел ономастики в целом, способна выявить и определить границы «белых пятен» в историографии сибирских этносов. Начало подобным исследованиям положено трудами таких известных топонимистов, как М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ, М.Н. Мельхеев, Э. Мурзаев и др.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии / Багдарыын Сүлбэ. – Якутск: Изд-во Бичик, 2004. – 248 с.
2. Вернер Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. – Учеб. пос. для уч-ся нач. школ. – СПб, 1993.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 622 с.
4. Жамсаранова Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья / автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Г. Жамсаранова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 24 с.
5. Жамсаранова Р.Г. Этноним Бата/Батас как древнее самоназвание монголов // Мат-лы междунар. науч. конф; посвящ. 80 летию д-ра филол. наук, проф. О.Д. Бухаевой: Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – С. 43-44.
6. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование) / Ц.Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_006

Николаева А.М.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ-ПАРАЛЛЕЛИ В ТОПОНИМИИ ЯКУТИИ И ТУВЫ

Тюркская топонимия – одна из основных видов топонимических пластов Российской Федерации. Целью статьи является выявление и анализ лексических параллелей в топонимии Якутии и Тувы. На материале словаря Б.К. Ондара «Топонимический словарь Тувы» (2007) и рукописи «Словаря местных географических терминов Якутии» М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ (1983-1988) выявлены географические апеллятивы-параллели в топонимии Республики Тыва и Республики Саха (Якутия).

Топонимическая лексика является уникальным и богатейшим материалом для исследования истории и этнографии народа. Топонимы открывают перед нами завесу неизведанного мира древности, событий жизни наших далеких предков. Топонимика представляет собою неиссякаемый источник для исследования языка, находит применение в исторической лексикологии, диалектологии, этимологии, лингвистической географии. В топонимах устойчиво сохраняются архаизмы и диалектизмы.

Как известно, тувинский и якутский языки имеют общие тюркские корни, а также, в них немало монголизмов. Тюркская топонимика всегда с особой силой притягивает интерес исследователей. Древний тюркский народ имеет очень богатую историю, где и сейчас много нераскрытых тайн, неизведанных троп. Исследование языка современных этнических групп, имеющих общие тюркские корни, позволяет прикоснуться к истории древнетюркского мира. Топонимика является одним из достоверных средств исследования, которая хранит в себе древнюю информацию. В области тюркской топонимики очень много работы сделано Э.М. Мурзаевым. Его перу принадлежат труды, посвященные лингвистическому изучению географической терминологии, топонимики тюркских и монгольских языков (1948, 1956, 1959, 1974, 1984, 1996). В данной статье сделан обзорный анализ лексических параллелей-географических апеллятивов в топонимии Якутии и Тувы, сделана попытка их сопоставительного анализа. Проводимый анализ позволит выявить, во-первых, сами лексические параллели, во-вторых, определить особенности их функционирования в якутском и тувинском языках. Цель исследования – выявление и анализ лексических параллелей в топонимии Тувы и Якутии. Материал для исследования извлечен методом сплошной выборки из Словаря Б.К. Ондара и рукописи М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ.

Живя в гармонии с природой, наши предки умели ориентироваться без компасов, без каких-либо современных устройств. Названия местностей по их расположенности, внешнему виду и т.п. – тому доказательство. В этой группе мы выявили около 115 лексических параллелей. Приведем некоторые из них.

Расположение. Называние местности по ее расположению весьма распространенное явление в топонимике. В данной подгруппе в якутском и тувинском языках совпадает много лексем. Например, *булун* (тув. угол, уголок; сторона) / *булун* (як. отдельная часть леса; отдельно стоящий пригорок); *бук* (тув. закрытый от ветра) / *бук* (як. тихий, безветренный); *кыдыы* / *кытыы* – тув., як. крайний; *ортаа* / *орто* – тув., як. средний, середина и т.п. Некоторые лексемы соответствуют лишь по внешним при-

накам, но семантическую связь в них все же можно проследить. Например, *арга* в тувинском языке означает 'горный лес, бор'. Ондар пишет «Арга – один из употребительных терминов в топонимии Тувы: гидронимы – Арга-Суг (букв. лес-вода), Арга-Хем (река, протекающая в лесу). Тувинский апеллятив *арга* соотносится с тофаларским *арһа* северный склон горы. В якутском языке *арҕаа* – это запад, западный. Древнетюркское значение данного слова *arqa* спина, задняя часть, тыл перешло в значение запад. О.Н. Бетлингк в своем словаре (В труде О языке якутов) объясняет слово арҕаа не как запад, а как спина: «Арҕаа (арҕан) спина. Мин арҕаабар, позади меня, вплотную позади меня» [1, с. 433]. И сравнивает со словом арҕас «Арҕас затылок, область плеч. Ср. арҕаа» [1, с. 433]. В современном якутском языке слово арҕаа в значении спина не употребляется. Но это значение до сих пор сохранилось в северных диалектах якутского языка (в Анабарском, Верхоянском, Момском и др.). М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ пишет: «Переход значения 'задняя сторона' в 'западная сторона', 'запад' объясняется сохранением у якутов системы др.-тюрк. ориентации в сторону восходящего солнца. Слово арҕаа запад Очень широко распространено в сложных топонимах, как различительное определение двух одноименных, близлежащих объектов. Противостоит термину *илин* (восток). *Арҕаа Айаан*, *Арҕаа Булун*, *Арҕаа Булгуннах* и т.д. Алтаистами выделяется «общеалтайская корневая морфема **ar(a)*-, которая прослеживается в названиях спины и, кроме того, служит для выражения таких понятий, как 'тыл', 'зад', 'задняя сторона чего-либо', а также 'север', 'северная сторона', 'запад'...: письм. мо. *аги* 'зад', 'задняя, тыльная сторона', ... монг. *ар*, бур. *ара*, калм. *ар^в~ār^в* 'зад', 'спина', 'тыл', 'задняя (или теневая) сторона горы', 'северная сторона', 'север', ..., башк., тат., кирг., *арка*, уйг. *а(р)ка* 'спина', 'зад', 'задняя сторона', 'тыл', каракалп. *арка* 'спина', 'север', 'северная сторона', ... эвенк. *аркан* 'спина', ... эвен. *арқан ~аркын*,... 'надлопаточная часть спины', сол. *арка* ... 'спина'» [2, с. 148-149].

В якутском языке слово *арҕаа* семантически взаимосвязано со словом *арҕас*. «АРҔАС 1) Выпуклость; холм. 2) Холка, верхняя часть спины или хребта, заплечье, меже (между) плечье, спина в плечах; 3) зашеек, загривок» [5, с. 24,143]. «АРҔАС. 1) загривок. 2) перен. выпуклость, неровность; [6, с. 39,46]. «В местн. географ. терминологии: удлинённая возвышенность в виде неширокого хребта; водораздел, горный хребет; выпуклость земной поверхности; холм; гребень, кряж. ср. «*арҕа* в хакасском языке – хребет горы, удлинённая возвышенность... У Радлова *арҕа* для леб., саг., чул. – спина, хребет... *аркалык* для кир. – горный

хребет. Баскаков пишет, что *арка* как и бел на Алтае – цепь невысоких гор, предгорий... В тюркских языках кипчакской группы (каракалп., кир.) *арка* - спина, хребет (горы)». Башк. диал. *арка* ‘спина’, ‘спинка’, ‘хребет горы’, ‘плоскогорье’, ‘возвышенность’, ‘верх’, ‘верхняя’, ‘пашня на возвышенности’. «Казах. и уйгур. *арка* - ‘спина’, но и ‘возвышенность, горный хребет’ [3; 132]. Во многих тюркских языках *арга* связано с понятием горы. В якутском языке слово *арбас* в сочетании с хайа гора образует географический термин *хайа арбаһа* горный хребет. Таким образом, в словах арга – арбаа – арбас прослеживается связь, берущая свое начало в древнетюркских языках.

Лексические параллели в топонимии Тувы и Якутии можно обнаружить и в апеллятивах, обозначающих рельеф, особенности почвы местности. *Адыр* – тув. развилина / *Адыр* – як. острые камни; *Аян* – тув. горный луг, поляна; урочище, влажный луг / *Айаан* – як. старое русло реки; *эл* – тув. обрыв, яр / *элгээн* – як. озеро удлинённой овальной формы, находящееся в долине реки; старица; заливчик; *даш* – тув. камень / *таас* – як. Камень; *кум* – тув. песок / *кумах* – як. песок, песчаный; *арыг* – тув. пойменный лес / *арыы* – як. остров и т.п.

Таким образом, можно обнаружить множество лексических параллелей в топонимии Якутии и Тувы. Всего, методом сплошной выборки нами было выявлено около 360 лексических параллелей в топонимии Тувы и Якутии. Среди них: географические апеллятивы; колоративная лексика; имена числительные; лексика, относящаяся к материальной и духовной культуре народа. Одни и те же лексемы являются топонимами (или компонентом топонима) в якутском языке, а в тувинском – употребляются только в общей лексике, или наоборот, есть слова, которые употребляются в обоих языках и в топонимной, и в общей лексике, или же служат только топонимами в обоих языках. Установлено, что лексические параллели в топонимии Тувы и Якутии составляют слова древнетюркского и монгольского происхождения. Данная тема нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Бетлингк. О.Н. О языке якутов. - Новосибирск: Наука, 1990. – 644 с.
2. Иванов М.С.-Багдарын Сүлбэ. Словарь местных географических терминов Якутии – рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН (ф. 5, оп. 12, д. 305-307).
3. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики / [Институт географии АН СССР: Мысль](#), 1974. – 384 с.
4. Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы - 2-е изд., перераб. - Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 2007. – 550 с.

5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е издание в 3х томах. – М.: Наука, 1958-1959.

6. Якутско-русский словарь (под ред. П.А. Слепцова). - М.: Советская энциклопедия, 1972.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_007

Самтакова К.Б.

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ АПЕЛЛЯТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Одной из важных закономерностей развития топонимики является то, что наименования в процессе их эволюции могут быть подвергнуты переосмыслению, что в свою очередь, часто становится фактором, влияющим на их дальнейшую эволюцию. Эти взаимозависимые явления, отражающие процесс развития языка, свойственны и топонимике Республики Алтай (РА).

Данный процесс произошёл с некоторыми географическими терминами и названиями на территории РА: раннетюркский *чул* ‘река’, ‘маленькая речка’ почти потерял это значение в современном топонимиконе и приобрел значение ‘дорога’ соответственно поменялись звуки: *ч* на *ј* и *у* на *о* в географических названиях н.п., р. Ак јол (Шебалинский р-он), р., у. Кёк Јол (Усть-Канский р-он) и т.д. Но надо отметить, что этот формант широко употреблялся и употребляется как географический термин в Улаганском районе. А в Кош-Агачском районе в качестве географического термина он хорошо известен жителям с. Джазатор. В других селах географическое значение этого форманта знают только некоторые пожилые люди. В Кош-Агачском районе топонимы с формантом *јул* встречаются чаще всего в бассейне р. Аркыт: **ур. Куган-Ара-Јул** в бассейне р. Јазатор, **р., ур. Кайын Ара-Јул** п.п. Шавлы и т.д. В Улаганском р-не топонимов с компонентом *јул* меньше, но все жители знают географическое значение этого слова: 1) маленькая река; 2) местность, поросшая редкими деревьями с маленькими ручейками: **р. Балыкту-Јул** н.п. Улаган, **р. Кайынду-Јул** л.п. Чулышмана и т. д.

Процесс переосмысления – фактор постоянный, проявляющийся с большей или меньшей силой на разных этапах развития топонимии, по-

этому он свойственен и современному ее состоянию. Так как специфическая функция топонимов заключается в указании на объект, дифференциальный уровень доминирует здесь над семантическим. В связи с этим топонимы легко подвергаются различного рода фонетическим воздействиям и изменениям. Так возникают два взаимосвязанных процесса: постепенная утрата первоначального значения и стремление придать данному звуковому комплексу некое новое значение. В результате появляются народные этимологии, а также легенды и предания, связанные с именами, изучение которых позволяет осветить некоторые стороны культуры народа.

Современное восприятие таких названий с апеллятивом Сал Жок (общее количество топонимов с этим апеллятивом достигает 16 единиц), обусловлено наличием в современном языке слов *сал* 'плот' и *сагал* 'усы', *жок* 'нет, отсутствует'. Вместе с тем, исторические сведения говорят об этнонимическом происхождении этого топонима. В.В. Радлов в своей работе «Из Сибири» упоминает тувинский род *салчак* в составе Салчакского или Хемгольского хошуна, кочевавшего на юге-востоке Тувы к северу от гор Тану-Ола по рекам Бюрень, Эржей, Иртыш, Каа-Хем и т.д. В этот Салчакский хошун входили роды *салчак*, *кыргыс*, *балыкчы*, *кара-иргит*, *хертек*, *хоскан*, *ак-соян*, *кара-соян*, *баяут*, *кусун*, *хойюк*, *олет*, *байгара*, *мунгат*. (Названия некоторых родов сохранились в антропонимах на исследуемой территории.) В.В. Радлов отмечает, что «тувинцы живут на узкой полоске земли у русской государственной границы, от истоков р. Кобдо и до оз. Косогол, и еще далее на восток и главным образом севернее Тану-Ола. Южнее этого хребта сойонами заселена узкая полоса шириной не более 30-40 верст от Тану-Ола до линии китайских приграничных пикетов» [12, с. 97]. Г.Н. Потанин при описании урянхайцев (тувинцев) упоминает *сальджаков* как кочевавших по р. Буреню. Он также упоминает и тувинский род *балыкчи* «над костью балыкчи смеются, что она происходит от рыбы» [12, с. 11]. Род *балыкчи* упоминается и В.В. Радловым (см. выше). Можем также предположить, что от этого этнонима исходит название самого отдаленного **н.п. Балыкча** в Улаганском районе. В современной интерпретации название населенного пункта переосмыслено, и оно трактуется из антропонима Балыкчи 'рыбак'. Ф.Г. Хисамитдинова в материалах для историко-этимологического словаря Башкортостана отмечает: "Балахча – деревня Балыхчинской волости Осинской дороги. Впервые упоминается в документах 1737 г. Название происходит от башкирского этнонима балыксы". В бассейне реки Аркыт

есть гидроним Рыбинск. Возможно это тоже название этнонима Балыкчы, который был переведен картографами на русский язык.

В связи с проблемой переосмысления интересно также трактовка топонимов с компонентом *кан* в современном алтайском ‘кровь’ или ‘хан’. В современной трактовке его интерпретируют как ‘главный’, видимо по аналогии со словом ‘хан’. Его гидронимическое значение утеряно и современным жителям неизвестно. Данный топоформант в качестве ГН употребляется только в составе топонимов. Э.М. Мурзаев выводит гидронимическое значение данного форманта, связывая его с иранским *кан* ‘канал, арык, проток’. Он подчеркивает, что этот термин образует многочисленные названия в Средней Азии [7, с. 291]. Ш.С. Камолиддин считает *кан* аффиксом, который является тюркизированной формой древнеиранского *-gan* (*-jan*, *-kan*). Он приводит огромное количество географических названий с формантом *кан* в постпозиции [4, с. 74]. В историко-топонимическом словаре России зарегистрирован топоним «**Канск**, у.г., Енисейская губ. Основан в 1626 г. как Каннский острог; название по расположению на реке **Кан**. Гидроним образован элементом *кан*, который в гидронимии юга Сибири может быть древним термином со значением ‘река’ (ссылка на Мурзаева) [11, с. 97]. В топонимике РА топоформант переосмыслен и интерпретируется согласно современному значению этого слова как ‘кровь’ или ‘хан’. Например, названия населенных пунктов Улаган, Эдиган, Усть-Кан или Кан-Оозы трактуются местными жителями именно исходя из значений ‘кровь’ или ‘хан’.

В таком же ракурсе привлекает внимание интерпретация топонимов с компонентом *даба*. В современном алтайском языке такого слова нет и поэтому он переосмыслен в слово *таман* ‘подошва’, например, название знаменитого перевала **Чике Таман**. *Даба / дава / дабаа(н)* – монгольское заимствование в тюркских языках в значении ‘горный перевал’. Монг., бур., калм. *дава* ‘гора, перевал, седловина в хребте, подъем’, кирг. *дабан* ‘горный перевал’, хак. *даба* ‘перевал, ущелье’, якут. *дабан* ‘гора, падь, горный подъем’, азерб. *даба/дабан* ‘холм, горка’. Топонимический ареал распространения топонимов с *дава/даба/даба(н)* - от Дальнего Востока до Кавказа и Ирана [8, с. 108]. В топонимии приграничных районов это в основном сложные наименования: **пер. Дурбэт Даба** н.п. Кош-Агач, **пер. Улан Даба** н.п. Ташанта и т. д. Расположение топонимов с компонентом *дава* вдоль границы с Монголией и употребление форманта *даба* только в составе географических говорит об их монгольском происхождении.

Современное слово *јас* ‘весна’ привлекается современными жителями Алтая для интерпретации топонимов с компонентом *јазы*. Тогда как

аппеллятив *язы* отмечен в топонимическом словаре Горного Алтая как прилагательное со значением 'гладкий, ровный, широкий, степной', и как ГН со значением 'поле, степь, ровная и широкая местность' [6]. В словаре В. Вербицкого *язы* дается с пометой «кондомский, шорский, верхне-кондомский»: 'степь, в которой не обитают ни ворон, ни сорока' [2005, с. 69]. Но в современном алтайском языке нет такого слова. В ойротско-русском словаре Н.А. Баскакова он также не зафиксирован, но в качестве ГН он известен и употребляем жителями с. Аркыт, Джазатор и Улаганского р-на (особенно старшего поколения). Мы зафиксировали восемь топонимов с этим номеном: **ур. Язы** н.п. Аркыт, **ур., р., н.п. Язулу** н.п. Язулу и т. д. В Улаганском районе есть два л.п.р. Элдугем: **Верх Ясатер** и **Ниж Ясатер** и одноименная г. **Верх Ясатер**. В работе К. Конкобаева находим следующую версию: «Яссы является одним из названий местностей Киргизии, засвидетельствованных в арабо-персидских источниках. В формах *Йазы, Йасы, Йаси* оно зафиксировано в работах средневековых авторов Ибн ал-Асира, Низам ад-Дина Шами, Абд ар-раззака Самарканди, в сочинениях «Аноним Искандара» ... в современных тюркских языках *жазы, йасы* употребляются в значении 'обширный', 'просторный', 'плоский', тогда как в древнетюркском языке – 'равнина', 'степь'» [5, с. 33]. В тоджинском диалекте тувинского языка *чазы* – 'степь, поле', в хак. 'степь', в тофал. 'большая поляна; луг, покос, сенокосные угодья'. Видимо, рассматриваемый топоформант *язы* в географических названиях приграничных районов Республики Алтай имеет общее происхождение с формантами *яссы, йазы, жазы, чазы*, так как полностью совпадает семантическая характеристика перечисленных единиц.

В контексте переосмысления привлекает внимание и компонент *арой*, который установился как ГН совсем недавно. Об этом мы судим, исходя из объяснений, данных в топонимическом словаре Горного Алтая - информаторы не могут дать приемлемого значения слову *арой*. На сегодняшний день жители Улаганского района утверждают, что это исконно алтайское слово. Улаганцы произносят его как *арой*, поэтому мы тоже будем отражать эти топонимы через начальное **а**, но согласиться с тем, что слово исконно алтайское, по-видимому нельзя, поскольку оно отсутствует в других диалектах алтайского языка. Еще одна причина, по которой данный номен будет отражаться через начальное **а**: слово *орой* в алтайском языке имеет значение прилагательного 'поздний, опоздавший'. Но можно с уверенностью говорить о том, что это заимствованное слово было переосмыслено и прочно вошло в состав географических номенов Улаганского района. По версии информантов, это 'маленький переваль-

чик'. По поводу этого слова Э.Г. Севортьян отмечает: «*Орой / орай / урай*, известное в большинстве кыпчакских языков, а также в якутском, вероятно, заимствовано из монг. языков, как на это указывал Г. Рамстед уже в Словаре калмыцкого языка. Ср.-калм. *Ораа / орээ* – 'макушка', 'вершина', 'самая высшая точка'» [3, с. 473]. Ср. также: монг. *орой* 'верхушка', 'вершина', 'макушка', 'темя', п.-монг. *horai* 'верхушка', 'вершина', 'макушка', 'темя'; монг. *orgil* 'горная вершина'; манчж. *foron* 'темя'; эвенск. *horon* 'макушка', 'верхняя часть'.

Как видим, смысл, вкладываемый в этот номен местными жителями, совпадает со значениями перечисленных номенов. Обнаружилось 16 микротопонимов с топоформантом *арой*. Все они за исключением одного находятся на территории Улаганского района: **р. Боронтылу Арой** п.п. Башкуса, **р. Кайалу Арой** л.п. Башкауса и т. д.

В тувинском языке *ары*, *ар* 'северный склон', монг. *ары* 'север, задняя тыльная сторона' *ой* 'низина, лощина'. В топонимическом словаре Тувы есть наименование р., оз. Ары Ой, интерпретируемое как 'река протекающая по низине на северном склоне горы' [9, с. 57]. Видимо, заимствованная форма этого топонима в алтайском языке путем стяжения стала произносится *арой* < *ары ой*. Надо отметить, что в алтайском языке есть указательное местоимение *ары* 'по ту сторону, туда', которое семантически может быть связано с данным топонимом.

Еще одним географическим компонентом, переосмысленным жителями Кош-Агачского района, является апеллятив 'дара'. В топонимической литературе номен *тара* встречается в словаре «Географических терминов Западной Сибири» М.Ф. Розена. Он объясняется как «*Тара* 'река, приток' (финно-угорский или уральский реконструированный термин). *Тара* – приток Иртыша, два притока Бирюсы, река в верховьях Катуня» [13, с. 85].

В «Историко-топонимическом словаре России» Е.М. Поспелова дан следующий вариант данного топонима: «*Тара*, у.г., Тобольская губерния. Основан в 1594 г. в устье реки *Тара* (п.п. Иртыша); в 1669 г. перенесен на новое место ниже по течению Иртыша, но название *Тара* было сохранено. Гидроним *Тара* из тюрк. *тар* – 'узкий'» [11, с. 176].

На карте России Гильома Сансона, которая была издана в атласе «Де Росси» в 1688 г. в Риме, есть г. *Тара*. Он расположен рядом с Иртышом, но не в устье одного из притоков р. Иртыш. Данная карта грешит неточностями, но она подтверждает информацию историко-топонимического словаря России о существовании такого уездного города.

А.П. Дульзон отмечает гидронимы с компонентом *тари* в районе расселения нганасанов, которые употребляют его наряду со словом *бигай*, имеющим такое же значение 'река'. Гидронимы с этим формантом встречаются на юге Томской области, в северо-западной части Новосибирской области. «Это слово можно сопоставить с перс. *darya* 'река', широко проникшем в тюркские языки. Субституция звука *д* звуком *т* объясняется отсутствием звонкого смычного в этой позиции как в нганасанском языке, так и в томско-тюркском. Если предположение о том, что нганасанское *тари* иранского происхождения является правильным, то наличие этого топоформанта у нганасанов можно рассматривать как одно из доказательств их прежнего проживания на юге Западной Сибири» [2, с. 4]. Рассматриваемый номен имеет древние корни, но в древнетюркском словаре слово *тара* не имеет значений, каким-нибудь образом связанных с рекой, логом или водой вообще. Здесь дано значение глагола: «*Tara*- 1. расчесывать, причесывать; 2. Рассеивать» [3, с. 536]. Но есть слово *tarım* – 'рукав, приток реки' [Там же, с. 537]. Следовательно, можно предположить, что именно слово *tarım*, видоизменяясь со временем, дало номен *тара*. Вариант о том, что гидроним *тара* выведен из тюркского 'узкий, тесный' имеет право на существование, так как семантически прилагательное 'узкий, тесный' можно связать с названием реки. Нельзя не обратить внимание на мнение А.П. Дульзона об иранском происхождении рассматриваемого слова и соотнести его с тем, что номен *тара* является иранским субстратом на территории Кош-Агачского района, который был переосмыслен местным населением, так как они произносят его именно через звонкий звук *д* как *дара*. Узбекский топонимист Ш.С. Камолиддин утверждает: «Слово *дарья*, широко представленное в современной гидронимии Средней Азии, этимологизируется на основе не иранских, а алтайских языков со значением 'большое русло реки'» [4, с. 53]. Слово *дарья* (*dare* / *dere*) в качестве топоформанта со значением 'река', 'долина' представлено также в крымской и гагаузской топонимии, что только косвенно подтверждает тюркское происхождение этого слова [15, 1969, с. 191].

В современной микротопонимике с. Джазатор, 'дара' это 'немного гористая местность с маленькой речкой'. Данное слово употребляется в речи местных жителей как обычный географический номен, сопровождая антропонимы в географических названиях логов и урочищ со значением 'лог, долина, низина'. В топонимии с. Джазатор всего шесть наименований с компонентом *дара* / *тара*, из них два - названия рек с одноименным названием **Тара**. Одна река берет начало в Южно-Чуйском хребте и явля-

ется правым притоком р. Жазатор, вторая является правым притоком р. Аркыт, **ур. Тауке Дарасы** каз. *тауке* ‘курица’.

Таким образом, наиболее ярко процесс переосмысления наблюдается при интерпретации топонимов, которые нельзя объяснить средствами современного языка и он не участвует уже в создании топонимов в качестве географического апеллятива.

Литература

1. Баскаков Н.А., Т.М. Тошбаева. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
2. Дульзон А.П. Гидронимический ареал –ман в южной части Сибири // Топонимика Востока. Издательство восточной литературы, 1962.
3. Древнетюркский словарь, Л.. 1967.
4. Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент, 2006.
5. Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.
6. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
7. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.
8. Мурзаев Э.М. Слово на карте. Москва, 2001.
9. Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004.
10. Потанин Г.Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб, 1864. Вып. 6.
11. Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Москва, 2000.
12. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.
13. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986.
14. Самтакова К.Б. Топонимы юго-восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами. Горно-Алтайск, 2013.
15. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М.: Наука, 1969.
16. Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана (материалы для историко-этимологического словаря). Уфа, 2006.
17. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. Сост. Э.В. Севортян. М., 1974.

Условные сокращения:

- РА – Республика Алтай
н.п. – населенный пункт
р. – река
п.п. – правый приток
л.п. – левый приток
оз. – озеро
ГН – географический номен
тофал. – тофаларский язык
п.-монг. – письменно-монгольский язык
ур. – урочище
каз. – казахский язык.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_008

Филиппова В.В., Багдарыын Нь.С. уола

**О картографировании топонимов
(на примере лимнонимов Тогусского наслега
Вилъюского улуса РС(Я))**

Картографический метод исследования является одним из важных методов, используемых в междисциплинарных исследованиях. Основным преимуществом топонимического картографирования является отображение топонимической системы и наглядное представление о территориальных особенностях распределения топонимических структур того или иного региона в тесной связи с географической средой и этноязыковым составом населения [8].

С развитием компьютерных и сетевых технологий важными источниками информации становятся электронные базы данных, представляющие результаты научных исследований в области топонимики. В настоящее время такую возможность предоставляют геоинформационные системы (ГИС), что позволило нескольким субъектам России создать и/или разработать электронные базы данных региональных топонимов. В свою очередь, на основе таких электронных баз данных топонимов можно создать серии топонимических карт, позволяющих осуществлять пространственный анализ ономастических фактов и явлений и получать сведения о зонах их распространения и связях, как внутри региона, так и между регионами. Уже давно озвучена идея создания общероссийского топонимического атласа, однако до сих пор она остается нереализованной [2]. Как считает автор одного из региональных топонимических атласов Ю.Ю. Гордова, основой этого проекта могли бы стать региональные топонимические атласы [3].

В Республике Саха (Якутия) имеется опыт ГИС-картографирования топонимов, полученный в рамках реализации междисциплинарного проекта РНФ №15-18-20047 «Онтология ландшафта: семантика, семиотика, и географическое моделирование». Результаты данного проекта в виде созданной электронной базы данных топонимов нескольких улусов Якутии, содержащей комплексную информацию о языковых образах ландшафтного разнообразия исследуемой территории (топоним, значение,

этимология с указанием источника, старое название топонима, историческая справка, транскрипция на английском языке), информации о типе местности, особенностям рельефа, использовании земли, географическую локацию, позволили создать серию ландшафтно-топонимических карт на все модельные территории исследования, которая в последующем может стать основой создания ГИС-атласа топонимов Якутии [5]. В разработке методики обработки и представления топонимических данных и в составлении карт в вышеуказанном проекте непосредственное участие принимала автор В.В. Филиппова, что позволяет применить имеющийся опыт ГИС-картографирования и на другие районы Якутии.

Этническая история Вилюйского улуса на общем фоне этнической истории народов Якутии содержит в себе региональную особенность, которая получила отражение и в топонимах улуса. В данной статье объектом исследования является топонимия Тогусского наслега Вилюйского улуса. Тогусский наслег является одним из самых отдаленных и старинных наслегов Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия). Первые упоминания о Тогусских (Тагуйский, Тагунских) волостях встречаются в архивных документах второй половины XVIII в. Так, Тогусская волость была упомянута в «Послужном списке Енисейского острога сотника Петра Бекетова» среди 16 волостей центральной Якутии в 1633 г. [4]. Название наслега происходит от названия одного из родо-племенных группировок, живших на Вилюе – тогусы (тобусы) [1].

Багдарыын Сүлбэ за время работы в Вилюйском педагогическом училище собрал солидный материал по топонимии Вилюйского улуса, в том числе Тогусского наслега. Этот материал занесен в топонимическую картотеку республики Багдарыына Сүлбэ и в некоторой части обработан в его трудах по топонимике Республики Саха. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что топонимия Вилюйского улуса еще не нашла специального лингвистического, этнокультурного, междисциплинарного исследования.

На первом этапе исследования в программе ArcGIS была осуществлена пространственная привязка топографических карт района исследования масштабов 1:200 000, 1:100 000 и 1:50 000, находящихся в свободном доступе [7]. Далее на основе описания, утвержденного Законом Республики Саха (Якутия), была проведена граница Тогусского наслега [6]. Названия географических объектов Тогусского наслега были извлечены из вышеуказанных топографических карт в пределах границ Тогусского наслега. В результате было внесено в базу данных ArcGIS 287 наименований озёр и 12 наименований речек. Преобладание лимнонимов

на территории данного наслега обусловлено его географическим положением, характеризующимся равнинным рельефом при сильной испещрённостью озёрно-аласными образованиями и наличием болот. Наиболее распространены термокастовые озера. Самым большим озером является состоящий из 12 островов озеро Мастаах длиной в 15 км.

При анализе внесенных в базу данных топонимов возникла сложность, связанная с сильным искажением местных названий, нанесенных на географических картах с использованием русской транскрипции. В связи с этим, в ходе полевого исследования в Тогусский наслег летом 2018 г. в базу данных были отдельно внесены якутские названия топонимов.

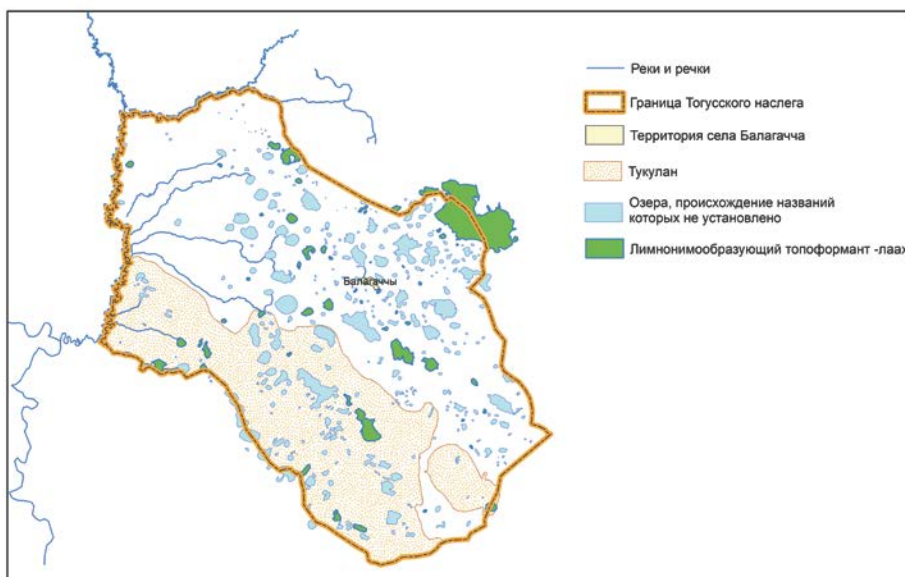
Основным результатом исследования стала топонимическая карта, составленная на основе геопространственного анализа топонимов Тогусского наслега. На основе анализа лимнонимобразующих формантов (якутских: *-лаах*; *-быт*; *-ыыр*; *эвенкийских*: *-каан*, *-кта*; *-нда* (*-нда*); *-киит*), занесенных в базу данных, составлена карта, которая позволила выявить ареалы распространения озер с якутскими и эвенкийскими названиями. На карте озера с эвенкийскими названиями в основном охватывают район залегания тукуланов и центральную часть Тогусского наслега. Якутские названия озер распространены повсеместно, и среди них преобладает формант *-лаах*, что говорит о хозяйственном освоении всей территории наслега.

Литература

1. Гоголев А.И. Обзорение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в. // Наука и образование. 2008. №3. С. 66-72.
2. Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области. Ин-т языкознания РАН. [Монография] / Ю.Ю. Гордова – М.: Наука, 2015, (72 с.: карты; Формат 84 x 60 1/8. 13,5 п. л.
3. Гордова Ю.Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии): дис... докт. филол. наук. – М., 2018. С.56.
4. Миронов, Н. С. Летопись Вилюйского улуса (XV11 – XX вв.) – Режим доступа: old.sakha.gov.ru/sites/default/files/story/files/2011_11/70/01_01.doc
5. Онтология ландшафта: семантика, семиотика, и географическое моделирование: итоговый отчет по проекту РНФ №15-18-20047 // Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2017. 87 с.
6. Описание границ сельского поселения "Тогусский наслег" Вилюйского улуса (района) // Закон Республики Саха (Якутия) от 30 ноября 2004 года N 173-З N 353-III «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802046386>.
7. Топографические карты масштаба 1:200 000 (листы Q-51-31,32; Q-51-33,34); топографические карты масштаба 1:100 000 (листы Q-51-123,124; Q-51-

125,126; Q-51-135,136; Q-51-137,138); топографические карты масштаба 1:50 000 (листы Q-51-123-A,B; Q-51-123-C,D; Q-51-124-A,B; Q-51-124-C,D; Q-51-125-A,B; Q-51-125-C,D; Q-51-126-C,D; Q-51-136-A,B; Q-51-137-A,B; Q-51-137-C,D Q-51-138-A,B; Q-51-138-C,D) – Режим доступа: <http://loadmap.net/ru>

8. Ханмагодемов Х.Л. Географические направления прикладной топонимики // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 123-131.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_009

Н.М. Васильева

О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОПИСАНИЯ ЯКУТСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Географические названия занимают особое место в словарном составе любого языка. Употребление географических названий в государственных законодательных актах, в правительственных постановлениях, в практике административно-территориального управления, на географических картах и в других официальных публикациях предполагает стабильность их формы написания.

Отсюда и возникает проблема стандартизации географических названий. Задача стандартизации заключается в установлении правильной, стабильной формы их написания. Географические названия регламентируются законодательными актами, закрепляются правительствен-

ными постановлениями, а также нормативными словарями. Основой для достижения единого правописания географических названий должны служить прежде всего правила орфографии. То обстоятельство, что «в области собственных имен, – как указывал А.А. Реформатский, – возможны некоторые «вольности», которых не допускают имена нарицательные, строго организованные в модели, типы и парадигмы», позволяют вносить в практику номинации географических объектов немало произвольного и субъективного [6, с. 8].

В данной статье мы вкратце рассматриваем правописание якутских географических названий, состоящих из двух частей. Поскольку трудности кодификации географических названий обусловлены тем, что в орфографических словарях они не представлены.

Впервые правила, касающиеся написания географических названий, были представлены в «Правилах якутской орфографии», утвержденных Советом Министров Якутской АССР в 1962 г. В разделах «Правописание прописных букв», «Употребление дефиса» даны рекомендации по орфографическому оформлению географических названий (правила № 64, № 67, п. 4) [2]. По правописанию прописных букв в якутских географических наименованиях, состоящих из двух слов, действовали следующие правила: 1) если в них первое слово прилагательное или выполняет его функцию, а также они являются синтаксическими сочетаниями, пишутся без дефиса с прописной буквы, например: *Орто Халыма, Уөһээ Бүлүү, Хатын Тумул, Сылгы Ыытар, Тойон Уйалаах*; 2) если они составлены из двух названий по образцу парных слов, то пишутся через дефис, например: *Мэнэ-Ханалас, Амма-Наахара, Түбэй-Дьаархан* [2, с. 176].

С середины 80-х гг. XX века по требованию общества и правительства филологи и представители культуры основательно занялись вопросами орфографии. В 2001 г. появилась новая редакция Правил якутской орфографии, где в правило № 63 по правописанию географических названий, состоящих из двух слов, орфографической комиссией внесено изменение, по которому географические названия орфографировались без дефиса с прописных букв [3, с. 539].

В 2015 г. появилась вновь утвержденная правительством новая редакция «Правил якутской орфографии и пунктуации», основательно переработанный орфографический словарь, насчитывающий около 32 тыс. слов [4]. Новая редакция является уточнением, упорядочением существующих правил, действующих с 2001 года, но не изменяет их в корне. Составные слова (состоящие из двух слов, выражающих одно понятие) нашли более широкое отражение в новом издании, что обусловлено зна-

чительными затруднениями в их написании. Орфографическая проблема в том, что между ними стоит дефис, или многие пишутся без дефиса.

В «Правилах» правописание географических названий, состоящих из двух частей, регламентируется правилом № 60 и пишутся с прописной буквы без дефиса, например: *Орто Халыма, Үөһээ Бүлүү, Улахан Чыыстай, Ытык Күөл, Арыы Тиит, Улуу Сыһыы, Хатын Тумул, Мэнгэ Ханалас, Амма Наахара, Тулагы Киллэм, Түбэй Дьяархан, Уус Алдан, Эбээн Бытантай, Сылгы Ыытар, Обус Арыылааба, Тойон Уйалаах* [4, с. 19].

Однако на практике письма данное правило еще полностью не освоено и часто нарушается пишущими. Например, как видно из материалов якутоязычных республиканских газет, названия типа *Мэнгэ Ханалас, Үөһээ Бүлүү, Уус Алдан* пишутся через дефис [1, с. 105]. Н.Е. Петров по данному вопросу считал, что в географических названиях, составленных по способу образования парных слов, пишется дефис, например: *Мэнгэ-Ханалас, Алдан-Бытаа, Амма-Наахара* [5, с. 274]. Все это говорит о том, что в якутской орфографии вопрос о написании географических названий в целом требует специальной разработки. Работ, посвященных анализу орфографирования географических названий, на данный момент не имеется. Тем самым, исследуемая тема представляет большой интерес и является перспективным направлением для дальнейшего изучения.

Литература

1. Васильева Н.М. Об орфографии частных якутоязычных газет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78): в 4-х ч. – Ч. 3. – С. 105-107.
2. Орфографический словарь якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 192 с. (на як. яз.).
3. Орфографический словарь якутского языка. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. – 541 с. (на як. яз.).
4. Орфографический словарь якутского языка. – Якутск: Бичик, 2015. – 479 с. (на як. яз.).
5. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск, Кн. изд-во, 1978. – 300 с.
6. Реформатский А.А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 5 – 10.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_010

Шарина С.И., Безносова М.В.

ЭВЕНСКАЯ ТОПОНИМИКА ОХОТСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Необходимо признать, что, несмотря на собранный и опубликованный обширный и интересный материал по многим тематическим пластам лексики эвенского языка, определенные лексико-грамматические группы слов еще не получили достаточно полного освещения в литературе, не имеют систематического описания и большие тематические группы слов. Для выполнения задачи максимально полного описания эвенского языка в настоящее время актуальны новые данные по лексическому составу еще неисследованных говоров, классификация малоисследованных пластов эвенской ономастической лексики, таких, как топонимика, антропонимика, этнонимика. Систематизация данных по региональной ономастике, выявление типичной для того или иного региона топонимической лексики, определение типовых топоформантов и топонимических моделей может восполнить тот пробел, который существует сегодня в эвенской ономастике.

Эвенская топонимическая лексика Охотского района Хабаровского края, на территории села Арка и родовых угодий рода Кела ранее не исследовалась. Исключением является статья А.А. Бурыкина, где рассматриваются исключительно потагонимы – названия рек, которые впадают в Охотское море [2].

Келарский род упоминается в записях первых исследователей с XVII в., отмечается расселение рода от Тугура до Охоты. В настоящее время род *Кела* представляют оленеводы-охотники Безносовы. Территория кочевья рода простирается от гор *Таскан* и *Тулдал* до верховий реки *Кела*. Эвенские топонимы образуют сравнительно многочисленный слой топонимических названий, распространённых от горных вершин до болотистой местности.

Названия населённых пунктов представлены двумя комонимами: *Арка* и *Кетанна*. Со слов информантов *Арка* образовано от эвенского слова *ардай* 'ожить, воскреснуть': *Арка гэрбэн, арадяк төр, демкэн анҕаниду, бэйл чакапидюр олдав хэпкэнидюр, арчал. Эли төрли, окатал далидун улдэв-дэ баккотчал*. 'Название Арка обозначает земля воскрешения, в голодное время люди съезжались, ловили рыбу, находили крупную дичь и выживали здесь, между двух рек'. Посёлок *Кетанда (Кетанна)* расположен в истоке реки *Аңатъкан*, где поднимается на нерест красная рыба *кета* – разновидность лососёвых, здесь осенью эвены заготавливали рыбу на зиму. Комоним образован при помощи суффикса *-нна*, переводится как «имеющий кету».

В рассматриваемом регионе выявлено много гидронимов. Для лимнонимов эвенского происхождения характерно использование топоформанта *-нна*, например: *Бусанна* ('имеющий мезлоту' от *бут* 'мерзлота'), *Няйванна* ('имеющий арктического гольца' от *няйва* 'арктический гонец'), *Норигэнна* ('имеющий хариус' от *нөригэ* 'хариус'). Этимологически суффикс *-нна* можно рассматривать как показатель обладания, что подтверждается на материалах других тунгусо-маньчжурских языков. Одним из наиболее частотных топоформантов для лимнонимов рассматриваемого региона является суффикс субъективной оценки с увеличительным значением *-ндя*: *Курэндя* (от *кур* 'ураганный ветер, смерч'), *Нибукэндя* (от *нибукэ* 'худой'), *Хятакагандя* (от *хятакаг* 'заросли тальника') и др. Для лимнонимов характерен и суффикс субъективной оценки с уменьшительным значением *-чан/-чэн*: *Нэкэчэн* (от *нэкэ* 'окунь'), *Ңонамчан* (от *җонам* 'длинный') и др.

Названия рек и речек – потамонимы также широко представлены на карте мест кочевий рода Кела. Название реки *Иня* происходит от эвенского слова *иңа* 'галька, песок', что соответствует характеру местности в устье реки, изобилующей мелкой галькой. Название реки *Охота* восходит к слову *окат* 'река'. Потамонимы, которые этимологизируются на эвенском языке: *Агатъкан* (от *аҗатъкан* 'одинокий, сирота' – река, не имеет притоков), *Дэгникэн* (от *дэгни* 'непостоянный' – река, выходящая из берегов во время дождей и полностью пересыхающая в засушливое лето), *Олэлкэн* ('имеющая водопад' от *олэн* 'водопад' + показатель обладания *-лкэн*), *Текучэн* (от *текун* 'узкое, тесное место' – течёт между сопок и скал).

Наиболее продуктивной моделью при номинации потамонимов – названий речек выступают топоосновы, оформленные суффиксами субъективной оценки *-чан/-чэн*, *-ндя*, например: *Хисичэн* (от *хиси* 'высокие, крутые берега'), *Эмкэрчэн* (от *эмкэр* 'сыпучий обрыв'), *Хэңкэчэн* (от *хэңкэ* 'родник'), *Дяпкандя* (от *дяпка* 'проездной распадок между гор'), *Хитлэндя* (от *хитлэ* 'устье двух рек'), *Көөндя* (от *көө* 'рога снежного барана').

Данная же модель превалирует и при номинации оронимов – названий гор, горных цепей, перевалов, например: *Бөлсэгэндя* (от *бөлсэг* 'каменистый'), *Кадарандя* (от *кадар* 'скала'), *Чупундя* (от *чупуна* 'остроконечный'), *Имтачан* (от *имта* 'солончак'), *Дяпкачан* (от *дяпка* 'узкий').

Если рассмотренные модели универсальны для всех разрядов топонимов, то здесь целесообразно выделить модель, характерную больше для оронимов. Модель состоит из топоосновы и форманта *-кич* (словооб-

разовательный суффикс отглагольных существительных), например: *Мэнниткич* 'место, откуда можно обозреть окружающее' (от *мэнридэй* 'осматривать местность'), *Тусамкич* 'место, через которое можно перепрыгнуть' (от *тусандай* 'перепрыгнуть'), *Хэлдэркич* 'место, где можно сорваться' (от *хэлдэрдэй* 'оборваться').

Из дримнонимов региона – названий лесных массивов обращает внимание топоним *Телбанкур* (от *телбан* 'песчаная нора тарбагана'). Суффикс *-нкур*, вероятно, восходит к общетунгусскому суффиксу *-мкура* со значением обладания чем-либо. Например, в эвенкийском языке данный суффикс образует названия кустов, реже деревьев (обычно плодоносящих): *качикамкура* 'верба (растение)' от *качикакта* 'вербные барашки'.

Одним из продуктивных топонимических элементов в рассматриваемом регионе является показатель обладания *-лкан*: *Хуннэлкэн* 'ветренный' (от *хуннэ* 'ветер'), *Абагалкан* 'медвежий' (от *абага* 'медведь'), *Хеңалкан* 'налим имеющий' (от *хеңан* 'налим').

К морфологически нечленимым топонимам региона относятся названия рек *Юдома* (от *нунам* 'большая река'), *Кела* (от названия рода *Кела*), *Одари* (от *хэдэри* 'вверх по склону'), название горы *Ачуран* (от *ачуран* 'верхняя крышка чума'). Отмечается всего один составной топоним – *Ңин тувкич* 'место, где ошенилась собака'.

Для выявленных 110 топонимов эвенского происхождения рассматриваемого региона характерны следующие отдельные разряды онимов: 2 комонима, 49 гидронимов (в том числе 29 потамонимов, 17 лимнонимов, 3 наименования водопада), 33 оронима, 8 дримонимов, 16 агроонимов, 2 антропонима.

Большинство топонимов на исследуемой территории морфологически членимы. Весьма частотное использование в качестве словообразовательных формантов показателей субъективной оценки и обладания. Так, с суффиксом *-ндя* выявлено 20 топонимов, *-чан/-чэн, -кан/-кэн* – 28, с показателями обладания – 12. Для рассматриваемого региона наименее характерны и редки модели с использованием суффиксов *-ак/-эк* (со значением места совершения действия), *-йа* (со значением обладания), *-н* (название процесса или результата действия).

Мотивы и принципы номинации топонимической лексики Охотского района Хабаровского края, на территории села Арка и родовых угодий рода Кела, судя по собранным топонимическим рассказам и лингвистическому анализу, являются в основном типичными для других регионов проживания эвенов (Магаданская область, Чукотка, Камчатка, Якутия), т.к. совпадает выбор необходимых лексических и онимообразующих

средств и этимологически много топонимов восходят к обычаям или случаям из жизни эвенов, их верованиям и быту.

Литература

1. Бурыкин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. - 127 с.
2. Бурыкин А.А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // Традиционная культура народов Восточной Азии. – Благовещенск: Изв-во АмГУ, 2001. - Вып.3. - С. 246 - 253.
3. Багдарыын Сүлбэ [М.С.Иванов]. Топонимика Якутии. Якутск, 1985.
4. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Книжное издательство, 1989. - 456 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_011

Саввинов А.И.

ДЬЭҢИЭЙГЭ САХАЛЫЫ СИРДЭР ААТТАРА

Саха сирин тас өттүгэр киэнник тарҕаммыт үгүс ахсааннаах сахалыы сирдэр ааттарын чинчийии-үөрэтии билигин да өссө тыытылла илик хайысха диэххэ сөп. Сахалыы ааттар биир сүрүн уратыларын – кинилэр киэн сири хабан тарҕаммыттарын - Багдарыын Сүлбэ бэйэтин үлэлэригэр балачча сырдатан турар. Урукку өттүгэр биллэ илик кытыы сирдэр ааттарынын үөрэтии сахалар төрүттэрин-уустарын, тэнийбит суолларыниистэрин чинчийиигэ үгүс сананы аҕалара саарбаҕа суох. Биллэрин курдук, сахалыы сирдэр ааттара Саха сирин тас өттүгэр бэрт өр кэмтэн бааллара, ол саха тыллаах түнҥү былыргыттан сир-дойду устун тарҕанан үөскээбит ураты бэлиэтэ диэххэ сөп. Оннук биир түөлбэ сиринэн Саха сирин арҕаа ыпсыытын хоту энэригэр сытар Дьэһиэй буолар. Бу ыраах, ойдом сытар сахалар кыракый түбэлэрэ күн бүгүн бэйэтин ийэ тыынын сүтэрбэккэ кэлбит биир ураты сир быһыытынан биллэр.

Дьэһиэй бэйэтин сиринэн-уотунан бу хоту энэргэ ураты сир. Үгүс күөллэр, үрэхтэр, алыылар, дьаанылар алтыспыт улуу тоҕойдоро. Бэйэтин булдуанан-алдынан, бараммат балыгынан номоххо киирбит сир. Ол да иһин түнҥү саҕаттан саха тыллааҕы тоҕуоруппут, ураанхай уустарын уутутан үөскэппит сиринэн аатырдаҕа. Ол ураты бэлиэтинэн манна сахалыы аат дириҥилис тардан киэнник тарҕаммыта буолар. Бу ааттар манна сылдыбыт эрэ саха киһитин болҕомтотун тардар, сэргии истэр,

бэйэтигэр чугастык ылынар. Дьэһиэй сирэ-уота, биллэн турар, хоту тыйыс эргимтэ уратытын быһыытынан - үксүн күөл-үрэх, кыра оттоох-мастаах систэр, дьяангылар. Манна дойду сирин курдук налыы сыһыылар, алаастар суохтар. Хоту сир айылҕатын уратылары кини сирдэрин ааттарыгар бэриллибитэ саарбаҕа суох. Манна төһө сахалыы аат баарын ааҕан көрбүт суох, ол эрэри быһа барыллаан көрдөххө сүүстэн балачча тахсара саарбаҕа суох, ити анардас чугастааҕы эрэ сирдэри аахтааха.

Сахалыы ааттар ордук күөллэр ааттара буолаллар. Ол биир өтгүнэн күөллэри үгүс балыктаах буолан, үрэхтэрдээҕэр ордук туһаналларынан быһаарыллыан сөп. Ол иһин былыр балыктаах күөллэр аттыларыгар олохтоно сатыыллара. *Дьяалтаан, Харамай, Турубул, Ыымна, Тиһэ суох, Киэн күөл, Хампа, Уһун күөл, Арыылаах, Тугут сүппүттээбэ, Суол уута, Балаҕаннаах, Талах күөл, Хоруулаах, Таба күөл, Күрүүлээх, Амах күөл, Сыттаах, Харааннаах, Алыы күөл, Хара күөл, Лаапкылаах, Таас күөл, Арыымас, Тайах бастаах, Мас күөл, Куруннаах, Кундэ, Быһым күөл...* Ити курдук элбэх ааттары ааҕа туруохха сөп.

Сахалыы ааттар бөлөхтөрүгэр балыктааһыны кытта ситимнээх уонна күөл, үрэх туох балык баайдааҕын ыйар ааттар аҕыйаҕа суохтар. Маннааҕы ууларга үөскүүр балык эгэлгэтэ элбэх. Мантан көстөрүнэн, күөл ханнык балыктааҕынан көрөн аат инэрэллэр эбит. Бу барыта дьэһиэйдэр олохторугар балык суолтатын, кинилэргэ биир сүрүн астарын көрүнгө буоларын ыйар. Кыыл кэлбэт, булт суох кэмнэригэр балык эрэ буолара үрүн тыыннарын өллөйдүүр суоллара. Ол курдук манна бааллар: *Мунурдуур (т.), Бөксөгөрдөөх (т.), Гордонноох һээнэ (ү.), Мунгурунда (к.), Үүкүлээх (к.), Алыһардаах (к.), Чомугурдаах (к.), Мундулуур (о.), Гордонноох (ү.), Собоһоох күөл (к.), Биллээх (ү.), Бырангаатталаах (к.), Дьаргаалаах (к.), Ньюоралаах (к.), Илимниир күөл (к.), Гиттиир о.д.а.*

Сирдэр ааттарыгар киһи ааттара инпитэ манна эмиэ балачча диэххэ сөп. Холобур: *Наахара, Көстөнгиин һээнэ, Кинээс күөлэ, Көстөө балаҕаннааҕа, Курустунуор алыыта, Маарый дьяангыта, Хапатта күөлэ, Миһтэрэй дьяангыта, Бүөтүр күөлэ, Домна балаҕаннааҕа, Ньюкуус төрөөбүт күөлэ, Доҕойук о.д.а.*

Дьэһиэйгэ төһө да сахалыы аат элбэҕин иһин, бу сир сүрүн уратытынан манна сирдэр ааттара үгүс өттө тонустуу тыллар. Ол биллэн турар, бу былыргы сир төрүт олохтоохторо тонустар буолалларынан быһаарыллар. Манна биир дыкти көстүүнэн буолуон сөп саха уонна тонус тылын алтыһытын түмүгэр үөскээбит, киэнник туттуллар сиргэ-уокка сыһыаннаах тиэрмин тыллар, ону таһынан үгүс сирдэр ааттара. Холобур: *Үүкүчээчи* – үүкү балыктаах, *Ньюоранда* – ньуора балыктаах,

Мунурунда – мунгур балыктаах, *Дириндэ* – дирин уулаах. Олохтоох сахалар тылларыгар тонустуу сирдэр ааттара кинилэр кэпсэтэр сангаларын биир ураты өрүтэ диэххэ сөп. Ол биир өттүнэн дьэһиэй сахаларын уонна олохтоох тонустар тылларын ыккардыгар ыкса ситим баарын көрдөрөр диэххэ сөп. Урукку өттүгэр олохтоох тонустар сахалыы, сахалар тонустуу кэпсэтэллэрэ балачча тарҕаммыт көстүү буолара. Икки тылынан тэгинэн кэпсэтии үгэһэ кырдыаҕастар ортолоругар хойукка диэри баар этэ. Ол билигин тонус тыла сүтэр турукка киирбитин кэннэ биллэ аҕыйаан турар.

Сир ааттарын үөрэтии сүрүн уратытынан сир-дойду, омук олорон кэлбит дьылҕатын билиигэ элбэх сананы арыйар кыағы биэрэр. Дьэһиэй сирин ааттарын кытта билсиһии сахалыы ааттар киэн сиринэн тарҕаабыттарын өссө төгүл бигэргэтэр. Билинни кэмнэ манньык түөлбэ сирдэр ааттара ордук улахан болҕомтоҕо туруон наада. Ол, бастатан туран, кыты сирдэргэ олохтоох сахалар аҕыйаан иһиилэрэ, тылларын туруга уустук, сүтэр да турукка сылдыара маныаха сүрүн төрүөт буолуон сөп. Биллэрин курдук, сирдэр ааттара уонна саха кэпсэтэр тылын дьылҕалара быстыспат ситимнээхтэр, кэпсэтии эйгэтэ суох буоллаҕына сирдэр ааттара эмиэ симэлийэллэр. Саха сирин тас өттүгэр тарҕаммыт сахалыы сирдэр ааттарын сурукка түһэриини, анаан үөрэтиини сэргэ билинни кэмнэ кинилэр ис сокуон өттүнэн харыстыыр, үйэтитэр үлэ, анал ыйынньыктарга кириилэрин, ааттар сөпкө суруллууларын олохтоохун ситиһилиэхтээх.

Кылгатыллыбыт бэлиэлэр:

т. – *тумуһах*

ү. – *үрэх*

к. – *күөл*

о. – *онуу (Дьэһ. 1. Хомо – залив; 2. Боротуоха – протока).*

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_012

Соколянский А.А., Соколянская Н.Н.

О ТОПОНИМЕ ТАУЙСК В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Тауйск, один из старейших населенных пунктов Магаданской области, расположен в Тауйской губе, на правом берегу реки Яны. Основание Тауйска относят к середине XVII века. В предлагаемой работе анализируется происхождение наименования поселка и рассматривается современная система его урбанонимов.

Свое название поселок получил от реки Тауй, на которой он располагался в момент своего основания. Словообразовательная модель, по которой образовано данное слово, весьма продуктивна в топонимике как Крайнего Северо-Востока, так и России в целом. К производящей основе (в данном случае обозначающей гидроним) добавляется суффикс *-ск-*: *Тауй* + *ск* → *Тауйск*. В качестве топоосновы выступает название реки *Тауй*, а в качестве топоформанта суффикс *-ск-*. Уже в древнерусском языке этот суффикс использовался для обозначения городов. Первоначально суффикс *-ск-* являлся показателем относительных прилагательных мужского рода, в данном случае кратких. Изменение *городъ Курьскъ* > *Курьскъ* и утрата кратких относительных прилагательных привели к тому, что суффикс *-ск-* стал восприниматься как топоформант. Такую же словообразовательную структуру имеют следующие названия городов: *Мценск*, *Смоленск*, *Рыльск* и др.

В Сибири населенные пункты называли острогами или острожками. Большое количество населенных пунктов в Западной и Восточной Сибири возникают именно как остроги: *Тобольский острог* (1587), *Томский острог* (1604), *Красноярский острог* (1628), *Братский острог* (1631), *Якутский острог* (1632). Рассмотренная модель наименования была повсеместной в Сибири. Эта же модель была использована при наименовании населенных пунктов на Крайнем Северо-Востоке России: *Охотск* (= *Охотский острог*, 1647), основанный казаками под предводительством Семена Шелковникова.

В отношении происхождения названия реки *Тауй* высказывались разные предположения. В середине XVII века в долине *Тауя* проживали самые разные народы. По версии В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой, отвергавшим эвенскую этимологию слова, своим происхождением река *Тауй* обязана корякскому языку, однако ссылки на конкретные слова из этого языка они не приводят. Более убедительно предположение А.А. Бурькина, который связывает название реки с одним из эвенских родов, проживавших в XVII веке в этом регионе, а именно с родом, название которого в источниках зафиксировано в виде *Тоуйский род*, *Товуданы*, *Тоулканы*, *Тоунскарский род*. Примечательно, что Михаил Стадухин, впервые

пришедший в эти места с севера, называет реку *Дирядна*. Такое название в других источниках больше не встретилось. А.А. Бурыкин не исключает связи названия *Дирядна* с корякским языком, но делает это чрезвычайно осторожно. Стадухин о названии реки говорит, что ее «с ю сторону называют Тавуем». Какая из сторон реки имеется здесь в виду, определить точно нельзя из-за чрезвычайной многозначности слов *се* и *сей*, но, скорее всего, речь идет о названии, принятом на стороне, которая противоположна той, с которой пришел сам Стадухин. На основании этого свидетельства А.А. Бурыкин делает вывод о том, что острожек уже был построен до появления там Стадухина. В других документах XVII века реку называют *Тогуи*. Мена *ø // в // г* с большой долей вероятности указывает на то, что между гласными была гортанная смычка или фрикативный заднеязычный. Вариант написаний *о // а* связана или с аканьем (в речи Стадухина оно маловероятно), либо с особенностями восприятия речи местных жителей (что более вероятно). Очевидно, что реку *Тауи* местные жители называли по-разному. Так, спустя почти столетие С.П. Крашенинников дает ее эвенское название: «по-ламутски Кутана-Амар называется». Все эти данные говорят о том, что в XVII веке *Тауи* каждый народ называл по-своему.

В работах обычно ограничиваются только размышлениями по поводу названия поселка *Тауйск* и реки, на которой он когда-то находился. В конце XVII века поселок был перенесен на несколько десятком километров и с тех пор находится недалеко от устья другой реки – Яны, однако прежнее название сохранилось. Спустя столетия, в 1967 году, в Тайуске появились названия улиц, до этого в маленьком поселке обходились без них. Всего в Тауйске 14 улиц.

Целый ряд названий традиционен для населенного пункта советского времени. Главная улица Тайска – *улица 50 лет Октября*. Легко догадаться, что это название возникло в 1967 году, когда праздновалось 50-летие со дня Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время на этой улице располагаются: школа, больница, почта, магазин. *Улица Восточная* названа по тому, что находится на востоке от центра Тауйска, название возникло в 1970 году. *Переулок Мира* на одной из карт поселка назван *улицей*. Название обычно для населенного пункта советского периода. *Улица Первомайская* входит в традиционный набор названий улиц советского периода. Название *улица Совхозная* каких-либо комментариев не требует. Улица идет вдоль реки Яны.

Некоторые названия указывают на местоположение улиц относительно других объектов. *Улица Приморская* и *улица Морская* – это одна и

та же улица. Раньше она называлась *Морской*, потом получила название *Приморской*. Время и причины переименования нам не удалось установить. Имеющаяся в Интернете информация вводит в заблуждение, так как на некоторых сайтах при перечислении улиц Тауйска фигурируют оба названия как отдельные. *Улица Янская* находится в стороне от центра поселка ближе реке Яне. *Улица Дорожная* находится на въезде в поселок Тауйск возле реки Яны. Название возникло в 1971 году. В районе *Улицы Дорожной* когда-то находилось дорожное предприятие («участок»).

Улица Пионерская до 70-х годов называлась *Речная*. Опять-таки в Интернете представлены оба названия, хотя улица одна. По воспоминаниям старожилов, *Речная* была первой улицей в Тауйске. Она идет от центра поселка к реке Яне. На ней когда-то находился *кораль* – загон для забоя оленей.

Название двух улиц непосредственно связано с недавней историей Тауйска. *Переулок Мисикова* назван в 1986 году в честь главного врача Тауйска, уроженца Осетии, Теймураза Хотацкоевича Мисикова, трагически погибшего в 1984 году. Во время выборов Т.Х. Мисиков был председателем комиссии. В составе трех человек комиссия пошла на дом к одному из жителей, который отказывался принимать участие в выборах. По свидетельству одной из жительниц Тауйска, следствие пришло к выводу, что он поскользнулся на какой-то бумажке и упал на нож, который находился в руке у лица, отказывавшегося голосовать. Похоронен на родине во Владикавказе.

Улица Годяева названа в честь уроженца Тауйска Поликарпа Годяева, погибшего во время Великой Отечественной войны под Витебском в начале 1944 года (сведения Д.И. Райзмана). Его брат, Василий, также был участником Великой Отечественной войны, участвовал в десанте на Курильские острова. После войны вернулся в Тауйск с медалью «За победу над Японией».

Крайне интересна по своему названию *улица Селенгинская*. Вероятно, в 80-х годах в Тауйске проживали приезжие из Селенгинска (возможно, стройотряд). Более подробной информацией мы, к сожалению, не располагаем.

В целом топонимическая система старейших населенных пунктов Магаданской области нуждается в более внимательном рассмотрении. Предлагаемая работа только начало пути.

ИЗ ТОПОНИМИИ АЛЛАЙХОВСКОГО УЛУСА

Топонимия северо-востока республики, в том числе Аллаиховского улуса, свидетельствует об освоении региона разноразличными племенами с древних времен. Притом не родственными: самодийских народов, юкагиров, чукчей, эвенов, якутов, русских.

Название улуса связано с именем речки *Аллайыаха*. Зачинатель топонимических исследований республики Багдарыын Сүлбэ по этимологии гидронима высказал несколько предположений. Из них более допустимо то, что «в слове **Аллайыаха** как будто просматривается» самодийское - *яха* [1, с. 118-119].

Как свидетельствуют исторические предания и рассказы информантов, просторы низовья реки Индигирки населяли юкагирские роды. В настоящее время свидетельствуют о тех временах некоторые топонимы: *Аарныйк Урэх*, *Аарынныйк* наслег Ойотун, ср. юк. *аринньэ* – ‘быть ловким, сноровистым’ [3, с. 34]; *Чуонабыл*, озеро в бассейне речки Дьолоон, от юк. *Чуо* ‘железо’, *чуоньэ* – ‘иметь железо; быть с железом’ [3, с. 332] при помощи суффикса *-был*, обозначающее место действия [2, с. 26].

Ко времени прихода русских первооткрывателей эвены уже были и имели хозяйственные, семейно-брачные связи с юкагирами. Они привнесли свою самобытную кочевую культуру – культуру оленевода и охотника с использованием оленьего транспорта. При освоении территории ведения хозяйственной деятельности эвены обозначили названия местностей с географической номенклатурной лексикой на основе своей языковой и культурной традиции. **Каддикаан** – гора, в наслеге Ойотун, эв. *кадди* ~ *калди* ‘обрыв’, *калды* ‘обрыв; крутой (о скале)’ [7, с. 135, 136]. *Кадада* ‘горный выступ к реке’ [картотека БС]. Ороним образован при помощи эвенского уменьшительного аффикса *-каан*. В эвенском языке *каалдичаан* ‘передний нижний отросток рога’ [4, с. 169]. Возможно, горный выступ обозначен метафорически глазами эвена-олeneвода. От эвенского *хулунэ* ‘пик, скала, вершина (горы остроконечная)’, где корнем является *хул-* ‘заострить (конец)’ [6 II, с. 123] образованы названия гор **Хулылкээн**, **Аранас Урэбин Хулынчээнэ**, **Кэрэмэник Хулынчээнэ**, **Хулынгындыэ (Хулынгындыа)** в наслеге Ойотун с помощью суффиксов *-лкаан*, *-чээн*, *-ндыа* эвенского языка.

Предания донесли до нас о первопроходце из якутов *Суол Бастаабыт* из рода Уөдүгэй, который освоил бассейн реки Дьолоон [5 II, с. 74].

Якутские названия связаны освоением северных широт скотоводческой культуры: **Атыыр Хассыбыт** Юкагирский наслег, озеро **Сылгы Ыытар** – наслег Бөрөлөөх, участок **Сэргэлээх** в бассейне реки Дьолоон.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.
2. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 288 с.
3. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 356 с.
4. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л.: Наука, 1978. – 208 с.
5. СБСК – Саха былыргы сэнэннэрэ уонна кэпсээннэрэ. II ч. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – 360 с.
6. ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.; Т. II. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.
7. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2005. – 356 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_014

Данилова Н.И.

НАИМЕНОВАНИЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ РС(Я)

(по материалам М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ)

Лексико-семантическая группа слов, относящихся к метеорологии, представляет большой интерес как с чисто лингвистической, так и с культурологической точки зрения. Прежде всего, этот разряд лексики во всех языках включает в себя базисные слова, относящиеся к обширному по объему устойчивому лексическому фонду, сложившемуся в отдаленном прошлом.

Кроме того, данная тематическая группа представлена прочно вошедшими в жизнь народа и общеупотребительными наименованиями природных явлений, отражающими воззрения народа на реальную окружающую действительность.

Богатейшую лингвистическую и культурологическую информацию представляет топонимика – топонимы вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, тесно связанные с историей, географией и этнографией. Как известно, по географическим названиям можно судить о

древних местах обитания народа, о его возможных контактах, особенностях материальной и социальной жизни, исконных космогонических, религиозных и т.д. представлениях. Неоспоримый в этом смысле интерес представляет собой материал, собранный и изданный в разные годы крупным топонимистом Якутии М.С. Ивановым-Багдарыным Сүлбэ. Наименования метеорологических и атмосферных явлений в составе топонимов РС(Я) зафиксированы в составе многочисленных топонимов, которые свидетельствуют о космогонических, религиозных представлениях якутского народа. Кроме данных составленной им богатой картотеки, подспорьем для автора послужили фольклорные материалы, художественная литература, архивные источники.

К наименованиям метеорологических явлений относится группа лексики, обозначающая различные виды осадков, а также росу, гололед, иней, изморозь, облачность, туман, иней, в группу наименований атмосферных явлений включаются слова со значениями мираж, гало, радуга, гроза, молния, гром, зарница.

Практические знания об этих явлениях жизненно необходимы всем народам мира, поэтому во всех языках данная тематическая группа представлена обширным списком слов. Эта группа наименований получила глубокую лексико-семантическую разработку и на материале тюркских языков. Так, известны исследования по этой тематической группе как на материале многих древних, средневековых и современных тюркских языков, так и с привлечением сравнительного материала из языков других классификационных групп. Якутский язык в этом отношении не составил исключение. Как свидетельствует С.А. Иванов, «во всех якутских наименованиях атмосферных явлений отразились многовековая мудрость, острая наблюдательность саха. Эти качества у него вырабатывались веками, в течение длительного проживания в более благоприятных южных широтах и в резко континентальных климатических условиях Ленского края» [1, с. 75]. Соответственно, в якутском языке и его говорах используется обширный по объему и содержанию корпус наименований, относящихся к данной теме. В своей монографии «Лексические особенности говоров якутского языка» С.А. Иванов этой теме посвятил специальный раздел [2, с. 158-181].

Группа лексики, обозначающая метеорологические и атмосферные явления, активно используется и в составе якутских топонимов. В рукописи с названием «Словарь топонимной лексики Республики Саха (Якутия): местные географические термины и понятия», подготовленной по материалам М.С. Иванова, представлены топонимы, содержащие наимено-

нования следующих метеорологических явлений: **ардах** 1. Непогода; ненастье; дождь; 2. диал. В.-Кол., Н.-Кол., Ср.-Кол. Метель, пурга [ДСЯЯ]. 3. диал. Снег [ЯРС]; **будулбан** 1. Туман; сильная метель со снегом, не позволяющая что-л. видеть.; **быдаан/быдан** Густой туман (при сильном морозе; **дьан** Иней; туман; **самыыр** Дождь; **тобурах** 1. Град; 2. диал. Пыль [ЯРС]; **толон** Град, градина; неясное состояние воздуха при сильном дожде или снеге.; **туман** Туман, пар; мрак; марево; **тумарык** Мгла, легкий мрак, сумрак; **тоног** Наст; гололедица.; **туман** Туман, пар; мрак; марево; **тумарык** Мгла, легкий мрак, сумрак.; **хаар** Снег; снежный.; **чэн** 1. Мерзлота, мерзлая земля; 2. Изморозь [Иванов, с. 4]. Всего 14 слов.

Топонимов, в составе которых присутствуют наименования атмосферных явлений, в материалах М.С. Иванова гораздо меньше – всего 3. Они следующие: **кустук** Радуга.; **чабылбан** Молния; **этин/этин** Гром; громовой.

В книгу «Сири-халлааны кыйа анааран», посвященную исконным космогоническим представлениям и верованиям якутов (Якутск, 2008 г), из этой тематической группы вошли слова **чабылбан** ‘молния’ и **этин** ‘гром’ [3, с. 34-39].

Интересно происхождение приведенных выше лексических единиц – из них общетюркское происхождение имеют слова: **ардах** ‘непогода; ненастье; дождь’, **самыыр** ‘дождь’; тобурах **тобурах** ‘град’; **толон** ‘град, градина’, **туман** ‘туман’, пар; мрак; ‘mareво’, **тумарык** ‘мгла, легкий мрак, сумрак’, **хаар** ‘снег’. Сравнить с монгольскими можно слова **будулбан** туман; сильная метель со снегом, не позволяющая что-л. видеть.’; **быдаан/быдан** ‘густой туман’, **дьан** ‘иней’, **чэн** ‘1. Мерзлота, мерзлая земля; 2. Изморозь’. Из названий атмосферных явлений тюрское происхождение могут иметь: **кустук** ‘радуга’ и **этин/этин** ‘гром’, а слово **чабылбан** ‘молния’ показывает выраженный монгольский корень.

Интересные сдвиги в значениях обсуждаемых слов, видимо, можно обнаружить при обстоятельном семантическом анализе. К примеру, общетюркское **salgun/salyun**, обозначающее мираж [5, с. 42], в якутском языке употребляется для обозначения воздуха, легкого ветра. Тюркское **qurraq** ‘пороша’ [там же, с. 53] соответствует якутскому **кырыа** ‘иней’. Правда, эти единицы в составе якутских топонимов не встречаются.

В целом, наименования метеорологических и атмосферных явлений в составе топонимов Якутии встречаются достаточно часто и свидетельствуют о характере привычной среды обитания народа. Эти названия представляют большой интерес не только с этимологической, этнокуль-

турной точки зрения, но могут дать также занимательный материал для семантических исследований.

Литература

1. Иванов С.А. Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. - № 3(16). – С. 74-83.
2. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
3. Багдарыын Сүлбэ. Сири-халлааны кыйа анааран. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 288 с.
4. Багдарыын Сүлбэ. «Словарь топонимной лексики Республики Саха (Якутия): местные географические термины и понятия». – Рукопись.
5. Мусаев К.М. Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 42-67.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_015

Дьячковский Ф.Н.

ЯКУТСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ В ТОПОНИМИИ ЯКУТИИ

(по материалам М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ)

Предметом исследования явилась лексика современного якутского языка, связанная с обозначением различных построек, их частей в жилищно-хозяйственном комплексе, зафиксированная в топонимике Якутии. Названия жилых и хозяйственных построек рассмотрены с точки зрения их семантической структуры, места в топонимической системе якутского языка, происхождения.

Источником для написания статьи стали материалы научно-популярной книги “Аал уоту оттунан” (Думы у очага) зачинателя изучения якутской топонимики, заслуженного учителя школы ЯАССР М.С. Иванова-Багдарыына Сүлбэ.

Целью исследования является осуществление комплексного анализа тематической группы «Наименование жилых и хозяйственных сооружений» в топонимике Якутии. Названия жилых и хозяйственных построек рассматривались с разных сторон. Особого внимания заслуживают труды якутских этнографов Г.В. Ксенофонтова, А.А. Саввинова, Ф.М. Зыкова, Н.А. Алексеева, А.И. Гоголева, Е.Н. Романовой, Р.И. Бравиной, П.А.

Слепцова, Н.К. Даниловой и др. Ценный вклад в изучение лексики материальной и духовной культуры внес А.Е. Кулаковский. Лексика жилых и дворовых построек находит отражение и в диалектологических исследованиях М.С. Воронкина, Е.И. Коркиной, М.П. Алексеева-Дапсы, С.А. Иванова. Основным источником в плане семантической реконструкции пратюркского состояния наименований жилища является работа А.В. Дыбо «Материальный быт ранних тюрков. Жилище» [3, с. 219].

Подробное исследование традиционных форм поселений, жилищ и хозяйственных построек саха проведено в монографии Ф.М. Зыкова (1986), в ней рассматриваются практически все виды зимних и летних типов жилищ. Автор раскрывает эволюционное развитие жилищ, сравнивает их с жилищами тюркоязычных народов, а также обстоятельно описывает хозяйственные постройки и строительную технику [4, с. 89]. На территории самой Якутии археологи находят следы построек типа балаган в слоях Кулун-Атахской культуры и культуры «малых домов».

Номинативная лексика, обеспечивающая бытовое общение людей, отражая многовековые традиции, дает исследователям историческую информацию о процессах миграции, контактах и взаимодействии между этническими группировками. Поэтому использование языкового материала имеет огромное значение в краеведении, истории, и это не может не способствовать формированию национального сознания, что на сегодняшний день является одной из актуальных задач в сфере воспитания и образования.

Лексика жилых и хозяйственных построек относится к так называемым народным терминам. По мнению известного тюрколога А.А. Юлдашева, народные термины в тюрко-русских лексикографических традициях включаются в словари по следующим причинам: «во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, это лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения её принадлежности к литературной норме» [6, с. 87].

Выявляя особенности представления терминологической лексики по степени известности носителям языка в монголоязычно-русских словарях, Б.Д. Цыренов отдельно выделяет народную терминологическую лексику, в которую входят названия растений и животных, различных реа-

лий кочевого быта, юрточного жилья, национальной кухни, одежды, бытовой утвари и т.д. [5, с. 212].

Действительно, важнейшим источником формирования якутских терминов жилых и хозяйственных сооружений является общеупотребительная лексика. Они образуют пласт строительной терминологии якутского языка.

Названия жилых и хозяйственных сооружений включает в себя ряд лексико-семантических групп, которые, в свою очередь, подразделяются на такие подгруппы: 1) наименования разных жилых типов, постоянных или временных: *дьиэ* – общее название жилища: срав. тюрк. *eb*, *йеб* ‘дом, юрта, жилище’ и т.д. [Пек. 817-818; ЯРС, 130]; *балабан* ‘юрта’ – тюрк. *balıq* ‘стена из сырцового кирпича’, монг. *balgasun* < **balaqasun* ‘город’ [7, с. 59]; *отуу* ‘временная стоянка, шалаш из сена; становище, стан, место привала, стоянки’; 2) наименования разных частей жилого дома и их деталей: *күүлэ* ‘сени’, *хаптахчы* ‘небольшая комнатка, спальня в юрте’, *холлорук* ‘полка в юрте’, *хоро* ‘выступающая наружу часть дымовой трубы’, *сэбэргэнэ* ‘боковые балки северных и южных сторон’, *түннүк* ‘окно’, *аан* ‘дверь’; 3) наименования культовых построек: *аранас* ‘могильный лабаз’, *сэргэ* ‘коновязь’, *моҕол ураһа* ‘большая берестяная ураса’, *тангара дьиэтэ* ‘церковь’; 4) наименования построек общественного пользования: *бурдук манхааһайа* ‘хлебный амбар (строение для хранения зерна)’, *миэлинсэ* ‘мельница’, *ыыс балабана* ‘коптильная землянка для выделки кожи’; 5) наименования построек хозяйственного назначения: *хотон* ‘хлев’, *онкучах* ‘погреб для хранения молочных продуктов’, *хаһаа* ‘крытый загон для лошадей’; 6) наименования строительных материалов: *халтаһын* ‘доска’, *сүллүгэс* ‘длинные жерди’, *өһүө мас* ‘потолочная балка’ [2, с. 222].

Безусловно, здесь анализ диалектных слов имеет особую значимость в том случае, когда языковые единицы отражают народную региональную культуру и способствуют реконструированию истории культуры народа. Наименования артефактов – предметов материальной культуры – представляют собой именно те объекты, которые не только содержат лингвистическую информацию, но и дают представление о разных сторонах жизни и деятельности народов конкретного региона.

Лексика материальной культуры, входящая в составе топонимики того или иного региона, также дает сведения о происхождении слов и изменениях в семантике тех или иных единиц. К примеру, со словом *дьиэ* ‘дом, жилище’ зафиксировано множество наименований местностей в работах Багдарынына Сүлбэ, такие как *Буор Дьиэ*, *Мас Дьиэ*, *Охсуу Дьиэ*, *Сир Дьиэ*,

Хаар Дьизэ, Хатырык Дьизэ [1, с. 110]. Из этих топонимов самым распространенным названием является *Буор Дьизэ*, которое встречается в Горном, Мегино-Кангаласском, Нюрбинском, Хангаласском, Олекминском, Таттинском, Томпонском, Чурапчинском районах, тогда как название *Сир Дьизэ* только в Усть-Янском районе. В связи с этим в целом этнографически, но и лексически, противопоставлены строительные реалии и название: центральные и северные.

Как часть национальной культуры и национального якутского языка, термины жилого и хозяйственного строительства находятся в генетических связях с говорами якутского языка, показателями чего служат наименования топонимов в его диалектных зонах.

Сбор и анализ лексических материалов для топонимического банка данных, основной задачей которого является сохранение для истории тех названий (и мест их распространения), которые имеются (или имелись) в народном языке, но постепенно уходят из языка в силу различных причин.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр. II том. – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 536 с.
2. Дьячковский Ф.Н. Способы образования народной терминологической лексики саха (на материале наименований жилых и хозяйственных построек) // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2017, N 1. – С. 221-227.
3. Дыбо А.В. Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. Отв. ред. А.В. Дыбо. — М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.
4. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX - начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986. 100 с.
5. Цыренов Б.Д. Терминологическая лексика в монголоязычно-русских словарях // Сибирский филологический журнал, 2014, № 3, - С. 211-217.
6. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972. – С. 265.
7. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: 1978.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_016

Петров П.П.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ ГОРОДА ЯКУТСКА

В настоящее время историки, занимающиеся вопросами социально-экономической истории Якутии XVII в., к вопросу о номинации названия первого русского укрепленного острога на территории Ленского края, относятся, по моему мнению, несколько рассеянно. Одни считают, что острог, поставленный П. Бекетовым, носил название «Ленский острог», другие – «Якутский», дата основания которого принято советской и российской историографией временем присоединения обширной территории северо-востока Азии к России. Расхождения историков по данному вопросу дает повод тем, кто, в общем-то, не обращая внимания на первоисточники и историографию XVII в., пытается сделать ревизию давно установленных фактов и утверждать, что Якутск возник в 1643 г. с того времени, когда воевода П.П. Головин построил новую крепость на левом берегу реки Лены. Правобережные остроги носили иное название и поэтому не могут быть отнесены к начальной истории Якутского острога.

Для разрешения запутанного вопроса нам необходимо обратиться к историографии и архивным документам XVII в., касающихся периода основания Якутского острога. Историк С.В. Бахрушин в статье «Исторические судьбы Якутии», опубликованной в 1927 г., однозначно пишет только о «Якутске». Другой известный советский ученый С.А. Токарев в книге «Очерки истории якутского народа», изданной в 1940 г., утверждает, что «Бекетову удалось, построив Якутский острог» покорить якутские племена. Эти два видных историка Москвы и Ленинграда, одними из первых поднявших и исследовавших многочисленные архивные документы XVII в., в ранних работах не приводят названия «Ленский острог». Лишь позднее, в очерках «Якутия в XVII в.» (Якутск, 1953) Бахрушин острог Бекетова назвал «Ленским».

Затем наступила очередь местных историков обратиться к данной проблеме. О.В. Ионова в книге «Город Якутск» (Якутск, 1950) впервые указывает, что в 1638 г. с установлением Якутского воеводства «Ленский острог становится его центром» и что Якутским назван позднее. С этого времени стало превалировать мнение о том, что острог Бекетова был назван Ленским.

Профессор Ф.Г. Сафронов, специально занимавшийся историей города Якутска, в своих книгах утверждает, что острог, поставленный Бекетовым, вначале был назван Ленским, и только со строительством нового острога на левом берегу Лены в долине Туймаада острог стал называться Якутским. В «Энциклопедии Якутии», главным редактором которой и

основным автором истории Якутии XVII в. являлся он, Федот Григорьевич повторил свои выводы по номинации названия первого острога как Ленский.

Другой крупный исследователь истории Якутии XVII в. В.Н. Иванов в одной из своих статей, посвященной основанию Бекетовым острога на Лене реке, тоже пишет, как о Ленском остроге (Якутск: история, культура, фольклор. – Якутск, 2007).

В республиканских средствах массовой информации, особенно в последние годы, на основании разночтений источников учеными появляются статьи о том, что Ленский острог это другой острог, не имеющий ничего общего с современным Якутском. Поэтому дату основания Якутска следует передвинуть на 1643 г.

Чтобы закончить дискуссию среди историков следует обратиться к источникам, касающихся времени основания первого острога и его переносов в связи с разрушительными наводнениями. Эти документы в основном опубликованы в разных изданиях.

Основанный П.И. Бекетовым острог первоначально не имел точно установленного и официально принятого названия. В одном документе, заполненной стрелецким сотником, указано, что он поставил «на Лене реке острог», в другом – «острог в Якуцкой земле» (Материалы..., ч.3, с.1085, с.1094). Очевидно, П. Бекетов понимал, что поскольку острог, поставленный им на Лене реке, является «государевым», то порядок присвоения новому острогу названия относится к прерогативе царя или московским органам власти в лице Сибирского приказа.

Затем новый приказчик острога атаман И. Галкин под благовидным предлогом разрушительного наводнения в 1634 г. перенес строения острога на высокое место, вероятно, недалеко от старого местоположения. С этого времени острог стал носить название «новый Ленский острог». Во всяком случае, в заполненной Галкиным «Книге ясачного сбора за 1634/35 гг.» острог проходит под названием «в новом Ленском острожке». Думается, что это название плавно перешло от другого срубленного «на Лене реке на Усть-Куты реки под острожком, который поставил вновь атаман Иван Галкин с товарищы» в 1630 г. (Материалы по истории Якутии XVII в., ч.1, с.1, 2; ч.3, с.1067, 1068, 1069). В документе этот острожек носил название «Ленский новый острожек». Вполне возможно, И. Галкин разобрал укрепление основанного им острожка и по воде доставил на предполагаемое место переноса бекетовского острога. Поэтому, полагаю, что второй острог, поставленный им вместо старого, по традиции назван «новым Ленским острожком». Вероятно, атаман И.А.

Галкин своими действиями по переносу и переименованию острога хотел присвоить себе звание основателя нового российского населенного пункта на северо-востоке Азии. На месте же галкинского острога на верховье реки Лены вновь был построен Усть-Кутский острог, срубленный десятником Василием Бугром.

В нашем распоряжении имеется и другой документ. Это описание первой печати Якутского острога, сделанного через три года после основания первого острожка. Так, в «Росписи государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси сибирским печатем какова в которых городах и острогах и в которой печати что вырезано и подписано. В лето 1635 году», помещенной в знаменитой «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова дается следующее описание печати острога: *«На якуцкой бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава, а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Якуцкого острогу».*

Затем в 1638 г. вышел указ о создании самостоятельной административной единицы – Якутского уезда с центром в Якутском остроге. Получилось так, что на основании отписки П. Бекетова 1632 г. об основании острога на якутской земле московские власти приняли решение присвоить название новому острогу как «Якуцкий». А в Якутии служилые люди в ясачных книгах 30-х и начале 40-х годов XVII в. этот же острог, вновь построенный в 1634 г. атаманом И.Галкиным, неизменно писали как «новый Ленский острожек» или «Ленский острожек». Таким образом, этот острог носил двойное название: в правительственных бумагах как «Якуцкой острог», в якутских ясачных книгах, в большинстве случаев заполненных атаманом И. Галкиным, как «Ленский острожек».

Лишь с приездом воеводы П.П. Головина в 1641 г. вопрос о двойном названии острога был решен окончательно и бесповоротно. Еще до переезда на левый берег р. Лены Головин подписывал документы с указанием только Якутского острога.

На основании вышеизложенного, период с 1632 г. по 1641 г., когда острог носил двойное название, я предлагаю в научных трудах писать как **«Якутский (Ленский) острог»**, поскольку prerogativa в номинации нового населенного пункта принадлежала московским властям, которые уже на заре основания приняли решение наименовать его «Якутским». Учитывая мнение служилых людей, которые проявили свою инициативу в присвоении нового названия «Ленский» можно заключить его в скобках.

II. АНТРОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_017

Сироткина Т.А.

НАЗВАНИЯ НАРОДОВ КАК ЗЕРКАЛО ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ РЕГИОНА

Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности. Под категорией этничности мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Языковой составляющей данной категории являются названия народов (этнонимы), составляющие этнонимию данного языка.

Особенно актуальным представляется рассмотрение функционирования этнонимов в рамках отдельного региона. Это, на наш взгляд, помогает, с одной стороны, расширить лингвистические знания о региональном этнонимиконе, с другой – выстроить некую структуру категории этничности: выявить, какие единицы ее образуют, как они меняются с течением времени, а также то, каким образом они представлены в различных типах дискурса.

Материалом настоящей статьи послужил один из региональных этнонимиконов – этнонимикон Пермского края, многонационального региона, в котором процессы этнической идентификации и самоидентификации протекают с достаточной степенью наглядности. Проблемы этнической идентичности рассмотрены через призму функционирования

этнонимов в художественных текстах уральских писателей. Попытаемся рассмотреть, какие компоненты этнической идентичности отражены в произведениях А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Федорова.

1. Внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали черноглазые *башкирки*: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [7, с. 98].

2. Общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой *башкирский нож*, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [7, с. 89].

3. Общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними их основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы *говорают по пермякски*. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [5, с. 96].

4. Особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «А *пермские боги* похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [1, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слынут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [5, с. 32].

5. Территориальный компонент национальной идентичности репрезентируется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший ее приток – река *Сылва*. *По-вогульски* – талая вода» [4, с. 15]; «А вот скала *Вогулинская гора* так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми остриями обиженной кучей» [2, с. 551].

6. Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с от

этнонимными прилагательными и топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чудь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» [6, с. 162]; «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» [3, с. 194].

Таким образом, этнонимы в художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Данный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

Литература

1. Иванов А.В. Чердынь – княгиня гор. – Пермь, 2003. – 348 с.
2. Иванов А.В. Золото бунта. М., 2005. – 542 с.
3. Иванов А.В. Message: Чусовая. – М., 2007. – 488 с.
4. Никонов Н. Ермак // Уральский следопыт. – 1973. – № 4. – С. 15 – 25.
5. Решетников Ф.М. Подлиповцы. – М., 1977. – 192 с.
6. Турова Е. Кержаки. Проза. – Пермь: ООО «Маматов», 2007. – 320 с.
7. Федоров Е. Демидовы. – М.: Советский писатель, 1946. – 343 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_018

Гордова Ю.Ю.

МЕЩЁРА, МУРОМКА, КУРША: ЭНТОПОНИМИЯ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ (Рязанский опыт)

Появление значительной части этнопонимов на территории современной Рязанской области (бассейн Оки в ее среднем течении) относится к древнерусскому периоду и связано с необходимостью обозначить посредством географического имени места проживания неславянского населения. О позднем характере топонимов свидетельствуют и большое число среди них названий поселений, и незначительный размер водных объектов (озера, протоки). Однако, несмотря на относительно позднее происхождение, для современного исследователя этнопонимия является маркером языковой ситуации древнейших периодов и подсказкой при

интерпретации выявленных топонимических ареалов. С этой целью на лингвистическую карту Рязанского Поочья были нанесены топонимы, содержащие основы исторических этнонимов: *мещера* – пос. **Мещерский**, **Мещёрская сторона**, *мурома* – р. **Муромка**, с. **Муромино** / **Мурмино**, *куриша* – р. и с. **Куриша** и др.

Мещёра. Хороним **Мещёра** – название природной зоны в центральной части Восточно-Европейской равнины, характеризующейся обилием болот и лесов [1, с. 204-205; 2, с. 268]. Названия финноязычного народа и места его исторического проживания омонимичны, что, по всей видимости, является отражением традиционного синкретизма древних имён. Этноним упоминается в русских письменных источниках до XVI в., а в живой речи, по сведениям этнографа П. Семёнова, вплоть до сер. XIX в.: здесь проживало население, считающее себя мещерой [1, с. 204-205]. Общеизвестность – с исторических времен и до современности – топонима **Мещёра** стала причиной устойчивой продуктивности данной топоосновы: в источниках XVI в. часто упоминается *Мещерская сторона* [3, с. 44, 51, 254, 270, 383]; при формировании географической номенклатуры России эта природная зона была зафиксирована как **Мещёрская низменность**, в поэтической и современной разговорной речи до сих пор и часто употребляется топонимическое сочетание *Мещёрский край*; по сведениям Топонимического словаря Рязанской области, один из поселков, расположенных в данной части области, был назван **Мещёрским** в 1966 г. [4, с. 153]. Активное возведение новых поселений, начавшееся в XXI в., привело к очередному всплеску продуктивности топоосновы *мещёр-* (*мещер-*, влияние разговорной формы названия): коттеджные поселки **Мещера**, **Мещёрская сказка**, жилые комплексы **Мещера**, **Мещёрский**, ул. **Мещёрская** и т.д. При этом как архаичные следует рассматривать названия водных объектов: р. **Мещёрка**, оз. **Мещёрское** – на левобережье Оки (участок от р. Гусь до р. Унжи), р. **Мещорка** – на правобережье Оки (п.п. р. Колец, район р. Рановы) [5, с. 195, 180], – и, возможно, деревни **Мещерской** Понинского стана, упоминаемой ещё в XVI в. [3, с. 232].

Распределение на карте «мещёрской» топонимии носит ярко выраженный зональный характер. Границы средневековой **Мещерской стороны** позволяют очертить поселения, упоминаемые в писцовых книгах XVI в. как селения этого района («В Окологородном же стану на Мещерской стороне за рекою за Окою...» [3, с. 44]): Сельцо (Солотчинского монастыря), Ографенина пустынь, Варская, Ласково, Ларино, Санское, Гнетово [3, с. 44, 51, 254, 270, 383]. Места их расположения образуют треугольник, сопоставимый с конфигурацией Мещёрской низменности. В

границах этой зоны находится и ойконим *Мещёрский*. Крайнее на востоке поселение Мещёрской стороны (Ларино) непосредственно граничит с этнотопонимом *Муромка*.

Мурома. С летописным названием финноязычного народа *муромы* связывают ойконим *Муromo* (совр. *Мурмино*) и ряд гидронимов Поочья: *Муромка, Муромец, Муромское* [1, с. 219; 5, с. 353]. Гидроним *Муромка* локализуется в северо-восточной части рязанского Поочья и определяет крайнюю южную точку ареала муромы, находящегося на территории соседней Владимирской области. Крайнюю северную точку этого ареала показывают ойконимы Ивановской области *Большая* и *Малая Муромка*: они находятся на левобережье Клязьмы (в районе её левого притока р. Лух) и рядом с самым дальним в северной части Центральной России могильником муромы [6, с. 82]. Таким образом, эти названия еще раз подтверждают «феномен края»: активизацию на границе распространения той или иной культуры, связанной с ней этнотопонимии.

Другой рязанский топоним с основой *Муром-* (*Муromo* / *Мурмино*) локализуется в западной левобережной части рязанского Поочья, на значительном удалении от основного ареала муромской культуры. Появление названия в этом районе объяснить сложно (возможно, оно также отражает «феномен края», что даёт повод задуматься о границах распространения муромы). То обстоятельство, что населённый пункт находился напротив древнерусского города *Льгова*, возможно, говорит об одновременном функционировании в прошлом двух поселений – со славянским и неславянским населением, что и отражают их названия. Аналогичное сосуществование двух поселений с разным этническим составом известно близ оз. Неро (совр. Владимирская область): славянский *Ростов* и мерянский город (археологический памятник *Сарское городище*, VI-VII вв. – нач. XI в.; исконное название не сохранилось), со временем прекративший существование из-за растущего влияния Ростова.

Куриша (др.-р. *Кърсь, Корсь*). *Куриша* – река, п.п. р. Нарма, п.п. р. Гусь; село у истока реки. Река протекает по сырым заболоченным землям Мещёры. В лесу, в стороне от других населенных пунктов, располагается село. Топонимы могут быть связаны с названием древнего балтийского племени *куриша*. Сохранились этнографические сведения о том, что жителей окрестных сел издавна называли куршаками, куршанами, «литвой головастой», «литвой некрещеной» [7, с. 27; 4, с. 133]. Возможность появления представителей этой племенной группы за пределами своей исторической территории (пространство от Немана до побережья Балтий-

ского моря) В.Н. Топоров объясняет «лихолетьями», сопровождавшими жизнь куршей, в результате которых они либо попадали в плен, либо были вынуждены мигрировать в другие районы [7, с. 27].

Древние источники отмечают воинственный характер куршей и их жестокое сопротивление христианизации, чем и могло быть вызвано появление у них местного названия – «литва некрещеная». Второе название – «литва головастая» – могло отражать анатомические особенности: этноним возводят к **kurs-*, «обозначавшему нечто искривленное, изогнутое, низкорослое, дефектное» [7, с. 26]. Есть и другая точка зрения. В частности, Б.В. Горбунов связывает появление прозвищных названий с пленными литовскими воинами периода противоборства рязанских князей с Литвой в XIV – XV вв. [4, с. 133].

Куршский язык угас к XVII в. [7, с. 27]; в прибалтийских землях он был ассимилирован латышским и литовским языками, а в рязанской земле должен был смешаться с местными языками и диалектами, в частности с языком мещеры, а позднее русских. Тем не менее, волость *Курша* упоминается в рязанских деловых документах еще в начале XVII в., а топонимия балтийского типа сохраняет четкий ареал и на современной топонимической карте Рязанской области [8].

Литература

1. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России / Г.П. Смолицкая. – М.: Армада-пресс, 2002. – 416 с.
2. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Русские словари: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002. – 512 с.
3. Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Рязанская ученая архивная комиссия; ред. В.Н. Сторожев; изд. 2-ое: подготовка к печ.: А.И. Цепков. – Т. I. Вып. 1. – Рязань: Русское слово, 1996. – 664 с.
4. Топонимический словарь Рязанской области / А.А. Никольский (отв. ред.), Л.А. Кононенко, И.Н. Хрусталева, А.В. Бабурин; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2004. – 296 с.
5. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер / АН СССР, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1976. – 454 с.
6. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Л.А. Голубева, В.А. Могильников, В.В. Седов, Р.Л. Розенфельдт; отв. ред. В.В. Седов; АН СССР, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1987. – 509 с. – (Археология СССР. Под общ. ред. Б.А. Рыбакова).
7. Языки мира: Балтийские языки / РАН. Ин-т языкознания; Ред. колл.: В.Н. Топоров, М.В. Завьялова, А.А. Кибрик и др. – М.: Academia, 2006. – 224 с.
8. Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; [авт.] Ю.Ю. Гордова; науч. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 2015. – 72, [45] с.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЭТНОНИМЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ТОПОНИМИКЕ ЯКУТИИ

(по работам М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ)

М.С. Иванов собрал огромное количество топонимов по всей территории Якутии. В его трудах есть сведения о древних племенах, чьи названия прослеживаются в якутской топонимике. В своих книгах он дает подробные сведения об этих топонимах, дает исторические параллели с территорией Центральной Азии, рассказывает о лично собранных и через своих многочисленных информаторов-учеников легенды о древних родах. В его книгах встречаются сведения о племенах сортол, тумат, ба-йагантай, хоро, ханалас, нам, байды и т.д., ставших топонимами.

Основываясь на топонимах, М.С. Иванов изучал расселение отдельных якутских родов по территории Якутии. Очень интересны материалы, представленные в его книге о племенах тумат и сортол, которые в древности жили в территории Вилюя, и широко известны нам из истории Центральной Азии. Так, по его сведениям, род Тумэты входил в состав Мегинского улуса. По преданию, записанному С.И. Боло, в Хатасском наслеге были люди Туматского рода, насчитывавшие в 30-х годах XX в. 230 душ, пришедшие со стороны Вилюя и объединившиеся с хоринцами [1, с. 22].

Еще один род – Хатыгын занимал огромные пространства на территории Якутии. Так у есейских якутов, в Хатыгынском наслеге, были рода Ботулу, Оспох, Удай, Осогостох, Маймага. Даже в далеком Анабаре речка Үөлэ имел два ответвления: Кангаласский и Хатыгынский. Таким образом, хатыгыны проживали и на Анабаре и в Оленьке [1, с. 36-41]. Примечательно, что М.С. Иванов разделяет хатыгинов и хатылинцев в Центральной Якутии.

В его трудах на материале топонимов анализируются тотемные верования народа саха. Есть сведения о родах, почитавших орла, быка, стерха, лебедя, гуся и т.д. По фольклорным данным, в древние времена бычьей упряжью имели только жители соседних и родственных между собой Ба-йагантайского, Дюпсинского и Борогонского улусов [1, с. 115].

В его книгах также есть сведения об исторических личностях, например, о Тыгыне. Как писал С.И. Боло, родоначальником многочисленных вилюйских родов омолоон был прибывший из Ботурусского

улуса знаменитый Омоллоон Беге. По предположению М.С. Иванова, имя легендарного Омоллоона – слово юкагирского происхождения и образовано от слов *он* ‘река’ и *омол* ‘хороший’ [2, с. 20].

Таким образом, труды М.С. Иванова имеют огромное значение не только для изучения топонимики Якутии, но и якутской этнографии и древней истории народов Якутии. Он был выше ставших ныне популярными национальных взглядов на историю и территориальную принадлежность. Многие оппоненты в разного рода сайтах обвиняют его в том, что он в чисто якутских местах проживания находит топонимы тунгусского и палеоазиатского происхождения. Но ученый должен быть выше политически субъективных взглядов на названия мест и историю родного края. Его труды будут изучать последующие поколения лингвистов и историков и все, кто интересуется языком и историей родного края.

Литература

1. Иванов М.С. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). – Якутск: Бичик, 1985. 144 с.
2. Иванов М.С. Сири сиксигинэн (По краям и вехам родимой земли). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 185 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_020

Садовникова И.И., Шарина С.И.

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЭВЕНОВ

Антропонимические традиции эвенов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт, отличаются неповторимой самобытностью и оригинальностью, отражающей взгляд народа на мир и на место человека в нем. Проявление духовной жизни эвенов в антропонимии разнообразны, эвенские имена проявляют видимую связь человека с природой, с тотемами, с устремлениями в семье.

В эвенской семье рождение ребенка всегда отмечалось как большое радостное событие, благополучие рода во многом зависело от численности ее членов, и появление нового сородича было всегда желанным. Существовало много основанных на традиционных верованиях обычаев, выполнение которых, по народным представлениям, должно было охранять мать и будущего ребенка от несчастий и злых духов. Так, после того, как проявлялась беременность женщины, предпринимались следующие запретные меры: в жилище, где живет беременная женщина, нельзя было

приносить зайца и есть беременной заячье мясо, иначе новорожденный может родиться заячьей губой; нельзя было лежать на медвежьей шкуре – роды будут тяжелыми; запрещалось ходить на кладбище; нельзя было заплетать волосы, сучить нитки и т.д. Также беременной женщине нельзя было переступать через охотничьи принадлежности мужчины; нельзя было прикасаться к дичи – не будет удачи на охоте. Имя не выбирали заранее, это считалось табу, а давали его уже родившемуся ребенку.

Женщины рожали с помощью *атавчичан* – повитухи, и поэтому в имянаречении участвовали не только близкие родственники, но и повитухи. В семье принято было приглашать одну и ту же *атавчичан* для приема детей, если при ней роды проходили удачно. Существовал обычай тщательно охранять чум, где проходили роды, чтобы уберечь роженницу от влияния «вредоносных сил», дурного глаза» и т.д. Для имен использовались названия, явления, признаки всего, что окружало ребенка во время его рождения. Так, если рождение ребенка было связано с каким-либо событием, то оно отражалось на выборе имени ребенка. Например: Нелка (от *нелкэни* 'весна') – ребенок, родившийся весной; Маранжа (от *маранжа* 'радуга') – ребенок, родившийся во время радуги; Хэгтэни (от *хэгтэ* 'ветки лиственницы') – возможно, ребенок родился во время подстилки веток в чуме; Хилиня (от *хили* 'снег мокрый, изморозь') – ребенок, родившийся в пасмурную погоду во время мокрого снега; Химжун (от *химжун* 'темнота, мрак, сумерки') – ребенок, родившийся в сумерках и т.д.

Имена также давали по сходству с внешностью или характером какого-либо животного или птицы. В этом случае нарекали такими именами, как Буюндя (от *буюн* 'дикий олень'); Гекчавал (от *гякчан* 'ястреб'); Дэгени (от *дэги* 'птица'); Делкини (от *дилики* 'горностай'); Кулани (от *кулар* 'белая чайка'; Накатча (от *накат* 'медведь' и т.д.

Ребенок мог быть назван в честь родственника, на кого он сильно похож: Амагачан (от *ама* 'отец') – подобие отца; Амина (от *ама* 'отец') – отцовская дочь; Дяюн (от *дя* 'родня') – кровная родственница; Нөйку–младший брат; Хунадя – дочь и т.д.

У эвенов также было принято называть именами, в основе которых угадываются различные пожелания. Пожелательное имя не отражает объективного признака конкретного человека, но призвано приписывать ребенку желательный признак. Обычно в них выражается пожелание счастья, силы и смелости, знатности, богатства. Возникновение таких имен связано с верой в магическую силу слова, в то, что имя способно определить будущую судьбу ребенка, например: Аяврина (от *аявдай* 'лю-

бить') – Любящая; Гилани (от *гилбэне* 'блестящий, яркий, светлый') – Светлая; Гудинде (от *гудей* 'милый' – Ласковая; Дялкани (от *дял* 'удача') – Удачливая; Инесса (от *нес* 'счастье') – Счастливая и т.д.

Желанием оградить ребенка от всевозможных напастей, от влияния злых сил, попыткой обмануть или напугать их объясняется существование «обманных» имен. В основе их лежат обычно слова с негативным, отрицательным значением, например: Хөңнунде (от *хөңуу* 'внутренности оленя'), Бөкчини (от *бөкчэку* 'сутулый, сгорбленный') и т.д.

Также встречаются имена, связанные с названием различных веществ и минералов, например: Буркань (от *буркат* 'кварц') – Подобная кварцу; Дёлкуни (от *дёл* 'камень') – Каменный, Стойкий; Мэңдуни~Мэңнуни, Мэңрэк, Мэңун~Мэңунь (от *мэңун* 'золото, серебро') – Золотистый, Серебристый; Хелникэн~Хэлникэн (от *хэл* 'железо'), означает Железоподобный; Чирини (от *чирит* 'медь') означает Медный и т.д.

Также могли наречь ребенка по его внешности, поведению, характеру, например, такие имена как Айяна (от *ай* 'хорошая, красивая'), Ананна (от *анана* 'багровое пятно, Асаңна (от *асанаган* 'обидчивый'), Баңкуни (от *баугаңи* 'кривоногий'), Бобриндя (от *бобр* 'нервный, вспыльчивый', Болдани (от *болдана* 'большеглазый') и т.д.

Также у эвенов отмечается наличие имён, связанных с хозяйственной деятельностью, с предметами материальной культуры, охоты и быта, например: Ачурмилан (от *ачурун* 'часть крыши юрты около дымового отверстия'); Гедавал (от *гид* 'копье, рогатина, штык'); Метакалан (от *мь-та* 'шкура, снятая с головы животного'; Нюрани (от *нюр* 'стрела') – Летящая стрела; Нюриди (от *нюр* 'стрела') – Стрелоподобный и т.д.

Отражая особенности жизни эвенов, семантика антропонимических основ представляет большой интерес для исследования: она дает материал для осмысления экстралингвистического фона создания личных имен, их национальной специфики, нередко обусловленной этнопсихологией носителей языка, выявляет лексические единицы, ушедшие из современного языка, но сохранившиеся в составе имен.

Таким образом, установлено, что в значении имен эвенов скрыта национально-специфическое мировосприятие этноса, номинация имени несет в себе некоторый скрытый смысл, который понятен и доступен носителям данного языка. Исследование значения имени позволяет приоткрыть особенности мировосприятия эвенов.

Литература

1. Архив сектора эвенской филологии ИГиИПМНС СО РАН Ф 1. Оп. 1-5.
2. Бокова Е. Н. Эвэды фольклор: Учебное пособие по национальной культуре для учащихся 5-6 классов. Якутск: Бичик, 2002. – 216 с.
3. Бокова Е.Н. Эвен ханьинни. Якутск, 1998. – 95с.
4. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. – С. 66.
5. Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1987. – 157с.
6. Нестерова Е.В., Садовникова И.И. Онимы в фольклоре эвенов.// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. №12-3 (42). С.125-128.
7. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Москва, 1981г. – С. 164-165
8. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с. – С. 147.
9. Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров. Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН Северовед, 2005. 360 с.
10. Эпос охотских эвенов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1986. 301 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_021

Курилов Г.Н.

О НЕКОТОРЫХ САМОНАЗВАНИЯХ ЮКАГИРОВ И ИХ РОДОВ

(попытка этимологического анализа)

Отметим сразу же, что до сих пор, кроме автора этих строк, не предпринималась попытка этимологического анализа самоназваний юкагиров и их родов. Поэтому тут же приведем список юкагирских самоназваний для того, чтобы сосредоточить на них свое внимание. Итак: *одул/вадул* – самоназвание лесных (верхнеколымских) и тундренных (нижнеколымских) юкагиров, *алайиш* (по-русски: алай) – самоназвание древнейшего тундренного рода (или племени), *кобимэ* (по-русски: когимцы) – самоназвание рода (или племени) лесных юкагиров, *вабариш* – самоназвание рода из Нижней Колымы, *хододьыл* –самоназвание нижнеколымского рода эвенов из группы, именующей себя *илкан* ‘настоящие, истинные’, *хангаайи* –самоназвание обьюкагиренной группы эвенков, *эрбэткэны*, называющие себя эвенами из группы *илкан* ‘настоящие, истинные’.

Переходим к этимологическому анализу перечисленных юкагирских самоназваний.

В самоназвании *вадул* выделяется корень *ваду*=, =л является аффиксом отглагольного существительного или, по терминологии Е. А. Крейновича, имени действия. Поиск слов с выделением основы *ваду*= обнаружил слово *вадурчии*= (3 л. *мэвадурчий*; *вадурчил*) ‘стараться’. Образование *вадурчии*= ‘стараться’, продуцировано как, например, основа *поморчи*= (3 л. *мэпоморчий*; *поморчил*) *неперех.* ‘катиться’, ‘скатываться по скользкой поверхности’, где аффикс =чи является показателем многократного вида, а суффикс =р(э) в грамматике несет функцию деривативного форманта со значением ‘обрести что-либо’. Например, ср. *илэ* ‘олень’ и *илэрэ*= (3 л. *мэилэрэй*; *илэрэл*) *неперех.* ‘обрести оленя’. Поэтому, основу *поморэ*= можно буквально перевести как ‘обрести кружение’ (т.е. кружиться), где основу *вадурэ*= следовало бы перевести как ‘обрести старание’ (т.е. ‘стараться’). На основе этих умозаключений приходим к выводу о том, что этноним *вадул* буквально можно перевести как: ‘старательный, собирающий силу для какого-либо действия’. Этноним *оудл*, производный от основы *одурчии*= можно перевести как *вадул*.

Самоназвание древнейшего тундренного рода (или племени) *алайи*, по нашему мнению, состоит из двух компонентов, а именно: *ала*=, являющегося корнем в сложных словах *ааландьэраал* ‘лиственница’, *ааландьэ* – причастная форма с глагольной основой *аалан*= (3 л. *мэааланый*; *ааланьыл*) ‘иметь твердую часть’ (=н – аффикс обладания), =*раал*<=*саал* ‘дерево’, второй компонент *йи*= является видоизменением существительного =*дьи*<=*чи* ‘люди’. Поэтому самоназвание *алайи* буквально можно перевести словами: ‘люди с твердым как (*аала* ‘лиственница’) характером’.

Кстати, этот элемент *аала*= присутствует в топониме Алазея, русском названии реки Чамуодэну [букв.ально: ‘Большая река’], в топониме Албай (буквально: ‘Алайская женщина’) – название горы на левом берегу Алазеи, в топониме Аллайха – народное название Аллаиховского района.

Самоназвание рода лесных юкагиров *кобимэ* – в научных изданиях: когимцы (*кобимэчи* ‘люди рода *кобимэ*’), буквально можно перевести как: ‘люди вороньего рода’. Слово *кобимэ* в лесном (верхнеколымском) диалекте исчезло, вместо него употребляется слово *чомпорнаа*, где *чом*=<=*чомо* ‘большой’, *парна* – искаженное русское слово ‘ворона’. Буквально самоназвание переводится как: ‘Большой ворон’.

На территории нижнеколымского района Якутии до советского времени проживали небольшие группы со своими родовыми, по-видимому,

самоназваниями: *ваҕариил*, *хододьыл*, *эрбэткэн*. Последних иногда называли хангайцами (по-якутски: *хангаайылар*). При этом, если некоторые из эрбэткэнов, хододьылов и хангайцев причисляли себя к юкагирам, то группа *ваҕариил* были юкагирами. О них В.И.Иохельсон в книге «Материалы по языку и фольклору юкагиров Колымского округа» (Спб., 1900) писал, что они этнически состоят из алайи, хангайцев и, видимо, северных якутов. Нам кажется, что *ваҕариил* состояли из алайцев, хангайцев и чукчей. О наличии чукчей говорит самоназвание *ваҕариил*, состоящее из имени существительного *ваҕа* ‘лицо’ и элемента *=иил*, восходящему к понятию ‘связать’, ‘пришить’ (корень *ии*= см. в основах *ии-рэ*= (3 л. *мэиирэл*, *иирэм*) ‘связать, сшить’. Основа *и-гэ*= (3 л. *мэр игэй*; *игэл*) ‘быть связанным’, ‘привязанным’. Видимо, у данной группы нижеколымчан женщины были как у чукчей ‘шитолицыми’. Напомним, чукотские женщины тонкими нитками из жилы оленя вышивали себя вокруг лица. Автор этих строк, будучи студентом в Ленинграде, видел чукчанок со следами шитья вокруг лица.

Что касается людей из групп *эрбэткэн* и *хододьыл*, считающих себя эвенами из группы *илкан* ‘настоящие, истинные’, общающихся между собой в основном на эвенском языке, по нашему мнению, были юкагирами по происхождению. Так, *эрбэткэн*, по-эвенски ‘гусь’, видимо, связаны с усть-янскими яндинцами (от *яндэ* < *йандэ* ‘гусь’), о которых В. Г. Богораз писал, что усть-янские юкагиры сначала отунгушили, затем вместе с ними объякутились. Хододьилы же, это обламутившиеся ходынцы (по юкагирски: *одыиндьи* ‘люди с челноками’). Они жили, согласно архивным материалам, на берегу Охотского моря.

В конце статьи хочу сообщить, что язык и культура нижеколымских юкагиров в советское время прошли ряд испытаний на прочность и наличие жизненной энергии. Это особенно остро и болезненно проходило в 50-х гг. XX века во время хрущевской кампании, когда волюнтаристским решением власть имущих был ликвидирован единственный колхоз-миллионер тундренных юкагиров, поселок был снесен с лица земли, а дома перевезены в соседний поселок, сами жители юкагирской земли были переселены туда же. А когда стали выдавать впервые в их жизни паспорта, почти все тундренные юкагиры насильно были записаны эвенами. После таких тяжелейших ударов по юкагирам Олеринской тундры люди стали забывать родной язык и культуру. Однако ныне, благодаря самим тундренным юкагирам, юкагирский этнос еще живет.

АРАБСКИЙ ПЛАСТ ЛИЧНЫХ ИМЕН В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Имянаречение является главным событием в жизни новорожденного ребенка. Многие люди считали и считают, что имя играет немаловажную роль в судьбе человека. Поэтому аварцы, как и многие представители других народностей, относились к этому событию с огромной серьезностью и вниманием. Аварские имена впитали в себя богатую историю своего народа. В наше время имя порой является единственным признаком, по которому мы можем предположить какой конфессии, а порой и национальности является тот или иной человек.

Рождение малыша в аварской семье – всегда торжественное, праздничное событие. Потому и к выбору имени новорожденному аварцы относятся очень ответственно, стараются подбирать или даже придумывать сами красивые имена, соблюдая при этом национальные и религиозные традиции.

Имена несут в себе часть истории, культуры, веры своего народа. Некоторые традиционные аварские имена, возникшие на базе его исконно лексического фонда, отражают отношение к окружающей жизни. Так же существуют конкретные имена, связанные с растительным и животным мирами или являющиеся именами атрибутивными. Существуют также имена, заимствованные из других языков.

Имена – это историческое достояние народа. К сожалению, многие исконно аварские имена незаслуженно забываются, уходят в прошлое. Народные имена образовывались на основе различных понятий из нарицательных существительных. Как и во многих других языках, они очень похожи на прозвища: *БахIарай* «Молодая», *Берцинай* «Красивая» и т. д. Некоторые имена стали популярными после того, как их прославили известные люди. Например, мужское имя *Хочбар* – имя легендарного аварского храбреца.

Как отмечают К.И. Гарунова и М.И. Магомедов, «большинство личных имен возникло на почве переосмысления нарицательных имен. В них выражено нарицательное значение основ, совпадающих в структурном и фонетическом отношении с теми нарицательными словами, от которых они образованы. Такие имена легко поддаются этимологизации» [1, с. 123].

Доминирующую часть в именнике аварцев составляют имена арабского происхождения, которые укоренились на территории проживания аварцев по большей части во времена распространения ислама. В основном это имена Пророков и Посланников, Пророка Мухаммада (с.а.в.), Его сподвижников, учеников, последователей. Так же, исходя из многих хадисов, мы узнаем, что лучшими именами являются такие, которые состоят из приставки *Абд* «раб» и одного из эпитетов Аллаха. Например, *Абдуллах* «раб Аллаха», *Абдурахман* «раб Милостивого» и т. д.

Повсеместное параллельное использование арабских и исконных имён продолжалось вплоть до [XVI века](#). В настоящее время исконные аварские личные имена почти полностью вытеснены антропологическими ориентализмами.

Арабский пласт личных имен занимает заметное место в антропонимической системе аварского языка. Контакты аварцев с арабами возникли в далекие времена. С распространением ислама и появлением на территории Дагестана очагов ислама контакты эти расширились. Исламская религия оказала существенное влияние на духовную жизнь дагестанцев. Ислам оставил также след в именнике дагестанских народов. Поэтому арабо-мусульманские имена в аварском языке занимают ведущее место. Они являются самыми популярными и употребительными [2, с. 9].

Большинство мусульманских имен носило религиозную окраску, так как идеология всегда оказывает влияние на имена. У аварцев, как и у других мусульманских народов встречается огромное количество имен, в состав которых входит морфема *Абд* (*раб*): *Абдурахман* (Раб щедрого), *Абдуллах* (Раб Аллаха) и т. д.

В списке современных аварских мужских имён немало и заканчивающихся на арабское *-дин* («религия, вера»). Например, *Зайнудин* означает «богатый верой», *Насрудин* – «тот, кто помогает религии». Кстати, в женском имени *Дина*, которое также пришло в аварский язык из арабского, компонент *-дин* является корнем, а само имя, собственно, и переводится как «вера».

Многие аварские мужские имена имеют значения, отражающие определённые черты характера или качества человека. Приведём несколько примеров: имя Азим переводится с арабского как «великий», имя Азиз (арабского происхождения) означает «могучий» или «дорогой», имя Амин на арабском значит «верный, честный, надежный», имя Герай с персидского переводится как «достойный».

Нередки у аварцев имена типа *Гаджи, Ислам, Малла, Имам, Муслим, Ансар*, так или иначе связанные с мусульманской религией. Распространились также имена родственников пророка: *Али, Гасан, Гусейн, Ахмед* и др. Среди аварских мусульманских имен встречаются также библейские имена в арабизированной форме: *Иса (Иисус), Исмаил (Измаил), Ибрагим (Авраам), Нух (Ной), Жабраил (Гавриил), Юсуп (Иосиф)* и др.

Наряду с полными именами, выступавшими во всей совокупности их вариативных форм, функционируют и краткие – уменьшительно-ласкательные, например, *Саки* – от *Сакинат*, *ПатІи* – от *ПатІимат* и др.

В аварском языке встречается много сложных составных имен арабского происхождения, например: *ХанмухІамад* «Ханмагомед», *Габдул-гІазиз* «Абдулазиз», *ХІажикъурбан* «Гаджикурбан», *Габдулмаджид* «Абдулмаджид», *Габдулвагъаб* «Абдулвагаб», *СагІидахІмад* «Саидахмед», *Дибиркъади* «Дибиркади», *ГалисултІан* «Алисултан» и т. д. Иногда женские имена образуются от соответствующих мужских имен присоединением классных показателей с огласовкой к их основе: *Гали* «Али» – *Галилай* «Алилай», *Къурбан* «Курбан» – *Къурбанай* «Курбанай» и др.

Особенностью женских имен арабоязычного происхождения в аварском языке является частое отпадение окончания *-т* – показателя женского имени. В одних именах этот показатель отпал вовсе: *Амина, Хадиджа, Разия*, а в других факультативно бытуют оба варианта – с показателем *-т* и без него, например: *Айзанат / Айзана, Раисат / Раиса, Гайшат* «Айшат» – *Гайша* «Айша» и т. д.

У аварцев, как и у других народов Дагестана, до Октябрьской революции не было современных форм фамилий и отчеств. Были родовые названия, а в качестве фамилии использовалось имя отца с добавлением взятых из азербайджанского языка *огълы* «оглы» – «сын» или *хъызы* «кызы» – «дочь». После Октябрьской революции широкое распространение получил способ образования фамилии путем добавления к имени отца или деда русских антропимических суффиксов *-ов / -ев, -ова / -ева*: *АхІмадов* «Ахмедов», *Ибрагъимов* «Ибрагимов», *ХІажиев* «Гаджиев», *МахІмудова* «Махмудова», *Къурбанова* «Курбанова» и др. Что касается отчеств, то факультативно употребляется имя отца в формах, образованных при помощи русских аффиксов *-ович / -евич, -овна / -евна*: *МухІамадович* «Магомедович», *Галиевна* «Алиевна» и др. Правда, в последние годы под влиянием западных традиций отчества употребляются весьма редко.

Литература

1. Гарунова К.И., Магомедов М.И. Личные имена в карахском диалекте аварского языка // Дагестанская ономастика. – Махачкала, 1991. – 161 с.
2. Магомедов М.И. Лексика – национальное богатство народа // Очерки по лексике языков Дагестана. – Махачкала, 2014. – С. 3–17.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_023

Магомедов Д.М.

ИСКОННЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время значительно вырос интерес к проблеме антропонимии. Это, несомненно, связано с тем, что именно имена собственные в силу своего функционирования и особенностей развития отражают сознание общества в различные периоды жизни социума более четко и полно, чем какие-либо другие классы слов в языке. Интерес к системе собственных имен определяется также особым положением онимов как слов, развивающихся по языковым законам, но вместе с лингвистическими компонентами включающих также социолингвистический, исторический, этнографический компоненты. Ученые соотносят исследование специфического значения собственных имен с проблемой «слово-понятие в собственных именах», которая не решена однозначно до настоящего времени. Эта проблема, имеющая давнюю историю, вызывает у современных лингвистов неугасающий интерес.

Вариативность и высокая частотность в использовании имен свидетельствуют о том, что значительная часть арабских антропонимов, перестроившись соответственно моделям собственно аварского именослова (по структуре слога, длине слова, последовательности определенных гласных и согласных звуков, словообразовательным возможностям и т.д.), заняли господствующее положение. Они стали восприниматься населением как национальные имена. Исконный антропонимический фонд, большая часть которого оказалась в пассиве, постепенно приобрел потенциальный характер и стал забываться. Однако часть исконных имен продолжает функционировать и остается на всем протяжении истории развития именослова. Таким образом, в качестве доминирующих в исламский период выступают следующие тенденции: заимствование и адаптация мусульманских антропонимов; постепенное угасание соб-

ственно аварского фонда личных имен; развитие вариативности в антропонимии как свидетельство фонетико-морфологической и лексической адаптации (освоения) антропонимических заимствований. Лингвистические и экстралингвистические факторы, такие как религия, исторические связи с другими народами, изменения в экономике и культуре, взаимодействие языков, условия билингвизма, воссоздают сложную систему именника аварского языка. Однако следует заметить, что арабские имена, пришедшие в аварский язык, видоизменились с учётом его особенностей и несколько отличаются от своих прообразов.

По аварской антропонимической лексике в научной литературе имеются некоторые сведения как в общезыковом плане [2], так и по отдельным диалектам [1].

Большой научный интерес представляют исконные по происхождению антропонимы, которые возникли в глубокой древности. Языковые особенности свидетельствуют о том, что в аварском языке сохранилось много архаических элементов, которые в историческом развитии претерпели определенные изменения.

Исследование исконных имен затруднено в связи с отсутствием письменных памятников. Тем не менее сохранившиеся антропонимы представляют собой богатый материал для истории языка, так они способны надолго сохранять языковые особенности прошлого.

Большинство личных имен возникло на почве переосмысления нарицательных имен. В них выражено нарицательное значение основ, совпадающих в структурном и фонетическом отношении с теми нарицательными словами, от которых они образованы. Такие имена легко поддаются этимологизации.

По своей структуре аварские имена являются простыми и сложными. Простые личные имена, в свою очередь, делятся на две группы, из которых первую группу составляют имена, восходящие к существительным, а вторую – имена, восходящие к прилагательным. Например: *Микки* «голубь» (ж.), *Чухлай* «гордая» (ж.) и др.

Личные имена, восходящие к качественным прилагательным, характеризуются морфологической дифференциацией мужских и женских имен. Одна и та же основа в зависимости от показателей грамматического класса может образовать как мужские, так и женские имена. Например:

Мужские имена:

Пазулав

ГьитИнав

Женские имена:

Пазулай

ГьитИнай

Берцинав

Для имен же, восходящих по своей структуре к существительным, такая дифференциация не характерна. Так, только мужскими являются имена *Салус*, *МагIа*, *Магъис*, *Гъудул* и др. Только женские такие имена, как *Хеле*, *Санур*, *Хуруй*, *Суна* и др.

Необходимо отметить, что независимо от какого слова образован антропоним, он приобретает значение символа. Например, некоторые мужские личные имена символизируют храбрость, мужество, отвагу и т. д.: *Маххулав* «железный», *ГъалбацI* «лев», *Чармилав* «стальной» и др.

Женские имена символизируют красоту, нежность и доброту: *Берцинай* «красивая», *ЧухIай* «гордая» и др.

По своей структуре аварские личные имена, как правило, являются односоставными. Однако встречаются и сложные по структуре личные имена. Например, в карахском диалекте встречаются такие имена, как *Тинаяс* (от *тIинай* «маленькая», *яс* «девочка, дочь»), *Тинавас* (от *тIинав* «маленький», *вас* «мальчик, сын»), *ЦихIилчи* (от *цихIилав* «серый», *чи* «человек»), *ЧегIерчи* (от *чегIерав* «смуглый», *чи* «человек») и т.д. [1, с. 124]. Подобные имена образованы по структурному типу «прилагательное + существительное».

Анализируя аварские мужские имена, можно сделать вывод, что многие из них являются сложносоставными, образованными из различных компонентов аварского, арабского, персидского происхождения. Так, встречается ряд имен, одним из компонентов которых выступают слова *-апанди*, *-султIан*-, *-бег*, *нур*-, *-хан*-, *-хIажи*-, *-дибир*-, *-мирза*- и др. Например: *МахIмудапанди*, *СултIангIали*, *ГалисултIан*, *МухIамадбег*, *НурмухIамад*, *ХанмухIамад*, *МухIамдхан*, *ГалихIажи*, *ХIажимурад*, *ДибиргIали*, *Галидибир*, *МирзамухIамад*, *МухIамадмирза* и т.д. Некоторые из этих компонентов употребляются в качестве самостоятельных личных имен (*Апанди*, *СултIан*, *Дибир*, *Мирза* и т.д.), другие – только в качестве вспомогательных компонентов для образования сложных имен (*-нур*-, *-хан*-, *-бег*- и др.).

Литература

1. Гарунова К.И. , Магомедов М.И. Личные имена в карахском диалекте аварского языка // Дагестанская ономастика. – Махачкала, 1991.
2. Микаилов К. Ш. Об аварских прозвищах // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976.

Юсупов Х.А.

ИСКОННОЕ И ИНОЯЗЫЧНОЕ В ДАРГИНСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Статья посвящена проблеме выделения пластов исконной и заимствованной антропонимической лексики даргинского языка. Несмотря на определенные успехи в исследовании антропонимической лексики, пока отсутствуют специальные работы, посвященные данной теме.

Первой работой, посвященной исследованию антропонимики даргинцев, стала монография С.М. Рабадановой «Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской», вышедшая в 2000 году [7]. «Словарь даргинских имен», составленный М.Р. Багомедовым, вышел в 2006 году [1]. Насколько нам известно, не так много и статей, вышедших в научных изданиях. Среди них можно назвать следующие публикации: С.М. Гасановой «Прозвище как один из источников образования личных имен даргинцев» (1976) [5], С.М. Темирбулатовой «Из даргинской антропонимии» (1996) [8], М.Р. Багомедова «Функционирование антропонимов в даргинской топонимии» (2006) [2] и «К проблеме создания словарей антропонимов отдельного населенного пункта полиэтнического региона» (2016) [3], М.Р. Багомедова и Н.М. Алихановой «Гурбукинские антропонимы в этнолингвистическом аспекте» (2016) [4], Х.А. Юсупова «Современные прозвища в диалектной речи дейбукского говора даргинского языка» (2018) [9] и «Становление фамилий и отчеств в даргинском языке» (2018) [10].

Исследователь даргинского языка М.-С.М. Мусаев выделяет два этапа пополнения даргинской лексики иноязычными словами, в т. ч. личными именами: первый – до Октябрьской революции, второй начинается после революции, когда складывался единый даргинский литературный язык и заимствования проникали главным образом через русский язык [6, с. 5]. По отношению к антропонимике трудно согласиться с таким утверждением. Во-первых, диалектная база даргинского литературного языка была определена лишь в конце 40-ых годов XX века, а, во-вторых, из русского языка в именник даргинцев попало небольшое количество имен. Так, например, дополненный именник, включенный в «Даргинско-русский словарь» [11], содержит следующие имена, заимствованные через русский язык: Герман, Замир, Зураб, Казбек, Марат, Рауль, Ринат, Руслан, Чингиз; Аида, Венера, Вероника, Диана, Жанна, Жасмин, Залина, Зарема, Зоя, Милана, Наида, Рита, Фарида, Элиза, Элина, Эльвира, Эльмира [11, с. 1124 – 1134]. Эти имена встречаются редко.

Даргинский антропонимикон формировался в сложных историко-лингвистических условиях. Контакты даргинцев с соседями, а также отдаленными народами нашли отражение в антропонимике. Большое количество имен было заимствовано из восточных языков (небольшое количество из персидского языка, некоторое количество из тюркских языков и огромное количество из арабского языка). Арабские имена начали проникать в даргинский антропонимикон в период исламизации Дагестана. Заимствование арабских имен продолжалось несколько веков. Почти все арабские имена так или иначе связаны с мусульманской религией. Среди заимствований большое количество сложных имен, состоящих из двух частей: собственно, имени и добавочного компонента (дин, ислам, саид, кази и т.д.), например, Исламбег, Нурутдин, Набигуллах, Саидбег и т.д. «С течением времени они вытесняли исконные имена. Это было обусловлено тем, что арабские слова, непонятные народу по содержанию, были весьма удобными для личных имен. Они, являясь нейтральными по смыслу, не вызывали никаких эмоций, что было очень важно для личного имени» [7, с. 39].

Несмотря на это, в даргинском именнике сохранился пласт личных имен, образованных от исконно даргинских основ. До конца XIX века их сохранялось ещё больше. Такой вывод мы сделали, проанализировав личные имена одного населенного пункта (с. Харбук), которые встречаются в Посемейных списках 1886 года. Оказалось, что около ста личных имен, встречающихся в списках, современные жители с. Харбук не употребляют. Действительно, многие из забытых имен харбукцев, являются именами, образованными из нарицательных слов. Например, в Посемейных списках встречаются имена: Балай («знающий»), Белсмук («витые рога»), Варх («вместе»), Варкьай («рожденный»), Зявка («голубоглазый»), Кантар («уголёк»), Къакъба («куропатка»), Къялши («лапа»), ПягI («дым»), Сумай («полянный»), Сирмик («орешек»), ПугIи («виноград»), Цамук («однорогий») и т. д. [12, с. 587 – 588].

Для составления древнего именника даргинцев сведения Посемейных списков 1886 года выступают единственным и наиболее полным источником. В будущем предстоит большая работа по извлечению, описанию и анализу данного материала.

На наш взгляд, однообразные арабские имена обеднили даргинский именник. Заимствования из других языков не оказали существенного влияния на изменение антропонимической лексики даргинцев. Среди тюркских заимствований преобладают женские имена (Ханум, Айханум,

Умуханум и т.д.), а среди персидских – мужские имена (Жанбулат, Хасбулат, Мирзабег, Аббас, Рустам и т.д.).

Таким образом, с точки зрения этноязыковых составляющих антропонимикон даргинцев состоит из двух пластов: исконно даргинской и заимствованной. Заимствованные личные имена, особенно из тюркских языков, требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Багомедов М.Р. Словарь личных имен. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 169 с.
2. Багомедов М.Р. Функционирование антропонимов в даргинской топонимии // Проблемы региональной ономастики: Материалы V Всероссийской научной конференции. Майкоп, 2006. С. 123-126.
3. Багомедов М.Р. К проблеме создания словарей антропонимов отдельного населенного пункта полиэтнического региона // Проблемы региональной ономастики: Материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р.Ю. Намитоковой. Майкоп, 2016. С. 38-42.
4. Багомедов М.Р., Алиханова Н.М. Гурбукинские антропонимы в этнолингвистическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 74-77.
5. Гасанова С.М. Прозвище как один из источников образования личных имен даргинцев // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 282-285.
6. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. 129 с.
7. Рабаданова С.М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. Махачкала, 2000. 128 с.
8. Темирбулатова С.М. Из даргинской антропонимии // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 91-96.
9. Юсупов Х.А. Современные прозвища в диалектной речи дейбукского говора даргинского языка // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Материалы VI Международной научной конференции, памяти выдающегося кавказоведа, академика А.С. Чикобава (1898-1985). 2018. С. 423-430.
10. Юсупов Х.А. Становление фамилий и отчеств в даргинском языке // Научный диалог. 2018. № 5. С. 120-129.
11. Юсупов Х.А. Даргинско-русский словарь. М.: Издательство «Перо», 2017. 1136 с.
12. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукцы: история и культура. Махачкала: Издательство «Юпитер», 1997. 592 с.

Курилова С.Н.

РУССКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

Доклад посвящен русским именам собственным в юкагирском языке прямого заимствования, которые появились, с одной стороны, как результат приспособления имени одного языка к системе имен другого, с другой – в процессе коммуникации.

С первой половины XVII в. начинаются первые изменения в антропонимической картине коренных народов Якутии в связи с приходом русских и христианизацией населения. Не обошла стороной политика Петра I и юкагирские племена.

В настоящее время в корпусе языка тундровых юкагиров зафиксировано приблизительно 90 антропонимов русского происхождения, заимствованных напрямую.

Вследствие христианизации многие юкагиры стали крещеными и получали имена в соответствии с православным календарем именин, напр.:

(1) *Акулинэу чайлэба чирэмэдиэ уо мэ көндиэнуни, тудэ авурбат мэ ньохобойтэй.* 'В Акулинин день птенец малых птиц появляется, освобождается от своей скорлупы' [1, с. 159]

(2) *Тунг Укульэ йуодицбат аавэлэ мэ чантайраам.* 'Эта Акулина из-за глаз спать не может' [4, с. 18]

По календарным дням, поставленным в соответствии с именем, определялась вся жизнь юкагиров в до- и постреволюционное время до 90-х гг. XX столетия. Юкагиры определяли по именинам смену времен года, изменения в погоде и природе, начало и конец сезонной рыбной ловли, важные события и др. Напр.:

(3) *Тидаальэ Дарьяпэл чаайлэ. Йэрпэйэ пурэн гурчич.* 'День Дарии по старому стилю. Солнце поднялось' [3, с. 204]

(4) *Сэминэп киндьэба эримэ кэриэй, ан – лукул чаахасур эйич.* 'В Семенов день (осенью) снег выпадает, чтобы земля промерзла' [Курилов 2, с. 68]

Среди личных имен функционируют гибридные образования, состоящие из имени русского происхождения и юкагирских уменьшительно-ласкательных (-диэ, -ча(а)н, -чэн), уважительных (-кийэ(э), -кийиэ, -хай, -хэй) и эмотивных аффиксов (-вэдьиэ) (напр., *Маарийэдиэ* 'Мария', *Микалайчаан* 'Миколашка', *Йэудэкиэйэчан* 'Евдокия', *Ильяхай* 'Илья', *Пиэтеркийэ* 'Петр', *Шура-вэдьиэ* 'бедняжка Шура').

Одной из особенностей антропонимов и в ономастике в целом является вариативность как распространенное и закономерное явление, свидетельствующее о развитии языка. Русские заимствованные имена могут различаться фонетически и орфографически, и иметь от двух и более вариантов, напр.: *Апанаа* ~ *Апанаачи(и)* ~ *Апанаачэ* 'Афанасий', *Гаврилэ* ~ *Гаврила* ~ *Гаврильэ* ~ *Гааврилэ* ~ *Гаврил* 'Гаврил(а)', *Эвдикиэйэ* ~ *Йэудикиэйэ* ~ *Йэудэкиэйэ* ~ *Йэвдээ* ~ *Йэудээ* 'Евдокия'. Варианты имеют не только полные имена, но и сокращенные, напр.: *Укульэ(э)* ~ *Укульаа* 'Акуля' от Акулина, *Пэчиэ* ~ *Пиэчэ* 'Петя' от Петр.

В плане адаптации русских имен собственных отмечаются фонетико-графические (*Ордьивуон* 'Радион', *Апуоньэ* 'Афоня') и морфологические особенности (рус. Ганя > юк. *Ганябан* 'через Ганю', рус. Илья > *Ильятэгэ* 'Большой Илья').

Таким образом, русские имена собственные в языке тундровых юкагиров к настоящему времени получили адаптацию в морфологическом, фонетическом и графическом планах.

Литература

1. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
2. Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунги (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – 152 с.
3. Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эньиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / С. Ode (ed.). – Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 270 p.
4. Struchkova A. Various tales for the Yukaghir children. Ньино мизэньиэ дьилпэ ваду дуорпиэнь. Разные рассказы юкагирским детям / С. Ode (ed.). – Fürstenberg / Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2016. – 92 p.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_026

Печетова Н.Ю.

СОСТОЯНИЕ ИМЕННИКА Г. ЯКУТСКА НА ПЕРИОД КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВВ.

Для представления о современном состоянии именника г. Якутска был собран антропонимический материал, охватывающий период конца XX в. – начала XXI в. В результате проведенных подсчетов мы составили списки частотных и редких традиционных календарных мужских и женских имен, а также выявили частотные и редкие якутские именованья.

Самыми популярными мужскими именами стали Александр, Алексей, Андрей, Владимир, Денис, Дмитрий, Евгений, Иван, Максим, Михаил, Николай, Павел, Роман, Сергей. Самые популярные женские имена: Анастасия, Анна, Валерия, Екатерина, Елена, Ксения, Мария, Марина, Наталья, Надежда, Ольга, Светлана, Татьяна, Юлия.

Как видно из вышеприведенных списков, основу именника г. Якутска составляют календарные имена.

К редким были отнесены имена, зафиксированные 1-3 раза. Мужские: Ариан, Богдан, Варфоломей, Владлен, Гавриил, Давид, Диодор, Евстафий, Евфимий, Елизар, Зиновий, Иосиф, Лаврентий, Любомир, Максимилиан, Мариан, Мир, Мирослав, Савва, Савелий, Серафим, Спиридон, Тельман, Устин, Юлиан, Юлий. Женские редкие имена: Алевтина, Ангелина, Анжела, Виолетта, Раиса, Ася, Арина, Карина, Инесса, Инна, Лариса, Лионелла, Злата, Бронислава, Богдана, Зинаида, Мальвина, Руслана, Снежана, Стелла, Юлиана.

Важной особенностью является то, что наметилась тенденция широкого употребления национальных якутских имен. На наш взгляд, это связано с развитием национального самосознания, широким распространением национальной якутской культуры, а также с причинами объективного характера – притоком в города сельского населения, у которого народные традиции сохранились в большей степени, чем у городских жителей.

Приведем список наиболее частотных мужских якутских имен, которые были выявлены за исследуемый период: Айал (Айаал), Айан, Айтал, Айсен (Айсиен), Айуолан, Айхал, Алтан, Аял, Аян, Дьулустан, Джулустан, Мичил (Мичиль), Нургун, Ньургун, Нюргустан, Сарыал, Уйбаан, Уолан, Уялан, Эрхаан, Эрэл. Женские якутские имена: Айылана, Айсена, Ай-Куо, Айталиана, Сардана, Айталиана, Кюнней, Кыдана, Кэрэчэнэ, Мичилина, Нюргустана, Нюргуяна, Нарыйана, Нарыйа, Ойуна, Сандара, Саскылана, Сахая, Саина, Сарглана, Сардана, Туйара, Тапталаана.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в конце XX – начале XXI вв. основу именника г. Якутска составляют традиционные календарные имена, входящие в антропонимическую систему русского языка, при этом наблюдается процесс активного вхождения якутских национальных имен.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_027

Николаев Е.Р.

САХА АНАЛ ААТТАРЫГАР -*һыт* СЫҢЫАРЫ СУОЛТАТА

Саха анал ааттара үөскүүр сыһыарыылара балачча элбэх. Билиннитэ, сурукка киирбит анал ааттары ырытыы түмүгүнэн, барыллаан аабынан, 80-тан тахса үөскэтэр сыһыарыы көрүнгэ бэлиэтэнэн турар [3: 8]. Олортон саха төрүт дыарыгын арыян көрдөрөр -*һыт* (-*һит*, -*һүт*, -*сыт*, -*чыт*, -*чут*, -*һыт*, -*дьыт*) сыһыарыы ураты болжомтону тардыан сөп.

Бу сыһыарыы, холобурга, маннык былыргы анал ааттарга бэлиэтэммит: *Айанньыт Билээбин* – *айан* ‘путь; путник’; *Булчут Бөтөгүн* – *булт* ‘охота; охотник’, *Маньыһыт Чапчаалап* – *манаа* ‘охранять; охранник; дозор’; *Хайахсыт Нялбахин* – *хайах* ‘человек, который занимается приготовлением хаяка (молочный продукт), мастер-изготовитель хаяка’; *Көмөрөһүт Тахаянов* – *көмөр* ‘уголь; угольщик’; *Эрдэһит* – *эрдэ* ‘рано; встающий рано’; *Бэсчит* ‘занимающийся заготовкой заболони’ уо.д.а.

Саха тылын -*һыт* сыһыарыыта былыргы түүр кэминээҕи идэни бэлиэтиир, быһыарар -*чы* сыһыарыыга сөп түбэхэр. Бу сыһыарыы көмөтүнэн киһи сүрүн дыарыгын эбэтэр идэтин, эбэтэр туохха сыһыаннаабын, дьоһурдаабын бэлиэтииллэр [2, с. 111] уонна анал ааттарга эмиэ киэнник тарҕаммыт. Холобур, былыргы түүр тылыгар: *Јагичи* ‘талабырдьыт’, *Балтачы* ‘масчыт’ [1, с. 110]; тыва тылыгар -*чы*, -*ча*, -*жы*: *Алдынчы* ‘рабочий золотых приисков’, *Чылгычы* ‘сылгыһыт’, *Анчы* ‘булчут’, *Адыгжы* ‘ытааччы; хакас тылыгар *Көбөрчү Тайчы* ‘көмөрдүт-принц’, *Мырча* ‘ырыаһыт’, монгуол тылыгар *Номчы* – ‘кинигэһит, үөрэхтээх’; алтай тылыгар *Адучи* ‘сылгыһыт’, *Малчы* ‘бараан көрөөччү’, *Аргачы* ‘урбаанныт’; башкир тылыгар -*сы*, -*се*: *Ырымсы* ‘отоһут’, *Көмөшсө* ‘көмүсчүт; үрүн көмүс ууһа’; татаар тылыгар -*чы*, -*че*: *Балыкчы* ‘балыксыт’, *Уракчы* ‘бурдук быһааччы’; кыргыз

тылыгар *Карачы* ‘сир хорутааччы’, *Өлөңгү* ‘от хомуйааччы’ уо.д.а. [3, с. 47-48].

Көстөрүн курдук, анал ааттарга сыстар **-һым** сыһыарыы саха омук туох-ханнык төрүт дьарыктаабын туоһулуур: бултуур-алтыыр, сылгы иитэр, тимири уһаарар. Саха аас-туор олохун кэрдиинин эмиэ арыйар – *Бэсчит* – бэс сутукатын анаан-минээн сулуйааччы. Төрүт аска эмиэ идэлээхтэр бааллар эбит – *Хайахсыт*, ол аата хайабы мээһэ киһи астаабат, идэтийбит киһи киһиэхэ эрэ эрэнэллэр эбит. Эбэтэр баай ыалга хайахсыт быһыытынан сылдыбыт киһини итинник ааттыахтарын эмиэ сөп.

Киһи майгытын-сигилитин, тас көрүнүн уратытын **-һым** сыһыарыы эмиэ аат быһыытынан үйэтитэр уратылаах: *Эрдэһим*, *Маадыакаһым* ‘передвигающий кривые ноги’. Социальной аранан арахсыыны туоһулуур анал ааттар кытта бааллар: *Умнаһым Тебири*н ‘просящий милостыню’.

Билинни саха тылыгар **-һым** сыһыарыылаах анал ааттар хос аат, уусуран айымньы персонаһын аатын эбэтэр псевдоним эрэ быһыытынан хаалан сылдыаллар: *Ырыаһым Дьарааһын*, *Балыксыт Былатыан*, *Айанныһым* уо.д.а.

-һым сыһыарыылаах былыргы саха анал ааттара сурукка-бичиккэ киирбиттэрин эридьиэстээн, ырытан, төрүт дьарыкпытын сиһилии быһаарарга, устуоруйаҕа, этнографияҕа эбии матырыйаал быһыытынан туһаныхха сөп.

Литература

1. Алиев Г.Р. Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского и башкирского): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06. – Баку, 1989. – 379 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т языка, литературы и истории; д. филол. н. Е.И. Коркина, проф. Е.И. Убрятова (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1982. – 490 с.
3. Николаев Е.Р. Якутские личные имена: лингвокультурологический аспект: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.02. – Я., 2018. – 267 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_028

Васильева А.А.

КАТЕГОРИЯ «ФЛОРА И ФАУНА» В СЕМАНТИКЕ ЯКУТСКОЙ ДОХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

(на материале именника Ф.Г. Сафронова)

Антропонимика тюркоязычных народов Сибири до настоящего времени остается одной из малоизученных отраслей ономастики, в связи с чем особый интерес для нас представляют ономотологические исследования в национальных республиках Российской Федерации. На фоне исторического двуязычия результаты таких научных изысканий обладают большой историко-этнографо-лингвистической ценностью. Так как современный якутский язык является в некотором роде синтезом тюрко-монгольских отношений, то особо важными для нас являются антропонимические данные именно монголо- и тюркоязычных республик России.

Материалом для данного исследования послужил именник якутских личных имен дохристианского периода, составленный ученым-историком Ф.Г. Сафроновым, и включенный в его книгу «Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири» (1985). В данном списке имен, который Федот Григорьевич собрал работая в архивах Республики, Москвы и Ленинграда, около 5000 единиц, однако автор с помощью своих коллег-лингвистов смог ретранскрибировать записанные русскими писцами 3337 личных имен. Из этого количества автору данной статьи удалось выявить значение 1208 антропооснов.

При изучении семантики антропонимов из данного списка одной из представляющих наибольших интерес групп оказалась группа «флора и фауна», отражающая названия представителей животного и растительного, имевших какое-либо влияние и значение для народа саха в указанный период.

Всего выявлено 99 единиц апеллиатива с подобным семантическим значением, что составляет 8,1% от общего числа антропонимов. Категория «**фауна**» является преобладающей – 88 личных имен, что составляет 88,8%. Подгруппы данной категории следующие:

Птицы (20 единиц – 17,76%): Ангырчаан от «ангыр» - выпь; Далбарай от «далбарай» - птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка; Көбөн от «көбөн» – криква; Күөрэгэй от «күөрэгэй» жаворонок; Бараах от «барах» – птица кулик, петушок; Мэкчиргэ от «мэкчиргэ» – сова; Мохсоҕол от «мохсоҕол» – сокол-сапсан; Ураанай от «ураанай» – черная лысуха; Үгүрүө от «үгүрүө» – бекас; Судьун от «судьу» – лубок малый (утка); Тураах от «тураах» – ворона; Туллук от «туллук» – пуночка, снегирь; Тыйаах от «тыйаах» – свиязь (вид дикой

утки); Хараначчы «хараначчы» – ласточка; Хардаччы от «хардаччы» – ястреб; Хаххан от «хаххан» – филин; Хотой от «хотой» – орел; Чөркөй от «чөркөй» – утка-чирок; Чуускун от «чуускун» – вид кулика; Чыычаах от «чыычаах» – птичка.

Обитатели рек и водоемов (19 единиц – 21,5%): Алыһар от «алыһар» – окунь озерный; Алчах от «алчах» – лягушка (диалект); Алчабай от «алчах» – лягушка (диалект); Кыһыыдай от «кыһыыдай» – плотва, красноперка (рыба); Борохой от «борохой» 1. Борохой - маленькая щука (Пек.). 2. Подросший щуренок, молодая щука; Быччыкыйаан от «быччыкы»- мелкий карась; Бырык от «бырыкы» – карасенок; Бочохой/Бочоох от «бочоох» – небольшой карась, карасик; Борох от «борохой» – подросший щуренок, молодая щука; Баҕачаан/Баҕалдай от «баҕа» – лягушка; Балыкай от «балык» – рыба; Мундукаан от «мунду» – гольян; Собо/Соболоох от «собо» – карась; Лыыба от «лыыба» – озерный гольян осеннего улова, которым запасаются впрок, заквашивая его в специальных коробах; Тэрэк от «тэрэкэнэ» – мелкий карась; Чөлбөй от «чөлбөнө» – муксун.

Домашние животные (13 единиц – 14,77%): Көлгө от «көлгө» – упряжный рабочий скот (конь или бык); Ыт / Ыттака / Ыттыа / Ыт Кыһа от «ыт» – собака; Буҕан от «буҕа» 1. бык-производитель, буҕа 2. могучий, сильный, крепкий; Байтах от «байтаһын» 1. откормленный, нагулявший жир за лето, скот. 2. нагулявший жир, откормленный; Аттай от «ат» – лошадь; Обус от «обус» – бык; Сылгы от «сылгы» – общее название лошадей, кобыл, жеребцов; Торбос от «торбос» – теленок; Тэбиэннэх от «тэбиэн» – верблюд; Ыргыннай от «ыргах» – кобель (собака).

Насекомые (11 единиц, 9,68%): Куйук от куйукта: личинка насекомого (обычно овода) под кожей животного; Быт / Бытты / Бытта от «быт» – вошь; Аһына / Аһынай / от «аһына» – саранча, кузнечик; Бырдах от «бырдах» – комар; Ообуй от «ообуй» - паук; Тигэн/Тигиилээх от «тигии» – оса; Чоху от «чоху» – жук-водоплав.

Мелкие млекопитающие (7 единиц – 7,95%): Күүдээх от «күүдээх» – землеройка; Кутуйах от «кутуйах» – мышь; Кучаанай от «кучан» – название какого-либо мелкого зверька, делающего в дупле деревьев запасы на зиму; Күтэр от «күтэр» – водяная крыса; Моҕотой от «моҕотой» – бурундук; Муруку от «муруку» – бурундук; Ньоолоохоон от «ньоолох» – зайчонок, малорослый заяц.

Дикие парнокопытные (5 единиц – 5,6%): Анамы от «анамы» – большой, крупный олень или лось; Өлкө от «өлкө» - лось побежденный;

Лөкөй от «лөкөй» – матерый самец лося; Тороко от «тороху» – кабан; Чыбыкы от «чубуку» – дикая овца, дикий баран.

Хишники (4 единицы – 4,54%): Бөрө от «бөрө» – волк; Наргычах от «наргыча» – медвеженок; Саһыл от «саһыл» – лиса; Хахый от «хахай» – лев.

К данной категории мы также отнесли группу «часть тела животного» (9 единиц – 10,22%): Кынат от «кынат» – крыло, крылья; Бөртөй от «бөртө» – черная полоска на передних лапах до колен и выше у отдельных экземпляров таежных волков; Муос от «муос» – рог; Орбой от «орбон» – внешний половой орган у самки крупного рогатого скота; Сиэллээх от «сиэл» – конская грива; Тахтай от «тахтай» – медвежья лапа; Тойтох от «тойтохо» – хвост жеребенка; Тагуллаах от «тугул» – внутренняя часть ногтя, копыта или рога скота, животного; Харта от «харта» – толстая кишка (у лошади).

В категории «**флора**» лишь 11 единиц, они представлены следующими подгруппами:

Часть растения (6 единиц – 54,5%): Мутук от «мутук» – сук, сучок; Үнүгэстиир от «үнүгэс» – зачаток цветка, листка, почка; Силиргэх от «силиргэх» – подземный стебель травянистых растений, корневище; Сымала от «сымала» – смола; Туораах от «туораах» – плод, семя хлебных злаков, некоторых других растений; Хатырык от «хатырык» – кора.

Ягоды (1 единица): Дьэдьэн от «дьэдьэн» – земляника.

Лечебные (1 единица): Кучукта от «кучукта» – название растения, которое раньше привозили с реки Уды и лечили с его помощью разные болезни.

Хвойные (1 единица): Мутукча от «мутукча» – хвоя лиственницы, ветка лиственницы.

В результате мы видим, что в социально-бытовой жизни якутов конца 18-начала 19 века особенное значение имели такие представители животного мира, как птицы и обитатели рек и водоемов, видимо, в связи с тем, что именно эти виды были основным источником белковой пищи. В группе домашних животных преобладают такие животные, как лошадь и бык и их вариации, как основные помощники человека в хозяйстве. Имя со значением «собака» встречается целых 4 раза чаще, чем остальные. Но оно, скорее всего, несло отрицательную коннотацию, так как если судить по имеющимся фразеологическим единицам с компонентом *ыт* 'собака' в якутском языке, оно имело негативную окраску, если употреблялось по отношению к людям. Например: «Ыкка да холуйбат» – совсем не считаться с кем-либо, букв. даже к собаке не приравнивает; «Ыккын ыарбаҕа

баай» - не жадничай, букв. собаку свою привязывай к тальнику и др. Наречение ребенка подобным именем, как известно, было обусловлено желанием оградить его от влияния злых сил, попыткой обмануть или напугать их.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_029

Ягафарова Г.Н.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ*

В башкирском паремийном фонде имеется очень большое количество пословиц и поговорок. В своей основе они базируются на древнетюркский лексический фонд, неотъемлемой частью которого являются паремии. Тем не менее, состав паремий тюркских народов не является абсолютно идентичным друг другу: специфика культуры каждого этноса обуславливает выборку и применение как самих пословиц, так и лексического материала в них. В нашем сообщении мы хотим остановиться на тех башкирских пословицах и поговорках, которые содержат в своем составе имена собственные (фразеологизмы с компонентами-антропонимами или приметы мы не рассматривали).

По нашим подсчетам, из всего свода башкирских пословиц и поговорок в 13 000 единиц, зафиксированных в “Словаре башкирских народных пословиц и поговорок” [2], только 32 имеют в своем составе имена собственные. Здесь отмечаются мужские имена, топонимы, этнонимы, имена коранических образов, мифонимы. Распределяются они следующим образом.

1) гидронимы: *Агизел* (встречается в 5 пословицах), *Изел* (в словаре башкирских пословиц и поговорок данный гидроним указан в 27 пословицах. Однако лишь в одной пословице имеется в виду собственно река Идель, в остальных случаях это апеллятив *изел* ‘большая река’, который составителем ошибочно указан как потамоним), *Ашказар*, *Нөгөш*, *Ййык* (каждое в одной пословице). Гидронимы локализуют место обитания народа.

2) оронимы: *Ирәмәл*, *Ирәндек*, *Йөрәктау*, *Таганай* (каждый в одной пословице). Как и гидронимы, оронимы помогают определить место

* Статья подготовлена в рамках ПННИ АН РБ «Культурные и социально-политические аспекты модернизации общества в Республике Башкортостан»

обитания народа-творца. При этом часто в оной и той же пословице используется несколько топонимов, например: *Изел-Яйыктың ағалы, Агизел-илдең яғалы* 'Идель – брат Яика, Агидель – ворот страны'.

3) ойконимы: *Бохар* / *Бохара* (в 5 пословицах), *Ырымбур*, *Каргалы* (в одной пословице). В этих пословицах ойконим Бухара привнесен как символ чего-то дальнего, расположенного очень далеко, что соответствует системе башкирского имянаречения (см. об этом подробнее: [3]). По нашим наблюдениям, часто башкиры обозначали далекое / дальнее через заимствованные слова, в данном случае, через название далеко расположенного населенного пункта. Оренбург и Каргалы, упоминаемые в одной и той же пословице, выступают как антиподы: если Оренбург для башкир был известен прежде всего как место торговли, то село Каргалы славилось своими медресе. Поэтому поговорка *Ырымбурза арба күп, Каргалыла мулла күп* 'В Оренбурге много телег, в Каргалы – мулл' через знакомые константы подчеркивает богатство той или иной местности чем-то, поэтому и вводится в текст прецедентное имя.

4) теонимы: *Алла* (в 26), *Тәңре* (в 14), *Хоза* / *Хозай* (в 12-14). Следует признать, что *Алла* 'Бог' применяется исключительно в пословицах атеистического толка, содержание которых в основном соответствует русской пословице «На Бога надейся, сам не плошай». *Тэнгри* – центральное божество древнетюркского пантеона, в башкирских паремиях таким и предстает – объектом поклонения, единственным и неповторимым. В паремиях со словом *Хозай* ощущается почтительное, богобоязненное отношение к Господу. Исходя из этого, можно заключить, что пословицы, в которых имеется слово *Тәңре*, являются наиболее древними; пословицы со словом *Хозай* можно отождествлять с феодальным миром, в них отчетливо прослеживаются нотки недовольства социальным неравенством; между тем как изречения со словом *Алла* – достояние или приобретение нового советского атеистического времени. В соответствии с этим в пословицах *Алла* чаще всего составляет антипод слову *мулла*, *Хозай* – слову *бай*, а слову *Тәңре* в пословицах противопоставлений не находится, Тэнгри предстает как единственная сущность.

5) мифонимы: *Алпамыша* (в 2-х пословицах). Герой одноименного эпоса, батыр могучего телосложения Алпамыша стал в народе олицетворением силы и могущества, поэтому и его имя выступает как прецедентное имя.

6) названия мест: *Каруанһарай* (в одной). Караван-сарай – постоянный двор для торговых караванов, будучи ориентиром для усталых путников, привнесено в пословицу и закрепляет за собой определенное место.

7) мужские антропонимы: *Танһык, Майкы, Сәйфи, Айтуған, Ишмөхәмәт, Колой, Әҙһәм, Эткол, Моратиша, Вәли, Ғәли* (каждое в одной пословице). Здесь бросается в глаза несколько моментов. Во-первых, появление имен собственных в пословицах и поговорках исследователь башкирских паремий Ф.А. Надршина связывает с различными происшествиями, определенными событиями, которые произошли с какими-либо людьми, но впоследствии были забыты; изречение же продолжает бытовать в народе. К таковым относятся, например, следующие: *Этколдоң башы оло, Моратишаның йәше оло, Сәйең булһа, Сәйфи ағай за Сәйфи ағай, сәйем булмаһа, кәкере лә бөкөрө, Ишәй ише менән, Ишмөхәмәт бисәһе менән* [1, с. 29]. В комментариях к пословицам можно найти пояснения, доказывающие правоту данного утверждения. Так, в комментариях к поговорке “*Колойҙан куркып, Әҙһәм сукынған*” ‘Испугавшись Кулуя, Адгәм крестился’ указывается, что поговорка встречается только в определенной местности, была записана в совхозе Байрамгул Учалинского района (как известно, Кулуй-кантон – историческая личность, начальник 5-го кантона Челябинского уезда). Во-вторых, на наш взгляд, данное утверждение относится в первую очередь к пословицам, которые содержат антропонимы, причем исключительно мужские личные имена: в башкирских паремиях женских имен не отмечено вовсе, что можно расценивать как еще одно свидетельство патриархальности башкирского общества. В-третьих, в подобных паремиях мужские имена часто используются в паре: *Колой, Әҙһәм, Эткол, Моратиша, Вәли, Ғәли*. В-четвертых, в такого рода пословицах увековечиваются определенные качества деятелей, выдающихся или известных личностей, например, в пословице *Тәп атаһы – Майкыбей* ‘Кровный отец его – Майкы-бей’ подчеркивается хвастливость и высокомерие Майкы-бей, одного из эмиров Чингисхана.

8) этнонимы: *Катай, Бөрйән, Сәнкем*. Через названия башкирских родов выражались основные качества представителей того или иного рода. К примеру, катаяцы славились своим ораторским искусством, бурзянцы слыли воинственным племенем.

Таким образом, в башкирских пословицах наибольшей частотностью обладают теонимы и топонимы. Из антропонимов исключительное право на употребление приобрели мужские личные имена, не берутся во внимание женские имена. В целом, использование собственных имен в

составе пословиц и поговорок направлено на обеспечение меткости, лаконичности афоризма через установление ассоциативных связей с прецедентным именем. В семантическом плане собственные имена помогают охарактеризовать определенную личность, народ, событие, местность, т.е. призваны идентифицировать что-либо по наиболее выпуклым свойствам, заключенным в характеризующем имени собственном, которое без труда узнается носителями языка.

Литература

1. Надршина Ф.А. Башкирские народные пословицы и поговорки // Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. С. 3-30. (на башк.яз.).
2. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок= Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлегә: А-Я / М. Х. Ахтямов. Уфа: Китап, 2008. 771 с. (на башк.яз.).
3. Ягафарова Г.Н. Роль арабских и персидских слов в формировании стиля сказок // Проблемы сохранения башкирского фольклора: Труды респ.науч.-практ. конференции / Отв.ред. Д.С. Тикеев. Уфа: Гилем, 2007. С. 105-108 (на башк.яз.).

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_030

Данилова А.Н.

ФОРМУЛА ИМЕН ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ОЛОНХО «ТӨБӨТ МЭНИК БУХАТЫЫР»

(«Богатырь Шалун Тёбёт»)

В эпическом произведении ономастическая лексика является неотъемлемым элементом стиля, т.к. выбор или создание имени всегда не случайны, обусловлены творческим замыслом сказителя. Эпический оним представляет собой поэтический сгусток, нагруженный информацией, которая ориентирует слушателя в таком сложном тексте как эпос. В последние годы проблема исследования ономастической лексики героических эпосов вызывает интерес представителей разных областей науки. В текстах олонхо именно полное собственное имя раскрывает образ эпического персонажа со всех сторон: его внешний вид, характер, среду обитания и отношение других персонажей к нему.

Прежде чем перейти к разговору об именных формулах, считаем необходимым кратко охарактеризовать текст олонхо, который послужил

источником работы. Олонхо было записано А.А. Саввиным во время виллойской экспедиции в 1938 г. от известного олонхосута Виллойского района Тогусского наслега Степана Ивановича Еремеева-Дэдэгэс. Во время записи олонхо олонхосуту было 74 года. В его репертуаре, по записям А.А. Саввина, насчитывается всего 26 разных текстов олонхо. Рукопись олонхо «Төбөт Мэник бухатыыр» хранится в Архиве рукописного фонда ИГиИПМНС СО РАН на серой бумаге формата А3. Олонхо объемом 4575 строк было издано в 2017 году специально к республиканскому сысаху олонхо в Виллойском улусе.

Основной темой олонхо является защита племени айыы от нашествия абаасы. По классификации Н.В. Емельянова, олонхо "Төбөт Мэник бухатыыр" входит в тип олонхо о родоначальниках племени ураанхай саха и представлен сюжетом №36 [Емельянов, с. 148]. Олонхо с таким же названием главного героя не встречается.

Олонхо «Төбөт Мэник бухатыыр» повествует о героических подвигах богатыря по имени Төбөт Мэник. Олонхо начинается с того, что в Среднем мире живет бездетная семья, и они выпрашивают душу ребенка у верховных божеств. В текстах олонхо Виллойского региона мотив чудесного рождения у престарелых родителей занимает определенное место в сюжете, и носит архаические черты, где определенную роль играют действия верховных божеств. Божественное происхождение героя и его племени связано с их особой ролью зачинателей рода человеческого [19].

Структура именной формулы главного героя данного олонхо выглядит следующим образом: *Тиити төргүү мутугунан Төбө тураҕас аттаах, Төбөтүнэн харахтаах Төбөт Мэник уол киһи* [41] 'Высотой до больших нижних ветвей лиственницы На гнедом коне С глазами на макушке Шаловливый парень Озорник'.

Как видно, полное имя героя состоит из двух определительных рядов, указывающих индивидуальные показатели и социальный статус. В структуре формулы имени определительный ряд, выражающий индивидуальные качества персонажей, выступает элементом, где в личности эпического героя наиболее отчетливо обнаруживаются его внутренние и внешние данные. В описании индивидуальных качеств богатыря проявилось наличие ездового коня. Этот признак относится, в основном, к именам богатырей. В раскрытии индивидуальных качеств персонажа средство передвижения в пространстве занимает значительное место. В олонхо эпические персонажи обладают разными средствами передвижения. Так, богатырь владеет гнедым конем ростом, достигающим до больших нижних ветвей лиственницы, примерно 2-2,5 метра. Между ездовым

животным и его всадником существует неразрывная связь: каков нрав коня, таков и хозяин. Использование словосочетаний "*төбөтүнэн харах-таах*" встречается только один раз, когда небесный богатырь называет предназначенное высшими божествами будущему герою имя. Значение данного словосочетания соответствует фразеологизму "оройунан көрбүт" (бурно шумно шалить, носиться сломя голову) [62]. Собственное имя состоит из двух компонентов. Постоянный эпитет имени «*Төбөт*» (озорной, проказливый [523]) в сочетании с собственным именем «*Мэник*» (шаловливый, озорной [407]) создает образ строптивого, несдержанного в своих действиях, с хулиганскими повадками человека. Собственное имя полностью соответствует образу главного героя данного олонхо. Главный герой существенно отличается от традиционных эпических богатырей айыы тем, что не имеет богатырских доспехов, снаряжений. В олонхо он изображен как искусный плотник, обладающий всеми качествами кузнеца. В тексте олонхо полное имя героя встречается 10 раз: при имянаречении, при обращении, при самопредставлении, в диалоге эпических персонажей. А неполное имя – 6 раз. При этом, неполное имя героя в повествовании встречается только 16 раз. В большинстве случаев используется словосочетание "*биһиги киһибит*" – наш человек, "*айыы бухатыра*" – богатырь айыы, "*бухатыр киһи*" – богатырь человек.

Таким образом, имя главного героя олонхо "Төбөт Мэник" образована из нескольких определительных рядов, указывающих на индивидуальные качества, социальную принадлежность персонажа. Формульное наименование главного героя олонхо "Төбөт Мэник" является основным художественным и стилистическим средством создания эпического образа.

Литература

1. Данилова, А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 166 с.
2. Данилова А.Н. Чудесное рождение богатырки как архаический мотив в якутских олонхо о женщинах-богатырках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (65). Часть 3. Тамбов, с. 30-34.
3. Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдьыта (Фразеологический словарь якутского языка). – Якутск: Кн. изд-во, 1974.-128 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. X: (Буквы Т: т - төһүүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.

6. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва, 1980. – 375 с.

7. Еремеев С.И.-Дэдэгэс «Тебет Мэник бухатыыр». Олонхо. Якутск: Бичик, 170 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_031

Санникова И.И.

РОЛЬ АНТРОПОНИМОВ В ЯКУТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Большую роль в якутских народных песнях играют антропонимы. Повторение в них личных имен, порой неоднократное, выполняет функцию своеобразного художественного приема.

С целью выявления роли антропонимов в фольклорных текстах нами был проанализирован сборник «Якутские народные песни» (составители: Г.У. Эргис, Н.М. Алексеев, Н.В. Емельянов, С.П. Ойунская). Больше всего антропонимов мы нашли во второй части сборника под названием «Песни о труде и быте», а именно, в состоящем из 18 текстов цикле песен о любви.

Использование ласкательных форм имен в сочетании с эмоционально-окрашенными словами призвано показать чувства к тем или иным женщинам или мужчинам. В комментариях к песням написано: «Значительная часть из них относится к т.н. «туойсуу» – воспеванию возлюбленного (возлюбленной)» [1, с. 402].

Например, в песне «Подружка Федорушка» («Бөдүөрэлиир доҕорум»), представляющей образец любовной лирики северных якутов и записанной в Аллаиховском районе, лирический герой восклицает «...Бөдүөрэлиир доҕорум! Буларын эрэ булуом» («...Федорушка, подружка моя! Все равно я найду тебя!»).

В песне «Прощание», записанной в Чурапчинском районе, песня мужчины посвящена «милой подруге, прекрасной Аришке» («Үтүө доҕорум, үчүгэй Өрүүскэ»).

В песне «Сизр аппынан» («На сером коне»), записанной в Мегино-Кангаласском районе, лирический герой мечтает поехать к своей любимой Харитине (Харытыай). Здесь же упоминается имя Семенчик («Сэмэнчигим алааһынан» – «по аласу Сэмэнчика»).

Использование личных имен может иметь также сатирический характер, указывая на недостатки конкретного человека. Например, в

песне «Хатабылла суруксут», записанной в Сунтарском районе, упоминается имя писаря Хатабылла.

Сатирическая песенка «Иван Глухой» рассказывает о сыне улусного головы, развратнике и моте: «Василия, улусного головы, любимое дитя – Иван Глухой» («Баһылайдыр кулуба баттаамалаах оџото... Хулухуойдуур Уйбаан»).

В шуточной песне «Писарь Максимка» («Махсыахалыыр суруксут»), записанной в Таттинском районе, есть такие строки: «Сүөкүлэ сүлбүт, Кыыча кыһахтаабыт, Настаачыйа нарылаабыт, Даарыйа таккылаабыт, Сүдүөччүйэ сүллүгэстээбит, Маарыйа бастаабыт, Нугуйку туппахтаабыт, Алаппыйа астаабыт, Ыстапаанныйа ыһаарбыт, Быакайаан быспыт, Дьиэкэйээн тикпит, Омуйуктуур онорбут, Саахырыма Татыяана саахыматтаабыт» («Фекла шкуру сняла, освежевала, Кыыча стали чистить, скоблить, Настасья стала мять-выделывать, Дарья стала на мялке мять, Федосья дубинкой бить-колотить, Марья шкуру из головы стала мять, Нугуйук на руках мять-теребить, Агафья стала мять-обрабатывать, Степанида стала дубить-обкуривать, Быакайаан (тонкостанная), Дьиэкэйээн сшила, Омунуктуур (Расторопная) смастерила, Саахарыма Татьяна узором расшила»).

Иногда перечисление имен возлюбленных указывает на легкомысленный, ветреный характер лирического героя или героини, имеющих много любовниц или любовников.

Много имен упоминается в песне «Сассын, сассын сассыарда», записанной со слов С. Зверева. В ней героиня песни рассказывает, как встретится на следующий день со своими возлюбленными: «Сассын, сассын сассыарда Киргизэлэйбин билсизхпин Кэтэриинэ билиэбэ, Өлөксөйбүн көрсүөхпүн Өлөөнөтө өлөрүөбэ Дьөгүөрэппин көрүөхпин Өкүлүүһэ күнүүлүө» («Завтра, завтра утречком наведаться к Григорию- узнает Катерина, повстречаться с Алексеем – dokonает меня Алена, повидаться с Егоровым – приревнует Акулина»). Еще в песне упоминается имя милого друга Григория Сыйыкова (Сынгырыаков) – «Сыйыкаптыыр Киргизэлэй, Сынгырыакап баллааскы».

Песня «Марыынка» (Маринка), записанная в Орджоникидзевском районе, повествует о милой Марине («Марыыналыыр барахсан») и ее ухажерах: князе Александре («Өлөксөөн кинээһи»), старшине Таарылла («Таарылла чаччыына»), голове Винокурове («Мөнөкүүр кулуба»).

Шуточная песня «Тур, Дьаакып, туугун көр» («Встань, Яков, осмотри свои верши») рассказывает о возлюбленных Якова: «Матайаана Маапалыын..., уураp атаx Боккуойалыын, ...таба хара Даарыйалыын,

...Чөмчөрүйэ Лөкүөрүйэлиин» («толстая Марфа-Матаяна, быстроногая Прасковья, смуглолицая Дарьюшка, щеголиха Лукерья»).

Иногда перечисление имен имеет обличительный характер. Так, например, в песне «Тутум суһуох, чоорук сото Чукчулаана Өлөксөөһө» («Волосы с кулак, ноги с чечеткины Алексаша Чукчулаана») повествуется о судьбе бедной женщины, которая рассказывает о себе и о своих обидчиках: «Дорбоох Охонооһой аҕалаахпын, Чочолоох Миитэрэй эрдээхпин... Добдур Өлөксөй дьукаахтаахпын... Тулатыгар Лоскуй Арамаана, Дьоскуоскай Силибэ, Дорообо Баһылайа чугас ыаллаахпын... Уустайа Дьөгүөр оҕонньорум... Бастыган Быһылай дьаабал... Көнөөк Дьөгүөр... Хотойор Бүөтөр оҕото Кубаҕай Хабырыыс оҕо... Ханынай Өлөксөй ампаарыгар Хатырык Хабырыыс баҕады... Бойбоокптуур Дьөгүөрүм» («Отцом у меня - Афанасий Дорбоох, мужем – Дмитрий Чочолоох... квартирантом Алексей Добдур... Роман Лоскут, Филипп Дьячковский, Василий Дорообо – ближайшие соседи мои... старик Егор Уустаая... Василий Бастыган-дьявол... старик Егор Кёнёк... парень Гаврила Кубагай, сын Петра Хотойор... негодяй Хатырык Гаврил, в амбаре Алексея Хынгынай... Егорий Бойбоков»).

Таким образом, анализ этих песен позволил сделать следующие выводы:

1. В 10 песнях из 18 присутствуют антропонимы. Всего в песнях упоминается 20 женских имен, 17 мужских имен, 5 мужских фамилий.

2. Среди женских имен есть и якутские (Кыыча, Нугуйку), но преобладают заимствованные имена, переделанные на якутский манер (Алааппыйа (Агафья), Өкүлүүнэ (Акулина), Өлөөнө (Алена), Өрүүскэ (Аришка), Даарыйа (Дарья), Кэтэриинэ (Катерина), Лөкүөрүйэ (Лукерья), Маарыйа (Марья), Марыына (Марина), Мааппа (Марфа), Настаачыйа (Настасья), Боккуойа (Прасковья), Ыстапаанныйа (Степанида), Татыйаана (Татьяна), Бөдүөрэ (Федора), Сүдүөччүйэ (Феодосья), Сүөкүлэ (Фекла), Харитина (Харытыай). Примечательно, что нет упоминаний женских фамилий. Женские имена могут использоваться как по отдельности, так и в сочетании с прозвищами (Матайаана Мааппа, Чөмчөрүйэ Лөкүөрүйэ), так и с эпитетами (Үчүгэй Өрүүскэ, Марыыналыыр барахсан, Бөдүөрэлиир доҕорум).

3. Среди мужских имен также есть и якутские (Таарылла, Хатабылла) и заимствованные имена (Өлөксөөһө (Алексаша), Өлөксөй (Алексей), Охонооһой (Афанасий), Баһылай (Василий), Хабырыыс (Гаврила), Миитэрэй (Дмитрий), Киргизлэй (Григорий) Дьөгүөр (Егор), Уйбаан (Иван), Махсыаха (Максимка), Бүөтүр (Петр), Арамаана (Роман),

Сэмэнчик (Семенчик), Силибэ (Филипп), Дьаакып (Яков). Мужские имена упоминаются в сочетании с фамилиями: Сыйыкаптыыр Киргизлэй (Григорий Сыйыков), Дьоскуоскай Силибэ (Филипп Дьячковский), Бойбоокоптуур Дьөгүөр (Егорий Бойбоков), с названиями должностей: (Өлөксөй кинээс (князец Алексей), Таарылла чаччыына (старшина Таарылла), Махсыахалыыр суруксут (писарь Максимка) и т.д.), а чаще всего – с прозвищами: Хатырык Хабырыыс (Хатырык Гаврил), Лоскуй Арамаана (Роман Лоскут), Хотойор Бүөтүр (Петр Хотойор) и т.д.

Литература

Саха народнай ырыалара (Якутские народные песни. Часть II).- Якутск: Якутское кн. изд-во, 1977. -424 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_032

Уарова М.Н.

МОДЕЛИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРИАДНЫ БОРИСОВОЙ «ЗЕМЛЯ УДАГАНОК»

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий антропонимы, т.е., имена собственные. Как известно, «имя собственное (или набор имён, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак» [2, с. 38]. Имя человека это не просто его опознавательный знак, а, по мнению предков, его характеристика, и даже его судьба. Поэтому собственные имена для якутского народа имеют большую значимость. Новорожденным детям исстари тщательно выбирают имена, чтобы они, то есть новое поколение, выросло по обычаям и традициям якутского народа. До сих пор у нашего народа сохраняется традиция давать людям прозвища, четко характеризующие особенность человека. Поэтому моделирование имен собственных в художественном произведении представляет для нас большой интерес как воплощение народных традиций именаречения автором художественного произведения. Мы рассматриваем произведение в стиле фэнтези, написанное на материале якутского фольклора и этнографии. Поэтому считаем, что автор часто использует приемы перевода антропонимов.

Роман-олонхо русскоязычной якутской писательницы Ариадны Борисовой «Земля удаганок» состоит из 4-х частей: «Люди с солнечными поводьями», «У звезд холодные пальцы», «Перекрестье земных путей», «Небесный огонь». Для своего исследования мы взяли первую часть «Люди с солнечными поводьями». Книги Ариадны Борисовой вызывают большой интерес у читателей за пределами республики, они отмечены многими наградами книгоиздателей. Сама автор в интервью рассказывает про свою книгу так: «Я сделала попытку вмонтировать в условные рамки романа-олонхо поэтику эпоса, некоторые легенды, сказки, суеверия, детали подлинной этнографии и фольклора, национальные традиции и обряды, немного видоизменила их, но не отошла от основной эпической темы - борьбы добра со злом в трёх мирах» [3].

В произведении немного видоизменены, кроме того, еще и якутские имена собственные. Все 98 собственных имен, которые встречаются в произведении, мы распределили по следующим группам: 1) собственное имя человека, отражающее его профессию – 8 (Отосут (травник), Тимир (кузнец), Эмчита (знахарка) и др., описывающие внешние качества: Кубагай, Эдэринка), 2) имя мифологического персонажа – 15 (Илбис - бог войны, Элбиса - богиня сражения и др.), 3) кличка животного – 6 (Десегей (конь), Мичил - Радость (щенок) и др.), 4) названия местностей – 15 (топоним: Тусулга (алас), Йокумен (страна) и др., гидроним: Диринг (озеро), Бегунья (речка).

Профессор Д.И. Ермолович, исследующий проблемы англо-русского и русско-английского перевода имен и названий, классифицирует способы перевода собственных имен на 6 категорий: 1) прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода; 2) ономастическое соответствие; 3) комментирующий перевод; 4) уточняющий перевод; 5) описательный перевод; 6) преобразующий перевод [2, с. 35]. Обнаруженные в произведении имена собственные мы разделили на группы по классификации Д.И. Ермоловича: 1) «прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода» (транслитерация) – 6 (Атын, Быгдай и др.), 2) «ономастическое соответствие» (транскрипция) – 28 (Атына, Берис и др.), 3) «комментирующий перевод» – 32 (Болот (означает меч), Илбис (бог войны) и др.), 4) «уточняющий перевод» – 31 (Кэл манна (дух шамана), Йор (злой дух) и др.), 5) «описательный перевод» – 2 (Большая Река (река Лена), Кытат (Китай), 6) «преобразующий перевод» – 0.

В произведении есть много имен мифологических персонажей, так как жанр книги - роман-олонхо. Автор объясняет значения собственных имен, чтобы представители других народов смогли их понять. Например,

Дилга – это бог судьбы. Автор объясняет, почему выбрал имя Дилга: «Дилга воплощает в Коновязи Времен мгновения человеческого бытия, переплетенные друг с другом. Врубленные в камень слова хранят прошлое и животворят будущее...» [1]. Или Айыы-Сита – богиня, покровительница женщин и семьи; Алахчина – дух-хозяйка земли. Роль данных персонажей в произведении Ариадны Борисовой не отличается от общепринятых функций данных персонажей якутской мифологии. Но их имена Ариадна Борисова видоизменила, подчинив фонетическим и морфологическим законам русского языка. Так, Дилга и Алахчина подверглись транскрибированию. Айыы-Сита и Алахчина получили окончания женского рода, указывающие на пол этих богинь. А необычное написание имени богини Айыысыт как Айыы-Сита, по нашему мнению, использовано автором с целью наглядно показать корень слова «айыы» и указать тем самым на значение данного имени. В словаре в конце книги Ариадна Борисова поясняет: «Богиня, покровительница женщин. Дарит семьям детей, приходит на помощь к женщине во время родов. Представляется в виде богато одетой, смеющейся женщины в развернутой назад шапке, с расплетенными волосами и развязанными тесемками торбазов» [1]. Таким образом, у имен мифологических персонажей сохранены исконные значения и представлена их собственная история.

В произведении есть распространенные якутские имена. Они носят якутский колорит – Кюннэй, Долгунча, Нарьяна. Но таких обыденных имен в произведении очень мало. Автор сама придумала имена многих персонажей по их внешности и характеру. Например: Эдэринка – это многодетная мать, но выглядит она как молодая девушка. Автор в качестве имени собственного использует еще названия профессий. Например: Асчит – повар, Отосут – травник. Кроме того, использует в качестве собственного имени какие-то слова, относящиеся к профессии. Например, Тимир – кузнец (использует железо – тимир), Абыр – лекарь-костоправ (спасает людей, облегчает боль – абырыыр). Эти имена смоделированы по типу прозвищ, но они не прозвища, так как кроме этого имени у персонажа нет другого имени.

По способам перевода собственных имен мы выделили: 1) транскрипция – 24 (Йор, Ботур, Бэргэн и др.), 2) объясняющий перевод – 31 (Алахчина – дух земли и др.). Наблюдая за именами собственными, использованными в этом произведении, мы заметили, что Ариадна Борисова придумывает, а точнее, моделирует новые имена, которые помогают раскрыть характер персонажа. Для этого она: 1) использует эпитет в составе имени – 4 (Большая Река, Каменный Палец и др.), 2) использует

русские слова – 4 (Бегунья, море Лама и др.), 3) добавляет соответствующие окончания и суффиксы – 9 (Эдэринка, Долгунча и др.).

Таким образом, в произведении «Земля удаганок» моделирование антропонимов имеет такие особенности: 1) антропонимы характеризуют персонажей, указывая на особенности их внешности, черт характера или профессии – они смоделированы по типу прозвищ; 2) якутские антропонимы подчиняются законам русского языка – транскрибируются, принимают окончание женского рода, уменьшительный суффикс; 3) активно используется способ пояснительного перевода, чтобы раскрыть характер и роль персонажа через его имя.

Литература

1. Борисова А.В.. Земля удаганок. Роман-олонхо. – Якутск, 2008. Режим доступа <https://mybook.ru/author/ariadna-borisova/lyudi-s-solnechnymi-povodyami/reader/?>

2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теория перевода – М., 2001.

3. Сергеева О. Ариадна Борисова: божий дар может повлиять на судьбу человека // Информационно-аналитический портал Sakha News Режим доступа <http://www.1sn.ru/36301.html>

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_033

Ноева С.Е.

РОЛЬ АНТРОПОНИМОВ В ОСМЫСЛЕНИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА

(на примере романа В.С. Соловьева-Болот Боотур «Пробуждение»)

В контексте изучения романа-трилогии В.С. Соловьева-Болот Боотур «Пробуждение» (1975–1987) весьма интересным становится осмысление и раскрытие метафорических образов концепта земли, что позволяет выявить специфику отношений человека и мира. Восприятие глубины пространства осознается героем, когда он близок к земле, родному пространству. В этой связи уместно рассмотреть аспект отношения романских персонажей к земле через функционирование мужских и женских имен.

Мужчины-персонажи в романе есть образы, в буквальном смысле «выросшие из земли». Они ассоциируются с неизменностью, мощью, си-

лой, что присуще матери-земле, и могут являться ее персонификациями. Мужской сильной статуальностью наделены Томороон Ньюкулай, Силис Куонаан, Сомоџоллой Бүөтүр, Боһомо кулуба, Суон Бүөтүр, Сабардам Тэрэнтэй и др. В данном контексте интересны морфолого-семантические наблюдения над соотношениями антропонимов, в которых закодированы монолитность, мощь, сила земли как первичной материи. Например, имена персонажей определяются так:

Боһомо – «Ордук бөдөн, улахан, толору көстүүлээх» («Особенно крупный, большой, видный» или «большими кусками, глыбами, или: в большие куски, глыбы»); **Сомоџоллой** – от сомоџо «арахсыспакка, бытарыйбакка, бүтүннүү кэлим сылдыар (туох эмэ модьуну, кэлимсэни этэргэ)» (цельный, неотделимый, нераздельный (о чем-л. крупном)); **Сабардам** – «туох эмэ улаханлык (устатынан, туоратынан уонна үрдүгүнэн бүтүннүү) сабардыыр кээмэйэ, тилэри кизбэ», от сабардаа – «киэн сири (улахан мизэстэни) ыл, былдьаа» (занимать собой много места, большую площадь, территорию) [2; 3; 4; 5].

Номинации персонажей с семантической нагрузкой «мощь» переводятся так: **Суон** – «туоратын төгүрүччү мээрэйдээн улахан» (толстый), «сүдү, сүнгэн, улахан» (огромный, значительный); **Томороон** – «модороон, саланг оноһуулаах» (простой, лишенный изящества, топорный), «нарына суох, улахан» (грубый), «модьу, толугу» (внушительный).

Номинативная конструкция **Силис Куонаан** (с як. «силис» ‘корень’), где слово *корень* несет в своей основе значение укорененности (исконности, подлинности), представляет истинную сущность человека, хранящего многовековую культуру, быт, сознание своего народа. Понятия мощи, силы могут быть употреблены и по отношению к таким персонажам якутского тувала, как *Лис* Бүөтүр ‘Увесистый Петр’, *Ускэм* Өлөксөй ‘Дородный Алексей’, *Тайба* Батараак ‘Батрак Тайга’.

Женский компонент в романном тексте обозначает стихийность, динамику, готовность к трансформации в среде. В противоположность монументальности мужчин, почти все персонажи женского пола в романе неуправляемы, непостижимы, независимы, сильны, эротизированы и могут предстать в аналогии со стихийным началом (воздуха, луны, ветра, огня). Ассоциация образа женщины со стихией огня может отсылать к культу богини-матери Умай и древним воззрениям о женщине-духе огня, получившим широкое распространение у многих народов Сибири [1; 6; 7; 8].

Здесь можно усмотреть параллель с сюжетной линией женщины-удаганки. Частое использование ее образа в фольклорно-мифологических

источниках было отмечено еще в наблюдениях Г.У. Эргиса [9, с. 206]. Так, к inferнальным образам, в какой-то мере наделенным чертами удаганства, относятся образы Евдокии Кырбыйдановой и, конечно же, удаганок Дыгыя и Марии. Удаганские черты свойственны и другому женскому персонажу – Бианче (от нанайского Ый Кыыһа – 'луна' как часть стихии неба, бинарно противопоставленная началу земли), возлюбленной Тайги Батрака, про которую в народе идет молва как о сильной удаганке Бэрт Бэйээнче. В романе-трилогии женщины с сильным характером изображаются в образах удаганок, женщин-лидеров, обольстительниц, женщин иной национальности. Это татарка Фатихатта, соблазняющая Григория Тумару, госпожа Агриппина Кушнарева, умеющая талантливо управлять как торговлей, так и мужчинами, горожанка Екатерина Саввишна и др. Они, как ни странно, не соответствуют образу типичной якутской женщины XIX–XX вв.

Женщина – потенциально сильный, самодостаточный образ, регулирующий идейную направленность произведения. В данном случае включенное в проекцию текста повествование о девушке-удаганке Болугур Айыыта усиливает смысловую одномерность романа: данный нарратив, подчеркивающий редкий доминантный характер, неподчинение женщины законам общества, поддерживает идейный алгоритм женских романых характеров. Ее история в какой-то мере является протосюжетом основной сюжетной конструкции – судьбы Евдокии.

Инфернальности Евдокии Кырбыйдановой, в народе именуемой как Дьэллэм Дьэбдьэй («дьэллэм» – досл. пер. с якут. яз. – 'общительный, соткрытой, щедройдушой'), сопутствует, как следует из текста, особая стихийность: данный образ имеет прямую ассоциацию с мотивом огня, т.е. с понятием тревоги, паники, хаоса (вспомним сновидение Терентия Сабардама, которое создает прямую аналогию Евдокии с образом огня). Несвойственные женщине ее социального положения острый язык, незаурядный ум, красота сильно пугают и одновременно восхищают мужчин разных сословий: богача Терентия Сабардама, его сына купца Суон Бүөтүр, конокрада Халлай Хабырылла, улусного голову Боһомо, авантюриста Наай Батарина, политссылных и др. Вдовий статус Евдокии, предполагающий полную автономию ее личности, самостоятельность в действиях, только усиливает и концентрирует внимание на ее свободолюбивом, независимом характере.

На женскую власть как на источник хаоса указывает еще один образ – удаганки Марии, сюжет о которой поддерживает в романе идею стихийности, одухотворяющую связь человека и мира. Ее вещий сон о духе-

иччи озера, послуживший толчком к народному волнению, песнь-кутуруу на берегу озера Халангатта, странное видение у озера указывают на тонкую грань в восприятии человеческим сознанием окружающего мира.

Женщина выражает хтоническую силу, нарушающую сложившуюся иерархию общества. В связи с этим вполне понятна натура Тумары Григория, выражающаяся в эмоциональности, сумбурности характера, как проявлений анти-маскулинных черт, которая полностью поглощена и управляема сильной женщиной Евдокией Кырбыйдановой. О слабохарактерности мужа напрямую высказывается Евдокия, которую одолевают противоречивые мысли о причастности Тумары к бунту политссылных: «Кини курдук **куттас киһи** оннукка-манныкка кыттыа суохтаах этэ» или «**Төрүт чэпчэки киһи** туохха эмэтэ умньаспыта чуолкай», «Оттон Киргизэлэй **куттаҕас муннаах**, саа тутан кыргыспатабын иһин тугунан эмэтэ кинилэргэ көмөлөспүт буолуохтаах».

Таким образом, ставший художественным объектом в романе В.С. Соловьева-Болот Боотура процесс трансформации среды, глобальных перемен в XX в. глубоко отражает традиционные принципы мировосприятия, касающиеся гендерных ролевых установок «женского» и «мужского» в культуре народа. Инициатива человека в видоизменении земли может обозначать преобразование народного сознания, в этом и заключается художественное значение романа писателя – акцентуализация и оформление характера нового человека наступающей эпохи.

Литература

1. Алексеев А.Н. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980.
2. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, Т. II. – 2005.
3. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, Т. VIII. – 2011.
4. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, Т. IX. – 2012.
5. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, Т. X. – 2013.
6. Данилова Н.К. Традиционное жилище народа саха. – Новосибирск, 2011.
7. Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут: сб.ст. // МАЭ. – Л., 1927;
8. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М., 1976/
9. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск, 2008.

ВЫРАЖЕНИЕ КАЧЕСТВА ИМЕНАМИ ПЕРСОНАЖЕЙ

В создании художественного произведения важнейшую роль играют имена персонажей. Имя или прозвище героя, под которым он более всего запоминается читателям, является одним из языковых средств, используемых писателем для создания художественного образа, портрета персонажа. Данное изобразительное средство широко используется якутскими писателями в своих произведениях. Подборка собранных имен персонажей позволяет выделить несколько групп, которые приводятся ниже. Во-первых, имя может быть односоставным (Чохоон, Хачыгыр, Дьүккүүр, Таллай, Тэллэй, Хаппыт), двусоставным (Дыгый Удабан, Сыллай Луха, Хабалдьыйа Харытыана, Мөхсөр Сэмэн, Бүлтэс Өндүрэй, Мылтас Ылдьаа) или многосоставным (Сырбай-Арамаан Салынныырап, Кыйыктыыр удабан уола Уот айах).

Во-вторых, анализ приведенных имен показывает, что в тех случаях, когда имя состоит из определения и определяемого, то семантически они разделяются на две группы: 1) определяемое является именем собственным, а определение дает характеристику человека, выделяя его самый отличительный признак (внешность, возраст, привычка, занятие, характер), давно подмеченный окружающими – Сыллай Луха, Ыдаай Ылдьаа, Дэйбиир Сүөдэр, Кустуур Кууһума, Тиргиллэр Тэрэнтэй, Көкөт Көстөкүүн, Дылыгыс Маайа, Суон Суоппуйа, Олонхоһут Уйбаан, Чолбон Дайыыка, Бассабыык Тиэхээн, Молоох Лөгүөнтэй, Тэйэр Бүөтүр, Сэргэх Сэмэн, Кустуур Кууһума, Түнкүнэ Байбал, Хаадьян Хабырыыс, Түүнүкү Көстөкүүн; 2) второй компонент имени персонажа не является именем собственным, а называет персонажа по его возрасту, профессиональной деятельности, родственным связям – Логлойо оҕонньор, Болтооску уол, Дулҕа оҕонньор, Тымтай оҕонньор, Дыгый удабан, Лобуй оҕонньор, Хаачылаан оҕонньор, Хабырынар Хандытаат, Топпот кулуба, Мотуруос оҕо, Сүөдэс Сүөдэр, Көбүлүйэ уола. Такие двухкомпонентные имена составляют абсолютное большинство в подборке.

В-третьих, из всех типов синтаксических связей внутри словосочетания в основном встречается только способ примыкания. Примыкать могут как причастия (Иирбит Ньюкуус, Топпот Өндөрөй, Силлибит Уос), так и образные слова и глаголы (Лагларыйа Даайыс, Бүлтэс Өндүрэй, Мылтас Ылдьаа). Только два примера из подборки стоят

особняком. В имени Ырыа Чонкунаан второй компонент является деепричастием, а в названии персонажа Көбүлүйэ уола способ синтаксической связи изафетный.

Следует также отметить якутские фамилии персонажей, образованные от причастий: Дьөгүөр Сүбэлиирэп, Дуораанап, Кыһыл Хайалыырап, Татыгыырап Хабырылла, Чомчоойоп, Кынтаяров, Кылайанап, Уйгуурап, Дапсыырап.

Литература

1. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм (Весенняя пора). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1994. – 748 с.
2. Амма Аччыгыя. Талыллыбыт айымньылар. Хоһооннор, кэпсээннэр, очеркалар. – Якутскай: кинигэ изд-та, 1966. – 1 т. – 512 с.
3. Амма Аччыгыя. Талыллыбыт айымньылар. Сэһэннэр. – Якутскай, 1967. – 2 т. – 562 с.
4. Далан. Доҕоруом, дабай күөх сыырдаргын. Роман. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 424 с.
5. Дмитрий Таас-Федоров Д.С. Кыһыл көмүс хоруоп: сэһэннэр, кэпсээннэр. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1979. – 376 с.
6. П. А. Ойуунускай (П. А. Слепцов). Айымньылар (Сочинения). – 2 том: Кэпсээннэр (Рассказы). – Якутск: Яккниздат, 1958. – 211 с.
7. П. А. Ойуунускай (П. А. Слепцов). Айымньылар (Сочинения). – 3 том: Пьесалар (Пьесы). – Якутск: Яккниздат, 1959. – 280 с.
8. Суорун Омоллоон. Кэпсээннэр (Рассказы). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981. – 184 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_035

Шкулева А.Д.

САХА ОСТУОРУЙАЛАРЫГАР АНАЛ ААТ ТУТТУЛУУТУН УРАТЫТА

Сир-дойду, киһи анал ааттарын ырыппыт тыл үөрэхтээбэ М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ аат киһи олоҕор улахан суолталааҕын уонна

кэнники кэмнэ дьон-сэргэ оҕолорун сахалыы ааттыыр буолан эрэллэрин ыйар. Сахалыы ааты ырытыы, суолтатын быһаарыы өрүү тоҕоостоох. Остуоруйаларга саха норуота мындыр өйүнэн толкуйдаан анал ааттарынан араас дьону, абааһылары ааттыыра – тыл биир дыкти көстүүтэ.

Саха остуоруйаларыгар хамсыыр-харамай аатынан ааттаммыт геройдар аҕыйаҕа суохтар: *Күөрэгэй, Лыыбырда, Хордьон Боотур, Хахайдаан Баатыр, Саһылыкаан эмээхсин, Өнгөй Бөтүүк, Баҕа Ойох. Холобур, Лыыбырда: лыыба* – аат тыл, күһүн муус тонуута бултаан холбоҕо кутан мунньубут мунду [3, с. 157]. Лыыбырда оҕонньор балыктаан аһылыктанар эбит. *Хордьон Боотур: хордьон* - маленькая птица, о которой в настоящее время сохранилось одно название, подобно названию льва и верблюда, которых якуты знали когда-то [2, стлб. 3456]. *Боотур* диэн тылы кытта ситимнэспит. *Боотур* – аат, былыргы сахаларга кыргыһыы үөрэҕин ылыммыт бөҕө киһи эбэтэр сэрии бөҕөһө [3, с. 382].

Барамай, көстүү аатынан ааттаммыт бэрсэнээстэр эмиэ көстөллөр: *Сүүтүк-Сүүтүгүйээн, Сыалдыа, Хамыйахаан, Тээлэй эмээхсин, Чөмчүүк, Кустук, Ыйдаҥа, Ыаҕастаан Куо* уо.д.а. Бу ааттар бэрсэнээстэр барамай, көстүү бэлиэтин илдэ сылдыбалларын көрдөрөллөр. Холобур, *Ыйдаҥа* диэн аат ыйдаҥа курдук сырдыгын, ырааһын быһаарар.

Остуоруйаларга баар үгүс анал ааттар геройдарын майгыларын-сигилилэрин, быһыыларын-таһааларын, ураты өрүттэрин быһааран, ойуулаан биэрэллэр: *Куһаҕан Хоодьугур, Үчүгэй Үөдүйээн, Көссүү Көөдөкүс, Босхон Бэлгэдэ, Соххор Доҕолон, Чуор Кулгаах, Кыраҕы Харах, Сытыы Мурун* уо.д.а. Холобур, *Куһаҕан Хоодьугур: хоодьой* – дьүһ. туохт., ойоҕоһун диэки иннэйэн, иэҕэйэн хаамп (үрдүк унуохтаах киһини этэргэ) [3, с. 232], *куһаҕан* диэн тылы кытта ситимнэспит. *Куһаҕан* – даҕ., туох да үчүгэйэ суох, ханнык эмэ ирдэбилгэ сөп түбэспэт, быстар мөлтөх [3, с. 547]; *Бис ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин: бэйбэрий* – дьүһ. туохт. түргэнник, кыараҕастык атыллаан хаамп, сүүр [намыһах унуохтаах, кылгас атахтаах сонос киһи туһунан], *эмээхсин* диэн тылы кытта ситимнэхэр. *Чуор Кулгаах, Кыраҕы Харах, Сытыы Мурун* – Чаачахаан уолаттара буолаллар, ааттара кинилэри ойуулуур, маннык уолаттардаах буолан, Чаачахаан Алаа Моҕуһу кыайар.

Дьахталлар ааттара үксүн олох-дьаһах туһунан остуоруйаларга бааллар уонна кинилэри ойуулаан-дьүһүннээн биэрэллэр: *Сыралаыма, Ымалдьыйа, Хонолдьуйа* уо.д.а. *Куо* лексемалаах ааттар аҕыйаҕа суохтар: *Муударай Куо, Кэхэчэлээн Куо, Ыаҕастаан Куо, Аалы Куо, Күндэйэ Куо, Үрүмэччи Куо. Холобур, Дьэргэстэй Куо: дьэргэстэй* – аат, фольк., олус

сэргэх, элэстэммит киһи. Дьэргэстэй диэн тыл *куо* диэн тылы кытта ситимнэнэн анал аат буолбут.

Остуоруйаҕа ааттар быһаарар тылларын хохулаан, ханыылаһыннаран туттуу эмиэ үгүстүк бэлиэтэнэр, суолталарын күүһүрдэн биэрэр: *Чаачахаан-Чаачахаан эмээхсин, Хаахый-Хаахый эмээхсин, Тээп-Тээп оҕонньор, Таал-Таал эмээхсин, Талаһа-Талаһа эмээхсин, Быт-Быт оҕонньор, Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн оҕонньор, Күүлэ-Күүлэкээн оҕонньор, Чырыы-Чыппаан, Чаачаан-Чуучаан, Окунай-Токунай, Чыбыс-Чыахаан, Чээри-Чээрэкээн, Сүүтүк-Сүүтүгүйээн* уо.д.а. Холобур, *Таал-таал эмээхсин: таал* – туохт., туох эмэ соһуччутуттан тугу гыныаххын булбакка, алааран оннугар олорон хаал [3, с. 75]; *Хаахый-Хаахый эмээхсин: хаах* – харкать, выхаркаться, маньчж. *хак* – звук харканья при выплевании слюны [2, стлб. 3412].

Ити курдук, остуоруйа бэрсэнээстэрин анал ааттара олоххо баар ааттартан уонна норуот уус-уран айымньытын атын көрүннэригэр көстөр ааттартан уратылаахтар, саха норуотун муударай өйүн-санаатын, ойуулуур-дьүһүннүүр уратытын тиэрдэллэр.

Литература

1. Саха остуоруйалара / Хомуйан оҥордо: Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1954. – 148 с.
2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т.1-3. – М: Академия наук, 1959.
3. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. – Новосибирской: Наука, 2005-2009.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_036

Софронеева М.А.

АНТРОПОНИМЫ В КОМЕДИЯХ Н.Д. НЕУСТРОЕВА

Антропоним – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. Как известно, М.С. Ивановым-Багдарыином Сүлбэ собрано около 50 тысяч имен людей. Имена собственные занимают значительное место в составе лексики любого языка. Специфика имен всегда привлекала внимание исследователей: географов, филологов, культурологов, историков, лингвистов, переводчиков.

В художественном тексте антропоним активно выражает подтекстовую и содержательную информацию, концентрируя в себе все необходи-

мые образные смыслы, отображает авторскую позицию понимания всех событий и действий, а также помогает передать читателю скрытое значение происходящего. Н.Д. Неустроев, как первый комедиограф якутской литературы, очень умело использовал вымышленные имена, наполняя художественное пространство литературными именами. В комедии «Голова Сойка» собственное имя главного героя – Голова Кукша. Имя происходит от издаваемого кукшой (птичка) крика, похожего на глухой звук «куук», за который, по всей видимости, и получила своё название. Действия героя были пустыми, безрезультатными. В комедиях часто встречаются такие имена как Мэхээлэ («Иирээн»), председатель Мэхээс («Иирээн»), Сэмэн Сэмэнэбис («Кукаакы Кулуба»), Тынырах Сэмэн («Кукаакы Кулуба»). Встречаются также имена, которые соответствуют характеру, нраву героев. Например, Тынырах Сэмэн, Утары Баһылай, Кутурук уол, Ботуччу оҕонньор, Харыйа Ыстапаан. Харыйа Ыстапаан в комедии «Тар» деспотичный и грубый человек. Злоупотреблял своей властью. Благодаря этим собственным именам правдиво показаны социальные процессы и нравы в якутском улусе до и после революции. Автор используя эти имена, отражает историческую эпоху того времени. Антропоним дает также внешнюю характеристику героя. Например, в комедии «Иирээн» по внешности Киппэ Кирилэ – солидный, крупный. Киппэ – «кутуллубут курдук модь-таҕа көрүҥнээх». Но в комедии он стоит в центре смеха. Внешний вид не соответствует его поведению.

В комедиях псевдонимы тоже имеют важное место и открывают содержание произведений: Күөс Бүөтүр, Мэкчиргэ, Тынырах Сэмэн, Утары. Персонаж Утары выражает настроения бедноты. «Мин туох иннигэр Утары диэн аатырбыппыный – кырдьыгы этэн баран өлөөхтүөх киһи буолуом ээ». Омуннаах Уйбаан очень сатирический образ.

Таким образом, антропонимы у Н.Д. Неустроева отражают национальных дух и эмоционально-психологически воздействуют на душу, сознание читателя. Многие из них являются «говорящими». Каждое имя отражает сущность того или иного персонажа.

Литература

1. Васильева Д.Е. Национальное и общечеловеческое в якутской литературе.-Якутск, 1995 г.
2. Неустроев Н.Д. Төрүүбүт сирбэр, тапталлаах дьоммор.-Якутск, 1997 г.

КЫРДЬАҖАС ҮӨРЭХПИТ КЫҤАТЫГАР САХАЛЫЫ ААТ

Сахабыт сиригэр оҥолорбутун араас омук аатынан ааттырбыт үксээтэ, ол гынан баран билинни үйэбэ сахалыы аатынан ааттыр ыал үксээн иһэрэ көстөр. Мантан сиэттэрэн биһиги кырдыаҥас Бүлүүбүт кыһатыгар сахалыы ааттаах устудьуоннар ахсааннарын билэр туһуттан, сахалыы аат билинни биһиги олохпутугар сүрүн оруолу ыларын дакаастыыр сыалтан, бу үлэни суруйарга быһаарынныбыт. Бу проблеманы киэн эйгэбэ таһааран, сөптөөх хайысханы ылан, диринник ырытан, биһиги үлэбит онуоха күүс-көмө буолуо диэн эрэллээхпит.

Билигин Бүлүүтээҕи педагогической колледжка уопсайа 580 устудьуон үөрэнэр. Олортон 145 устудьуон сахалыы ааттаах: уолаттар – 22; кыргыттар – 123. Саамай элбэх сахалыы ааттаах устудьуоннардаах салаа оскуола иннинээҕи иитээччилэри бэлэмниир салаа буолар – 38. Саамай тарҕаммыт сахалыы ааттар биһиги колледжпытыгар: кыргыттарга – Сайыына уонна Айыына; уолаттарга – Дьулустаан уонна Айаал. Ааспыт 2014 с. үөрэх түмүгүнэн 19 устудьуон сахалыы ааттаах эбит буоллаҕына, 2016 сыл түмүгүнэн – 20 сахалыы ааттаах устудьуон баар эбит.

Билинни үөрэх дьылын кытары тэннээн көрдөххө, сахалыы аат олус элбээбитэ көстөр. Ону таһынан, кырдыаҥас кыһабытыгар уопсайа 75 учуутал үлэлиин сылдыарыттан 7 учуутал сахалыы ааттаахтар. Бу көстүү сахабыт сиригэр олус оруоллаах бэлиэ буолар.

Хомойуох иһин, урукку сылларга ааты улаханна уурбат этилэр. Араас биллэр үтүө дьоннорбут, холобура тойуксуттар, сэхэнньиттэр, общество деятеллэрэ, сахалыы аата суох буоланнар, киэн сиргэ бардахтарына, кинилэри билбэт дьон (нуучча да, омук да сиригэр) барыларын нуучча омугунан ааҕаллар этэ. Эбэтэр сахалар, нууччатыа сатаан, саха буолалларыттан кыбыстар түгэннэрэ эмиэ баар буолааччылар, ити эмиэ олус диэн хомолтолоох. Былыргы итэҕэлинэн, оҥобут көмүскүүр дурда-хахха буолуо, иитиэ-аһатыа диэн баҕатыйыны көрдөрөр ааттарынан буолаллар Баатыр, Боотур, Күүстээх, Ньургун, Таас, Тимир... Олортон Ньургуну көрүүбүн. Олонхоҕо Дьулуруйар Ньургун Боотур, Ньургун Бөҕө, Тойон Ньургун – бухатыырдар буолаллар. Итилэри көрдөххө, Ньургун диэн тыл боотур, бөҕө, бухатыыр диэн тылларга быһаарыы буолар эбит. Ньургуну Э.К. Пекарская тылдытыгар «лучший, славный» диэн тылбаастаабыт. Оттон араас

улуустартан иһиттэххэ, Ньургун диэн сис саамай саала, арбас сир диэн өйдүүллэр эбит. Бүлүүтээҕи педагогической колледжка Ньургун диэн ааттаах устудьун иккиэйэхтэр эрэ. Ол гынан баран, Саха сиригэр ити аат атын сахалыы ааттартан быдан элбэх.

Ол курдук, биһиги кырдыаҕас кыһабытыгар өр сылларга саха тылын үөрөппит, учууталлар учууталлара, Саха Республикатын үөрэҕириитин туйгуна Розалия Степановна Семенова тылынан түмүктээн эттэххэ: «Багдарыын Сүлбэ сахалыы ааты ингэрии кыымын сахпыта төлөн буола күөдүйэн, кутаа уокка кубулуйан дьон-сэргэ дууһалыын ылынан, кэнники кэмгэ онно аналлаах литература да үөдүйэн, анал чинчийиини эрэйэр буолла. Ити буоллаҕа, бэйэтин омугун аатыттан-суолуттан саҕалаан, олорор сири-уотун диринник түөрэн чинчийиитэ сахабыт омугун кэскилин туһугар үйэ тухары дьаныардаах охсуһуутун түмүгэ».

Мин санаабар, хас биирдии омук бэйэтин итэҕэлигэр сөп түбэһэр ааттаах буолуохтаах. Уопсайынан, аат киһиэхэ улахан оруоллаах. Оннооҕор, учуонайдар быһаарбыттарынан, аат киһи ис дууһатын, олоҕун, майгытын, дьылҕатын быһаарар. Онон, эдэр көлүөнэни уонна аҕа саастаахтарбытын сахалыы ааттаныабын, ааттыабын диэн ынырабыт.

Литература

1. Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ. Аатта тал. – Дьокуускай, 1998.
2. Саха киэн туттар дьоно: Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ. – Дьокуускай, 2008.
4. Самсонов Н.Г. Наши имена. Якутск: Кн. Изд-во, 1989.

III. ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_038

Шепилева О.Е., Бызгаева А.В.

ОСОБЕННОСТИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА В «СЛОВАРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ» Г.В. ЗОТОВА

«Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова явился итогом многолетних диалектологических экспедиций автора, предпринятых им в 60-70 гг. XX века в селения, расположенные в границах от реки Индигирки до побережья Охотского моря. В разные годы в течение 20 лет Г.В. Зотовым были исследованы в диалектологическом отношении населенные пункты Якутии, Чукотки и Магаданской области, в которых с давних пор проживало русское старожильское население: Нижнеколымск, Походск, Черский (Нижние Кресты), Зырян-ка, Среднеколымск, Колымское, Русское Устье, Усть-Белая, Марково, Гижига, Тауйск, Ямск, Ола и др.

Анализируемое издание является словарем дифференциального типа и содержит толкование около 6000 территориально маркированных лексических единиц. Уникальность словаря составляет не только зафиксированная исследователем диалектная лексика и фразеология, но и особенности иллюстративного материала, который был отобран Г.В. Зотовым к словарным статьям. Цель настоящей работы – проанализировать специфику представленного в словаре иллюстративного материала, дополняющего объяснение лексического значения региональных словарных единиц.

Лексический материал, представленный в словаре, преимущественно имеет диалектную природу. Это слова и выражения, связанные со сложившимся укладом жизни, хозяйствования, предрассудками, приметами, народной медициной, с рождением и болезнями человека, строительством жилища, орудиями промысла и охоты старожильского населения Крайнего Северо-Востока России.

Словарная статья в анализируемом словаре по сложившейся лексикографической традиции имеет следующие структурные элементы: заглавное слово, словосочетание или фразеологическое выражение с обозначением ударения (в некоторых случаях ударение отсутствует), толкование лексической единицы, грамматические пометы, в необходимых случаях стилистические пометы или пометы, указывающие на устаревший характер слова или его происхождение: «ГОСТЛИВО́Й, -áя, -óе. Любящий ходить в гости. *Ходит по людям, как гостливая попадьа*. Богораз 1901. *Шляющийся человек, то туда пойдет, то туда, - гостливый человек*. Походск 1965» [1, с. 124]; «МАКАРШИ́НЬЙ КАВАРДАК, соч. Кушанье из макарши и сельдяжьих пупков. *Также жарят сельдяжьи пупки с варёной и толчёной макаршей* (см.) – называется это блюдо макаршиный кавардак. Зензинов 1913» [Там же, с. 260].

Как можно увидеть, обязательной частью словарной статьи является иллюстративный материал, дополняющий толкование диалектной лексической единицы. Многими лингвистами была доказана ценность иллюстративного материала для различных лексикографических источников. В частности, В.А. Козырев и В.Д. Черняк отмечают: «Для словарей различных типов, прежде всего тех, которые описывают семантику слова, особое значение имеет иллюстративный материал. Он, с одной стороны, демонстрирует типичные условия функционирования лексических единиц, подтверждая их системные характеристики, с другой – даёт как бы моментальный снимок реальной жизни слова, выхваченный из многообразия возможных ситуаций его использования... В диалектных словарях иллюстративный материал позволяет читателям представить себе реальные условия функционирования слова в живой народной речи» [2, с. 76].

Анализ иллюстративного материала к словарным статьям в «Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова позволяет говорить о трех типах источников, привлекаемых исследователем.

Основой лексикографического источника стал «Областной словарь Колымского русского наречия» В.Г. Богораза (1901), который почти полностью вошел в состав словаря Г.В. Зотова: «В.Г. Богораз, проживший

несколько лет (1890-1898) на Нижней и Средней Колыме в качестве ссыльного, оставил для диалектологии Крайнего Северо-Востока ценные свидетельства о русском и обруселом населении. Он составил «Областной словарь колымского русского наречия» (более 2400 слов) и отметил некоторые яркие особенности колымских говоров» [1, с. 20-21].

Помимо этого, словарь Г.В. Зотова содержит в себе богатейший литературный материал, служащий естественными условиями для каждой лексической единицы. Он был отобран исследователем из разнообразных письменных источников, посвященных Крайнему Северо-Востоку России, среди которых «Медико-топографическое описание Гижигинского округа» Богородского, «Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе» В. И. Иохельсона, «Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения» А.В. Олсуфьева, «Поездка в Камчатку и на р. Анадырь» А.П. Сильниченко и др. В список источников для словаря вошли отчеты об экспедициях, различные наблюдения и замечания исследователей, художественные произведения писателей Крайнего Северо-Востока.

Бесценной частью словаря сегодня по праву можно считать примеры живой диалектной речи, собранные автором во время диалектологических экспедиций. Информантами Г.В. Зотова становились представители местного старожильческого населения, характеристика которых содержится в одной из вступительных статей к словарю: «Котельникова Инна Игнатьевна, 1911 года рождения, пенсионерка, малограмотная, глава большой семьи, умная и хозяйственная, женщина нелегкой судьбы, рано оставшаяся вдовой. Запись 1968, Гижига»; «Носов Иван Михайлович, 1923 года рождения, малограмотный, рабочий совхоза. Речь характеризуется «сладкоязычием» и архаичностью. Родился в Нижних Крестах. Запись 1965, Нижнеколымск» [1, с. 40-41].

Записи живой диалектной речи в словаре предлагаются в форме упрощенной фонетической транскрипции, что позволяет увидеть многие фонетические особенности русских старожильческих говоров, большая часть которых сегодня уже не сохранилась: соканье, цоканье, сладкоязычие, ассимиляция согласных по способу образования, различные процессы в области гласных: «КАБАЛЫ СТРОИТЬ. Устраивать интриги. *Кто пейвой кабайи стйойт – Ваньса Носох.* Нижнеколымск 1969» [Там же, с. 203]; «СКУДА, -ы, ж. Скудость, бедность. *Ведь как було, зыли-то не хватат, то не хватат, скуда онна и только.* Нижнеколымск 1966. Колымское 1971» [Там же, с. 437]; «АЗИЯТ, -а, м. Чукчи. Так называют преимущественно чукоч. Азияты-то эти тоже норовят содрать со зубей кожу,

за каждой кусок масо – осмушка да четверть (кирпича чаю)! Богораз 1901. *Чукоч называли тойко чукчами. Так и сицяс называют, азиятом не зовут, мазот и называли азиат, особо задных котори.* Походск 1966» [Там же, с. 47].

Не вызывает сомнений исключительность словаря Г.В. Зотова: «Сегодня каждый взявший в руки словарь должен понимать, что имеет дело с уникальным материалом, собранным во второй половине прошлого века, с материалом, который при всем желании на сегодняшний день можно считать невосстанавливаемым: некоторые населенные пункты, в которых побывал Г.В. Зотов, уже прекратили существование, а говоры, вместе с уходом их носителей, подверглись значительным изменениям» [3, с. 117].

Литература

1. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.
3. Шепилева О.Е. Крайний Северо-Восток России в аспекте лексикографического описания // Научный диалог. 2018. № 5. С. 103-119.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_039

А.Г. Шайхулов

АСПЕКТЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА

О целесообразности сравнительного изучения лексического материала родственных языков представители пражской школы говорили, что каждый язык в каждую эпоху обладает своей особенной лексической системой. Но оригинальный характер каждой из этих систем выступает с особенной ясностью только при сопоставлении одной системы с другой. Большой интерес в этом отношении представляют языки, находящиеся в тесном родстве, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки структуры различных систем выявляются с наибольшей ясностью. В этом отношении тюркские языки Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона – татарский, башкирский и чувашский – представляют, на наш взгляд, такие

удобные и благоприятные условия для этнолингвистических исследований, каких почти нет в других ареалах.

Словарный состав тюркоязычных народов данного региона изучался, в основном, в синхронном плане. Между тем, общеизвестно, что дальнейшие успехи сравнительно-исторической лексикологии будут определяться состоянием тюркского сравнительно-исторического языкознания в целом, а также тем, как будут отвечать ее насущным нуждам диалектологические, ономастические ареальные и семасиологические исследования. Давно уже отмечено, что проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков требует от тюркологов широкого развертывания теоретических исследований – как в общетюркском плане, так и на материале конкретных, в том числе и тюркских языков Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона.

На данном этапе исследований остается ряд неисследованных когнитивных ономастических групп, терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов в прошлом и настоящем: мало трудов, посвященных исследованию общих вопросов тюркской лексикологии. Дальнейших исследований на материале тюркских языков ждут такие вопросы, как слово и его значение, структура значения слова, семантические изменения в слове (содержательная сторона лексики, в т.ч. ономастической).

Ареальная общность ономастического фонда в тюркских языках региона обладает сложной организацией и иерархическим строением, где, с одной стороны, выделяются большие лексико-грамматические категории слов, с другой – внутри лексико-грамматических категорий выделяются различные тематические группы, внутри последних – лексические единицы, характеризующиеся каждая своей семантической структурой. Ареальная общность ономастикона включает, таким образом, в свой смысловой объем много разных систем и полисистем, лексико-семантических и лексико-тематических микроструктур, которые еще не сведены воедино, и общетюркская лексика в рамках ареальной общности тюркских языков региона как единая, достаточно цельная, определенным образом организованная система еще до сих пор не описывалась, что является одним из актуальных задач современной тюркологии.

Лексический состав тюркских языков указанного региона мы рассматриваем как систематизированный комплекс различных языковых явлений, отражающих восприятие объективной действительности татарским, башкирским и чувашским народами. Генетическая пестрота говоров тюркоязычных народов данного региона, несходство условий, в

которых они формировались, придают некоторый абстрактный характер системным отношениям в общерегиональном плане. Наиболее реальна, конечно, система языка определенного говора (узкорегionalного), ограниченного рамками одного населенного пункта или группы людей, носителей говоров, развившихся из общего источника. В таком говоре закономерно упорядоченные разноаспектные соотношения слов образуют первичную неделимую системную единицу – микросистему. Однако у одного подхода есть и существенные недостатки: затрудняет при выявлении ареальной общности лексического фонда сводимость исследуемого материала по всем указанным тюркским языкам региона.

В рабочих целях мы опираемся на следующую посылку: поскольку система понятий, выработанных коллективным сознанием носителей языка формируется в процессе познания реального мира, то характер и свойства лексических систем (микросистем) определяется, на наш взгляд, тем, какую именно исторически формируемую понятийную систему и какими средствами они отражают. Таким образом, лексическая системность рассматривается здесь как репрезентация системности понятийной.

В системной характеристике общетюркского лексического фонда в тюркских языках, в том числе и тюркских языках Волго-Камско-Уральского региона, более или менее утвердились следующие положения и приемы, которыми мы руководствовались в работе:

1) Сравнительно-историческая лексикология тюркских языков, являясь одним из разделов сравнительно-исторического языкознания, имеет свои задачи и использует свои принципы исследования;

2) Степень изученности словарного состава тюркских языков Волго-Камско-Уральского региона в настоящее время позволяет ставить в качестве одной из основных целей сравнительно-исторического исследования;

3) Для достижения указанной цели полезным и необходимым является предварительный обзор лексики по широким когнитивным группам (1. Природа. 2. Человек. 3. Познание).

При исследовании вопросов общности лексики тюркских языков Волго-Камско-Уральского региона мы пользовались вышеуказанными приемами. В связи с этим, необходимо отметить связь этих исследований в возросшим интересом к изучению местной географической терминологии – «тельмографической единицей». По тюркской тельмографической лексике также имеется ряд работ, например, труды А.Н. Кононова (1971), Н.А. Баскакова (1969), Э.М. Мурзаева (1939), А.Г. Шайхулова (1983, 1984). Специально семантическому анализу, в частности, на материале

славянской географической терминологии посвящена монография Н.И. Толстого. В данном исследовании убедительно показано, что семантические сдвиги и переносы носят отдельный характер и образует регулярные, повторяющиеся ряды семантических соответствий.

Очевидно, что со сбором и накоплением материала, относящегося к местным географическим терминам, назревает необходимость изучения древнейшего пласта тюркской лексики, кропотливая разработка географической терминологии тюркских языков не только данного периода. Данный пласт лексики представляет собой ценный материал в области исторической диалектологии и дает дополнительные сведения при восстановлении общетюркского языка-основы, в том числе и общетюркского словарного фонда.

Литература

1. Шайхулов А.Г. Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ (структурная и идеографическая парадигма). – Алматы: «Кантана-Пресс», 2012. – 704 с.
2. Шайхулов А.Г. Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетических контактных связей). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 268 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_040

Латыпов Ф.Р.

НЕКОТОРЫЕ САРКАСТИЧЕСКИЕ ЭПИТЕТЫ В ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИБЕРИЙСКИХ ТРАКТАТАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С МАТЕРИАЛАМИ ЯКУТСКОГО И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Изучение античных текстов Западного Средиземноморья на древних неиндоевропейских агглютинирующих языках важно для понимания эволюции языков и культур типологически подобных этнических групп Евразии. Интересно то, что, по мнению многих ученых (В. Бранденштейн, А. Айда [2;4;7] и др.), названные родственные между собой, но пока официально не классифицированные языки Средиземноморья, к которым относят языки этрусков, сардов, корсов, балеарцев, иберов, прояв-

ляют признаки типологического, а в ряде случаев и генетического родства с тюркскими языками.

По мнению археологов, показатели материальной культуры этрусков и иберов имеют древние ближневосточные корни. Согласно историческим реляциям Ветхого Завета Библии, именно здесь, в начале II тыс. до н.э. (Ливан, Сирия) локализовались многочисленные, технологически развитые в области металлургии и коневодства, тюркские племена *to-garma*.

В 1988 году нами были получены убедительные доказательства того, что этруски (в тексте бинтов Египетской Загребской мумии [5] они называют себя народом *tarc*) имели язык очень древнего тюркского характера. Сопоставляя данные этрусского языка с фономорфологическими показателями иберийской надписи на свинцовой пластине из Ла-Серрета-де-Алькой [4], выполненной греческим алфавитом, в 2008 году мы, как и многие другие исследователи, констатировали признаки генетического родства между этими сравниваемыми языками.

В период 2008-2016 гг. нами были проанализированы и переведены, на основе разработанного в 1980 году метода ПЭКФОС [3;5], более десятка крупных иберийских текстов на металлических пластинах и надгробных стелах [6]. В начале же 2018 года наше внимание привлекла серия иберийских надписей на свинцовых пластинах, найденных археологами в развалинах иберийского городка Печ Махо (ныне городок Ауде на юге нынешней Франции) [8]. В принятой классификации иберийских текстов два из рассмотренных нами текстов (I и II) маркируются как В.17.34 и В.7.35.

Оказалось, изученные нами надписи были составлены по указанию администрации города с целью пресечения провокационных хулиганских действий вооруженных группировок разнузданных молодчиков, устраивающих драки с поножовщиной. Такими группировками (аналогичным средневековым «идальго») была переполнена Испания в III – I вв. до н.э., как следствие двухсотлетней кровопролитной войны на своей территории (две Пунические войны, войны с Римом, гражданская война между Цезарем и Помпеем). В текстах В. 17.34 и В. 7.35 осуждаются организаторы провокационных издевательских насмешек против рядовых граждан, хулиганы саркастически третируются.

Далее приводим эти самые саркастические эпитеты, обнаруженные нами и использующиеся при уничижительном описании хулиганствующих молодчиков в исследованных текстах:

• *tik irsbin* «обычно (-bin) просто (без дела) шатающиеся», (*mutu*)*orış* *başbin* «обычно (-bin) беспричинно (*mut*) взбухающие головы»;

• *bok alsor atine beleşbaş* «дерьмом запачкавшие свою совесть (*atin*) курник (беляш)-головые» – ср. казан.-тюрк. *Läçtit satuçylar* «те, кто торгует дерьмом», *bäleş* «беляш» (пирог с потрохами или с мясом);

• *arşbin kan buloike* «обычно (-bin), от ярости (*arşbin*) жаждущие крови (*kan*)»;

• *baites kike kuleşkeře* «часто отпускающие издевательские насмешки»;

• *lituřişu aştıšo toılakoni* «использующие «литературные» цитаты острословы, ведущие праздный (*toi-lak*) образ жизни» (тюрк. *toi* «праздник»);

• *bil oslei stiker* «эти острые спицы (острословы)».

Как пример лингвистического сравнения языковых форм иберийского языка с некоторыми тюркскими языками, здесь мы приводим также таблицу лексических параллелей для некоторых из идентифицированных нами номинантов.

Лексические параллели для некоторых из идентифицированных нами иберийских номинантов.

Таблица:

№ п/п	иберийск.[5]	казан.-тюрк.(КТ), башкир. (Б), турец. (Т)	якутск. [2]	перевод на русск. яз.
1	ban	ben (Т), min (КТ, Б)	min	«я»
2	bel-, bil-	bil- (Т), bel- (КТ, Б)	bil-	«знать»
3	bil, bu	bu (Т, КТ), byl (Б)	bu	«этот»
4	osti-baş	oçyntıy-başlar (КТ), buzuq başı (Т)	byha tart bas	«зазнавшиеся, снесенные (сорви-) головы»
5	tikir-	teker- (КТ, Б)	sillää	«плевать»
6	kafkeloř	gärlänülär` (КТ)	kybystyyga killer	«устыдить»
7	alaşbuř	alyştıyr	atastahyy	«измени!»
8	toi	tuı (КТ, Б)	byraahannyq	«праздник»

Выводы:

- Исследованные иберийские тексты В.17.34 и В.7.35 представляют собой этнопедагогические трактаты, направленные против возмутителей общественного спокойствия в иберийских городах;

- Несмотря на гигантский пространственный и временной промежуток между носителями иберийских языков Древней Испании и носителями современных тюркских языков («срединных» в лице турецкого и казанско-тюркского и «восточного» в лице якутского языков), наблюдается достаточно большое сходство сравниваемых языков.

Литература

1. *Аррибас Антонио*. Иберы. Великие оружейники железного века/ Пер. с англ. Е. Б. Межевитинова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 190 с.
2. Краткий русско-якутский словарь = Нуучаллы-сахалыы кылгас тылдьыт: учебн. словарь / Сост. Т. И. Петрова. – Якутск: Бичик, 2008. – 368 с.
3. *Латыпов Ф. Р.* Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. – Уфа: Полиграфдизайн, 2014. – 152 с.
4. *Латыпов Ф. Р.* Некоторые этрусские параллели в языке иберийской надписи на свинцовой пластине из Ла-Серрета-де-Алькой // Сб. матер. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию академика М.З. Закиева. – Стерлитамак: Изд. Стерлитамак. гос. пед. академии, 2008. – С. 174 – 176.
5. *Латыпов Ф. Р.* Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 3. – С.87 – 91.
6. *Латыпов Ф. Р.* Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного фонетического развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. – Уфа: Полиграфдизайн, 2016. – 152 с.
7. *Adile Ayda*. Les Etrusque était des Turks (Preuves). – Ankara: Ayyidiz Matbaasi, 1985. – 390 s.
8. *Velaza Javier*. Chronica epigraphica iberica XII (2014)// Palaeohispanica. – 2015. – № 15. – P. 249 – 271.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_016

Трофимова С.М.

КОМПЛЕКС РЫБОЛОВЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ²

Как известно, монгольские этносы издревле обитали в пределах Центральной Азии, а точнее в восточной части, в лесостепных и гористых местах. География диктовала, соответственно, и способы ведения хозяйственной деятельности, которые обеспечивали жизненные потребности

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-24-03001-ОГН

людей. Монгольские племена вели преимущественно охотничье-рыболовческий образ жизни. Позже монгольские племена стали осваивать срединную часть Центральной Азии, где практиковалось кочевое скотоводство молочной направленности, сохраняя при этом навыки своего традиционного охотничье-рыболовческого образа жизни. В данной статье будут рассмотрены монгольские термины рыболовческого комплекса. Материалом исследования явились словари монгольских языков, а именно: «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах [1; 2; 3; 4], «Бурятско-русский словарь» в 2-х томах [8; 9], «Калмыцко-русский словарь» [5].

Рыболовческий комплекс, как известно, состоит из средств передвижения по воде, объектов рыболовства, способов и приемов лова рыбы.

В древности до изобретения лодок единственным средством передвижения по воде во время лова рыбы на водоёмах являлся плот, который во всех монгольских языках называется *сал* (ср.: х.-монг., калм. *сал*, стп.-монг. *sal*, бур. *һал*). Что касается названий объектов рыбной ловли, следует отметить, что монгольский этнос выработал собственную систему названий рыб. Это наглядно видно из сравнения этих терминов. Так, рыба в монгольских языках называется: х.-монг. *загас*, бур. *загаһан*, калм. *захсн*, стп.-монг. *jīyasun*. В аларо-унгинском говоре бурятского языка зафиксировано слово *балэг* «пескарь», есть оно и в нижнеудинском говоре бурятского языка, в котором звучит как *балак* «гольян» [7, с. 128], а в калмыцком языке представлен термин *кет балг* «карась». Это слово можно проследить и в окинском говоре бурятского языка в словоформе *балюуһан* «мелкая рыбешка, гольян», а также в дархатском говоре монгольского языка в форме *балиус* «мелкий хариус». Прототипом как бурятского *балюуһан*, так и дархатского *балиус* является форма **baliyusun*, которая восходит к праформе **baliyusun* [6, с. 146].

Так, в халха-монгольском языке представлены такие названия как *хилэм* (бур. *хилмэ*, стп.-монг. *qilime*) «осётр», *тул* (бур. *тула*, стп.-монг. *tulu*) «таймень», *зэвээ~зэвэг* (бур. *зэбгэн*, стп.-монг. *jebege*) «ленок», *цагаанзагас* (бур. *һэлбэрүүһэн*, *һэлбэрһэн*, *һэлбэрүүн*, стп.-монг. *čaγaŋjīyasun*) «сиг», *цурхай* (бур. *сурхай*, стп.-монг. *čuraqai*) «щука», *гутаарь* (бур. *гутаар*, стп.-монг. *gutari*) «налим», *цулбуурт загас* (бур. *сулбуурта заһаһан*, стп.-монг. *čulburtujīyasun*) «сом», *зоодой загас* (бур. *зоодой*, стп.-монг. *jodoi*) «карась», *хайга* (стп.-монг. *qajīya*) «лещ», *мөрөг* (стп.-монг. *mörükü*) «карп», *хөөлөнтий* (бур. *хөөлэнтийи*, стп.-монг. *köge-lentei*) «карась», *хэлтэг загас* (стп.-монг. *keltegejīyasun*) «карась», *улаан нүдэн* (бур. *улаан нюдэн*, стп.-монг. *ulaγannidün*) «плотва», *башинга загас*

(стп.-монг. *bašingγ-a*) «вобла», *ярга* (стп.-монг. *irγ-a*) «нельма», *яргай* (стп.-монг. *irγai*) «горбуша», *хулд загас* (стп.-монг. *quludu*) «форель», *жараахай* (бур. *жараахай*, стп.-монг. *jīraγaqai*) «мальки рыб», *түрс* (бур. *түрхэн*, стп.-монг. *türisün*) «икра рыбы». В калмыцком языке тоже имеются свои названия рыб: *бекр* «осётр», *цоохр* «севрюга», *хорв* «белуга», *шигрлү* «стерлядь», *цевн* «белорыбица», *цурх* «щука», *жсаал* «сом», *шөрэкэ* «окунь», *үкрдэ* «линь», *башаңһа* «вобла», *ботаха* «судак», *цуув* «лещ», *хөөндэ* «жерех», *уланжса* «краснопёрка», *тул* «таймень».

Что касается орудий лова рыбы, то следует отметить, что древние монголы не отличались большим разнообразием приемов и способов добычи рыбы. Применялись в основном разного вида сети, удочки и перемёты. Однако, при всем сходстве этих реалий каждый этнос выработал свои независимые от другого названия рыболовных снастей и приспособлений. Так, у халха-монголов мы наблюдаем некоторое разнообразие в названиях этих предметов. В их языке имеются такие названия как *говчуур ~ гувчуур* «большая рыболовная сеть, большой невод, бредень» (стп.-монг. *γobčīγur*), *гөлөм* «невод, сеть» (стп.-монг. *gölīm*), *тор* «рыболовная сеть» (стп.-монг. *toor*), *өөш* «рыболовная сеть, невод» (стп.-монг. *ögeši*), *хахуул* (стп.-монг. *qaqayul*) «удочка, самоловы, перемёты с крючками для ловли рыбы», *хялмаа* (стп.-монг. *kilmay-a*) «самолов, род перемёта, ставящийся поперек реки», *гүр* (стп.-монг. *gür*) «верша», *гахуулийн иш*, *загасны уурга* «удилище», *шилбүүр*, *дээгэний иш* «удилище», *гахуулийн ишижим* «рыболовная леса», *гөөш* (стп.-монг. *gögeši*), *гөхий* (стп.-монг. *göki*), «рыболовный крючок, удочка», *загасны дэгээ* (стп.-монг. *jīγasun-udegege*), *хахууль* (стп.-монг. *γaqayuli*) «рыболовный крючок».

В бурятском языке имеется не так много рыболовческих терминов. В основном это *гүльмэ* «сеть», *губишуур*, *зүдхэ* «невод», *гүр* «верша», *хахуули* «удочка», *гахуулийн эишэ*, *гахуулийн урга* «удилище», *гахуулийн шэжэм* «рыболовная леса», *дэгээ*, *гохо*, *хилмаан* «рыболовный крючок». Кроме того, халха-монголы и буряты для добычи рыбы практиковали использование остроги, которая называется в х.-монг. *сэрээ* (стп.-монг. *serege*), в бур. *һэрээ*. Острога обычно применялись при ночном лучении.

Калмыки после переселения в заволжские степи имели в основном два вида хозяйственной деятельности. Дербеты осели в степной местности и продолжили выращивать домашний скот, который содержали на подножном корму, торгуты осели на правом берегу Волги и, продолжая свое традиционное животноводство кочевнического типа, освоили новый для калмыков вид промысла – рыболовство на Волге и Каспии. При этом промысловый лов рыбы они вели в основном при помощи неводов и се-

тей, которые в калмыцком языке называются: *шүүгүл* «невод», *гөлм* «сеть». Лов рыбы производили на лодках, называвшихся *оңһи*. Сам процесс лова рыбы называется в калмыцком языке *зәһсна аңһһн*, *зәһсна бәрһһн*. Использовали калмыки и удочки, называющиеся *гахуль*. При этом удилище называется *нахулин ии*, рыболовная леса носит название *нахулинбүч*, рыболовный крючок – *зәһсна дегә*. Современные калмыки применяют рыболовные снасти, заимствованные у русских и других европейцев, - это, например, спиннинги, блёсны, искусственные мушки, специальная прикормка для рыбы и т.п. Применение остроги калмыкам неизвестно, слово *серә* в калмыцком языке означает «вилка» (как столовый прибор).

Как можно видеть из этого обзора, монгольские языки имеют очень мало общих терминов, относящихся к рыболовству, причем не только среди названий рыб, но и среди рыболовных снастей и приемов ловли рыбы. Это говорит о том, что рыболовство как один из способов добычи пищи является древнейшим промыслом монгольских народов. При этом монголы выработали свою собственную основную рыболовческую терминологию, что свидетельствует о формировании их как этноса в древнейшее доисторическое время.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А-Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. - М.: Academia, 2001. - 486 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д-О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. - М.: Academia, 2001. - 507 с.
3. Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ё-Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. - М.: Academia, 2001. - 438 с.
4. Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х-Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. - М.: Academia, 2002. - 506 с.
5. Калмыцко-русский словарь. - М.: Изд-во Русский язык, 1977. - 764 с.
6. Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров: монография. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. - 214 с.
7. Рассадин В.И. Становление говора нижеудинских бурят. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. - 160 с.
8. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Том I. А-Н. - Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. - 636 с.
9. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Том II. О-Я. - Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. - 708 с.

Алексеев И.Е.

КҮӨЛГЭ САЙЫНҢЫ БАЛЫКТААҢЫН ТИЭРМИННЭРЭ

1. Багдарыын Сүлбэ сүүнэ "Картотекатыгар" Саха сириин күөллэрин, өрүстэрин, үрэхтэрин аата-суола дьин сахалыы суруллар көрүнгүнэн тиһиллэн, үйэтийэн турар. Онно барытыгар балык арааһа дэлэйдик үөскээн, саха да, олохтоох да омуктар түг өрдөөбүттэн араас тэрилинэн ууттан хостоон, астаан-хатаран, хаһаанан ас култууратын олохсуппуттара. Ол идэ үгэс буолан хатыланан, ХХ үйэ ортотун ааһыар диэри салҕаммыта.

2. Күөллэр балыктарын арааһынан ааттаныыларын сэргэ (Соболоох, Эмис Соболоох, Дьарҕаалаах, Ала мундулаах уо.д.а.), дьарыгы бэлиэтиир дьон олобун, айылҕатын көстүүтүнэн ааттанара эмиэ элбэх (Туулаабыт, Илимниир, Холомолоох, Диринг, Бүгүйэх уо.д.а.). Итинтэн көрдөххө, күөлгэ собо, мунду, күөнэх, дьарҕаа, борохой балык үөскүүр. Күөлтэн үрэххэ өксөйөн ыыр күөнэх, мунду, сордонг биһи, дьарҕаа, хаахынай, быранаатта балыктанар кэмэ эмиэ араастаах.

3. Күөл соботун илимнээн, ардьалаан, маарылаан хоторуллар. *Ыам саҕанаабы* (бэс ыйа), *чуоҕа саҕана* (от ыйа), *көбүү саҕана* диэн балыктааһын сайынҥы көрүгүнэрэ бааллар. Өссө *ырбыы*, *сайыы* саҕана (ыам ыйа), *садыат* саҕана, *күрэх*, *туона* саҕана диэн балыктыыр кэмнэргэ собо көтөх, уойбут эрдэбинэ балыктанара эмиэ туспа кэм.

4. Күөл, үрэх мундугун ыам саҕана *хохтулуурга* (хаппыт мунду), төннүү саҕана (алтынньы санатыгар) лыыбалыырга анаан туулаан балыктанар. Арыт үрэх чүөмпэтигэр *бөлүөхпүт* мундуну *куйуурунан* баһыллар.

5. *Күөнэх* - сэдэх балык. Күһүн үрэххэ өксөйөн ыыр. Төннүүтүгэр (балаҕан ыйын бүтүүтэ) туулаан балыктанар. Күөнэх сыа балыктан, мундугтан атына - кээмэйинэн кырата. Буспут күөнэх миинэ үүт курдук үрүн, хоргуннаах буолар.

6. Күөлгэ балыктааһын тэриллэрэ – *туу*, *ардьа*, *илим*. Туу икки көрүгүнээх: *күөнэх туута*, *мунду туута*. Күөнэх туутун маһын тиит мастан тыыран, кыһан оноһулар. Тууну өрөргө бэс мас силиһин эллээн, ыаннаран туһанылар. Туу тутула: туу көхсө, үс киспэлээх. Киспэни синньигэс титириги төгүрүк гына иэбэн оноһулар: *айах киспэ*, *ортоку киспэ*, *кутурук киспэ* диэн тэн кээмэйдээхтэр. Туу көхсүн өрөргө киспэлэри ис өттүнэн силис тимэбинэн (быа курдук ыаммыт силис) үүйэ инниннэриллэр. Күөнэх хатырыгын алдьаппатын диэн туу маһын төгүрүк гына кичэйэн кыһыллар. Күөнэх туутун *сүрэбэ* үмүрүк гына өрүллэр.

Ортоку уонна үнэ өттүнээби (кыарыыр сирэ) киспэлэрэ кытыан угуттан изэбиллэр. Туу үнэтэ балык төттөрү өбүйбэтин диэн уһуктаах буолар. Туу кутуруга мас *тылбыынан* хаптаччы *чүөлчэрдэнэр*. Мунду туута, эмиэ күөнэх туутунуу оноһуулаах эрэри, арыый киэн буолар. Ардыа кутуругун эмиэ тылбыынан тылбыйыллар. Тылбыыта туу киэнинээбэр өссө бигэ-таба буолар.

7. Собо ардыатын арытыата туутаабар киэн. Эмиэ үс төгүрүк киспэнэн кизптии үүйүллэр. Айах киспэтэ туу киэнинээбэр киэн. Сүрэбин үнэтэ арыый уһун, уһуктаах буолар. Ардыа кутуругун эмиэ тылбыынан тылбыйыллар. Тылбыыта туу киэнинээбэр өссө бигэ-таба буолар.

8. Өскөтүн тууну үрэххэ эбэтэр уу отун суол курдук сулуйан угуллар буоллабына, ардыа күөл сынаһа кытылыгар кыһайа оноһуллубут *сантиыга* угуллар. *Сантыы* диэн титириктэн, хахыйахтан оноһуллубут *сэтир*. Ууга туруору истиэнэ курдук мас тоһоҕонон тылбыйа туруоруллар. Анаар өттүгэр ардыаны угуллар. Күөлгэ биэс-түөрт ардыа угуллар. Ардыаны күннэ биирдэ (киэһэ) көрүллэр.

9. *Илим*. Илими кылтан өрүллэр. Илим хараба араастаах: үс илии батар – кыра *бырчыкы* собоҕо, түөр илии – *мэнэкэ* собоҕо, онтон киэн харахтаах илим – *бөдөҥ собоҕо*. Илим устата – сүүрбэччэ хаамыылаах. Үрдүгэ киһини *курданырынан* (чычаас уулаах күөлгэ), *саннынан* (дирин уулаах күөлгэ). Илими күөл хайа эмэ өттүгэр, балык *быркыта* баар сириэнэн үтүллэр. *Хоннорбо*, *маары* илим баар. Хоннорбо илими киэһэ үтүллэр. Маары диэн собону күрэтэн илимнэ ингиннэри. Илдьиин танара аастабына маарыланар. Киэһэ күөл булунар, хорго кытылга илими үтэн баран, эрдиэнэн ууну тыаһатан, балыгы илимнэ *үтэйэн* илдьиллэр. Илимнэ иннибит собону арааран, тыы илин, кэлин *биттэхтэрин* кэннигэр мунньулар. Иккитэ-үстэ маарылаан, өтөх ыаллара бары үчэһэбэ үөлэр, күөскэ буһарар соболорун *тымтайга* хаалаан дьиэбэ таһаарыллар. Ону ыал-ыал аайы оҕо-аймах тарҕатар.

10. Күөлгэ, үрэххэ сааскы, сайынны, күһүнгү, кыһынны балыктааһын арааһа баар. Саас *сайыы* аһылыннабына, балык үрэххэ дьулуһар. Онон туу, ардыа уктаахха балык өлгөмнүк киирэр. Ону сайыы балыга дэнэр. Сайын күөлгэ ардыалаан, үрэххэ мундулаан балыгы хоторуллар. Мундуну *сибиэбэ* тэниччи тарҕатан хатарыллар. Хаппыт мунду - *хохту*. Хохтуну кыһынныга хаһааныллар. Кыра бырчыкыны сиикэйдии *сибиэбэ* хатардахха *дьалтах* диэн буолар. Ону эмиэ хаһааныахха сөп. Бырчыкы собону *үчэһэбэ* (үтэһэбэ) үөлэн төлөһнө буһарыллар. Элбэби буһаран баран күннэ хатарыллар. Хаппыт

бырчыкыны мөһөөччүккэ уган баран мас өтүйэнэн мэлийэ сынньыллар. Мэлиллибит бырчыкы этэ, унуоҕа *буорса* диэн ас буолар. Сайын от үлэтигэр буорса *өйүөлээх* буоллаха, күүс-уох өһүллүбэт.

11. Балыктааһын итинник тизриминнэрэ саха матырыйаалынай култууратын уратытын көрдөрөр. Ол өбүгэ саҕаттан салҕанан сайдан, олоххо туһаныллар суолларын тобулуу – билинни кэм ирдэбилэ.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_043

Попова М.Д.

НАЗВАНИЯ МАСТЕЙ ЖИВОТНЫХ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время язык любого народа стал рассматриваться с точки зрения изучения языковой картины мира, то есть, большой интерес вызывают особенности интерпретации мира человеческим сознанием. Целью данной статьи является показать разнообразие лексики для описания животных в эвенском языке. Х.И. Дуткин в словаре «Тематический эвенко-русский словарь для оленеводов» привел богатейший состав оленеводческой лексики [3].

Названия дикого оленя: *Буйун* ‘дикий олень’, *нууага* ‘старая самка дикого оленя’, *гулличэн* ‘молодая самка’, *мойкачан* ‘молодой самец’, *норканча* ‘дикий олень 3 лет’, *итэнкэн* ‘дикий олень 2 лет’, *хутэнчэн* ‘самка с оленёнком’, *уилки* ‘безрогая самка дикого оленя’.

В эвенском языке наиболее архаической лексикой являются анатомические названия животных.

Голова: *дил* ‘голова’, *ити* ‘морда’, *кэвэ* ‘челюсть’, *корит* ‘ухо’, *худь* ‘губа, губы’, *хен* ‘жвачка’, *ясал* ‘глаза’, *инуа* ‘глазница’, *ит* ‘зубы’, *оңат* ‘морда’, *хелун* ‘ноздры’, *нусма* ‘морда, рыло’.

Большой интерес вызывают названия масти животных в эвенском языке. Например, в «Русско-эвенском словаре» В. И. Цинциус и Л. Д. Ршес представлены следующие значения серого цвета:

Серый *ирауан*, *мэнуты*, *уты*, *нянуты*, *игдяка*, *нэгчэне*, *хиуэне*, *карав* [5, с. 558]. Все они используются для обозначения масти животных, а цвета *хиуэне*, *ирауан* являются универсальными серыми цветами. В усть-янском говоре для обозначения масти оленя серого цвета употребляются такие прилагательные, как *ирача*, *ирачан*, *гулэньэ*, *гулрэндэ*, *гулэңэн*, *кусмиллан*, *каравчан*, *караван*.

В данном словаре масти животных и оленя черного цвета представлены такими прилагательными, как:

Чёрный *хакарин, ханура, негчэне, ялраня, хандо, невчэне, елданя, елдага, яльчинты, яльчинтын* [8, с. 674]. Прилагательное со значением чёрного цвета *хакарин* является универсальным, некоторые обозначают только масть оленя и животных. Олень с темной шерстью – это *ханра, ханули*. Черный как смоль олень – *ханна*. Блестящий черный – *гилрикэ, гилдикэ, ханули*. Самка чёрного цвета *хауачан, гаванган*. Самец черного цвета *хауандя, гавандя*. К собаке с черной шерстью тоже применяют прилагательное – *ханура*. Пример: *Хаура, нючиды џенкая, џономач будэлли, эгдэнь мивэндэ, нянутыченуатчиудлинудин* ‘чёрная, русской породы, собачища, с высокими ногами, с широкой грудью, с лохматой шерстью по следу ее идет’ [9, с. 15].

Чтобы утихомирить непослушных детей, эвены пугают их **черным** медведем *ханура бад*. А в быту медведь называется словом *накат*. Когда сообщают чужому человеку об охоте на медведя, то для называния медведя используют слово *нэгдэкэ*. Существует много ритуалов, связанных с культом медведя. Эвены, прежде чем отправиться на охоту на медведя, показывали целое представление о том, что скоро медведь отправится в лучший мир, избавится от своих грехов. Во время разделывания туши медведя произносились специальные слова, которые отличаются от бытовых слов. Например: *хуланян* – легкие медведя, от слова *хуланя* – красный цвет. А в обиходном языке легкие это – *эвти*.

Основной белый цвет в эвенском языке – это *нёбати*. Пример: *Дөрбэил, нёбати* оралкар *нямнир* ‘Это два человека ехали к ним на **белых** оленях’ [7, с. 143].

В рассматриваемом словаре белый цвет для обозначения масти животных представлен следующим образом:

Белый 1. (о масти оленя, собаки) *нёбэты; (о масти оленя, лошади) гулрэкэн; белый медведь* *нам накатан, нёбэты накат, гилталды амик адурбаня кеганты; белая куропатка* *гелталри кабев, гелталри кабдика* [8, с. 27]. В словаре белый медведь представлен различными оттенками белого цвета: *нам, нёбэты, гилталды амика*. Цвет шкуры белого медведя меняется в зависимости от времени года, от состояния погоды. Поэтому на основании цветоразличения белого медведя и других животных, охотники корректируют свое поведение в нахождении в природе, охоте. Для наименований масти оленей в эвенском языке используется много слов-синонимов, обозначающих белый цвет. Белый олень – это *небати, чуракиндя, гилталри*. Альбинос, чистый белый олень – *нёбэкэ, небатагда, кумбарин, чирикэ, гилтаня, чиривэн*. Белый олень с красными глазами

(альбинос) – *хутабан*, белый олень с белой отметиной на лбу – *ясапу*, *тосапу*, белый олень с черными глазами – *гулдикэн*.

Пример: *Гэлун оркаму-го, охотикэйо бугонолдан, мэндичодон, гудейэно өликичэпчи* ‘мой красивый пугливый олень с черными глазами, похожий на бельчонка’

В лексемах, обозначающих цвет, отражаются культурно-исторические и языковые особенности этноса. У каждого народа свои особенности быта, манеры поведения, обусловленных традициями, образом жизни, многовековым укладом. Особенно это касается оленеводческой лексики, представляющей наиболее древний пласт лексики эвенского языка.

Литература

1. Бокова Е.Н. Быт эвенов. – Якутск: ИП «Осенина И.Л.», 2011. – 40 с.
1. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб.: Наука, 1995. – 144 с.
2. Дуткин Х.И. Тематический эвенско-русский словарь для оленеводов. – Якутск: РИООфсетчик, 1990. – 48 с.
3. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 115 с.
4. Попова М.Д. Степени сравнения прилагательных в эвенском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №1 (43). Ч. II. – С. 169-171.
5. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2005. – 356 с.
6. Фольклор эвенов Березовки. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2005. – 362 с.
7. Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 777 с.
8. Черканов А. Хукси Невтэ. – М., Л.: Изд-во дет. лит-ры, 1938. – 28 с.
9. Эпос охотских эвенов. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 304 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_044

Колесова А.А.

НАЗВАНИЯ РЫБ, НАСЕЛЯЮЩИХ ВОДОЕМЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА НАМЫ БУЛУНСКОГО УЛУСА РС(Я)

Село Намы расположено на берегу полярной речки Омолой. Речка Омолой протекает по восточной приграничной зоне Булунского улуса с

юга на север. Эта речка пресноводна, несудоходна, поэтому богата рыбой. Погодные условия в основном формируются под влиянием двух центров высокого давления (арктический и азиатский максимумы) и исландского минимума. Особенно богаты северные реки Полярного бассейна из-за прогревания и населения своеобразным сообществом животных, которые сохранились с Ледникового периода. В окрестностях села Намы расположено множество озёр, часто соединяющихся протоками (сээн), отделяющими их друг от друга. Климат территории озёр окрестностей с. Намы Булунского улуса весьма суровый. Вся ее площадь находится за Полярным кругом, и потому для нее характерно незаходящее солнце летом, зимой – полярная ночь.

Озеро Намы было спущено в начале или в конце 30-х годов и на его месте образовался большой сенокосный алас. Между прежним озером и рекой Омолуй началось формирование села Намы (А.И.Стручков «Очерки по истории Булунского улуса», 2005).

Наиболее богаты ихтиофауной такие озёра, как озеро Чуорай, озеро Омук Күөлэ, озеро Улуу Күөл, озеро Оюн Биллилэх, озеро Хайырдах, озеро Сыа Сордон, озеро Улахан Дайыылаах.

Изучение ихтиофауны и названий рыб, населяющих водоемы окрестностей села Намы будет способствовать бережному отношению подрастающего поколения к этноэкологическому наследию родного края.

Основным объектом из рыб являются щука (сордон), пелядь (үүкү). Наиболее крупный экземпляр веса щуки – 1 метр, үүкү – 50 см. В селе Намы развит промысел местного значения и любительское рыболовство.

Видовые названия пресноводных рыб:

1. Ленок – быйыт *Brachymystax lenok* (Pallas, 1773).
2. Обыкновенный таймень – бил (суйуб – бил оѳото) *Nuchotaimen* (Pallas, 1789)
3. Чир – Чыыр *Coregonus nasus* (Pallas, 1776)
4. Пелядь – Быраҕаатта (улахана), үүкү (кырата) *Coregonus peled* (Gmelin 1789)
5. Сибирский хариус – дьарбаа (улахана), тостумах (ортото), кырыс (олох кырата) *Thymallus arcticus* (Pallas 1776)
6. Малоротая корюшка – үрүҥ балык *hypomesus solidus* (Pallas 1814)
7. Озерный гольян – мунду *Phoxinix perenurus* (Pallas 1814)
8. Обыкновенная щука – сордон *Esox lucius* (zinnacus 1758)
9. Налим – сыалыһар, сыаҕаан *Lota* (Zinacus 1758)
10. Девятииглая колюшка – тимир атах *Pungitius* (Zinacus 1785)

11. Петроногий подкаменщик – лахаа, баххас *Cottus poecilopus* (Heckel 1899)

12. Сибирский подкаменщик – быдыр балык, баххас *Cottus sibiricus* (Kessler 1899)

13. Обыкновенный валец – суру, сопу *Prosopium cylindraceum* (Pallas 1784)

Земноводные – Amphibia

Сибирский углозуб – тыймыт *Salamandre lakeysenlingi*, длина тела – 10 см, масса – 8 г. На севере по долинам рек достигает тундровой зоны (72 с.ш.). Малочисленный вид.

Пресмыкающиеся – сыллаачылар – Reptilia

Живородящая ящерица – Кулгэри *Lasertavivipara*. Редко отличается в бассейнах реки Омолой и Индигирки. На севере в бассейне реки Омолой достигает лесотундры (71 параллель). Редкий вид! Длина тела вместе с хвостом – 7-14 см, масса – 2,5 г. (Пресноводные рыбы, земноводные и пресмыкающиеся Якутии, 2004)

Пелядь – *Coregonus peled*, Gmelin. Рыба Пелядь (Ууку) – важный объект промысла жителей села Намы.

Наряду с мясом, является основной здоровой, экологически чистой пищей, употребляемой в рационе северян. Богата витаминами Д и А. Заселяет многочисленные озера в районе дельты речки Омолой. Пелядь или сырка, легко отличить от других сигов по конечному рту, верхняя челюсть которого лишь незначительно длиннее нижней, и большому числу жаберных тычинок (49—68). Окраска пеляди темнее, чем прочих сигов, на голове и спинном плавнике мелкие черные точки.

Озера с. Намы Булунского улуса богаты пелядью. Такими озерами являются: Чуорай, Лэбийэ, Сана куол, Хайырдаах; озеро Арыылаах, Орто-куол (Кэрискэ), Ыстааннаах. Жителями села в 2011 г. ноябре выловлено: 410 кг, масса крупной особи – 1,5 кг, мелкой особи – 0,5 кг.

Литература

1. Волкова О.И. Фотографии и тексты по позвоночным животным отдела экологического просвещения. - заповедник «Усть-Ленский».

2. Граханов С.А. Край мой любимый – Арктика. – Новосибирск: Академическое изд. «Гео», 2009;

3. Ксенофонов Г.В. Ураанхай сахалар 1,2 том. – Национальное изд-во РС (Я), 1992 г.

4. Материалы статистики администрации с. Намы, 2017 г.

5. Материалы статистики ГУП «Борогонский», 2017 г.

6. Полярная энциклопедия школьника. Арктика – мой дом. Природа севера земли. – М.: 1995.

7. Стручков А.И. Очерки по истории Булунского улуса. - Якутск, 2005.

8. Сидоров Б.И., Тяптиргянов М.М. Пресноводные рыбы, земноводные и пресмыкающиеся Якутии. - Якутск, 2004.

9. Тимофеев П.А., Иванова Е.И. Ягодные растения Якутии. - Якутск, 2006.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_045

Бараишкова Ж.Ф.

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА «БАХСЫ»

Мы живем в Бахсытском (от слова «бахсы, бакши», тюрк.) наслеге Чурапчинского улуса Республики Саха (Якутия). Каждому человеку свойственно интересоваться историей родного края. Мы думаем, что изучение истории родного края надо начать от его названия.

Что скрыто под тысячелетними напластованиями значения слова «бахсы»? Какое значение имело оно во время своего возникновения? Какую историю расскажет нам это священное для нас слово? Куда он поведет нас? Может быть, мы найдем через него прародину наших древних предков?

Чтобы найти материалы для изучения этимологии слова «бахсы», мы обратились за помощью во Всемирную Сеть Интернет. К своему удивлению, мы обнаружили 2 636 источников информации, содержащих слово «бахсы», некоторые из них содержат сведения, идущие с глубоких древних времен.

Новизна нашей работы в том, что впервые найдена информация, что слово «бахсы» обозначена в санскрите как «бхикшу» (учитель, мудрец).

Мы знаем, что выдающийся ученый-топонимист М.С.Иванов-Багдарыин Сүлбэ в своих исследованиях впервые открыл для широкого читателя значение слова «бахсы». Приводим пример из книги «Алаас ааттаах, дойду сурахтаах»: «Былыргы түүрдэргэ үөрэтээччи – *бахши* диэн тыл баара. Эмчит, отоһут – *отачи бахши, отачи-эмчи* диэн хоһуласпыт тыллар бааллара. *Бахсы* – төрүт-уус түүр тыла эбит. Ол эрэри, бу тыл монгуол тылыгар эмиэ кизэниик тарбаммыт, үөрэтээччи диэн өйдөбүллээх – *баҕси*, бурятты *багша*. Бу түгэн киһини мунаардар. Тоҕо диэтэххэ, бахсылар аакайдаан санараллар... Филол.н.д. Е.И. Убрятова: «Монгол тыллаахтар олорбут сирдэригэр сахалар аакайдыллар» диэн быһаарбыта. «Оннук буоллабына, *бахсы* диэн тыл ис суолтатын монгол тылыттан таһааран быһаардахха сөп буолаарай?»

Мы установили источники информации, в которых упоминается слово «бахсы»:

1. По данным Зубова А.Б., исследователя Средней Азии, в статье «Шаманство в Средней Азии» читаем, что «у казахов и киргизов прорицателей и целителей заклинаниями именуют баксы. У туркменов бакса – исполнитель народных танцев. Однако, у калмыков, монголов и маньчжуров бакши – лица высокого духовного звания; и есть все основания предполагать, что слово баксы, бакши происходит от санскритского бхикшу – странника, то есть от имени, которым называли себя, начиная Сиддхарты-Гаутамы, (в последствии Будды), буддийские монахи. Не только для дальневосточных, но и для центральноазиатских народов колдовство, знахарство оказалось генетически связанным с идущей из Индии буддистской проповеди».

3. В летописи Гази-Брадж, датируемого 1229-1246 гг. н.э. упоминается о бакши Иман, писце сеида Джагфара, повелителя булгар.

4. Сведения о бакши конца XII века оставил знаменитый венецианский путешественник Марко Поло.

5. Материалы о каракалпакских баксы: Ибраимулы (1799-1880), Ажинияз Косыбайулы (1824-1878), Бердах, Отеш и другие певцы-баксы. Поэт Бердах (1827-1900) долгое время был вынужден зарабатывать на жизнь, выступая на свадьбах с дутаром в руках, по этой причине он был известен в народе как Бердах-баксы.

Приводим список 14 стран, в которых существовали народные сказители, знахари и т.д., которых называли баксы:

1. Башкирия: баксы – сочинитель, мастер художественного слова, прорицатель, знахарь, ворожея, гадалка.

2. Бурятия: багша – учитель.

3. Казахстан: баксы – народный певец, музыкант, сказитель, поэт.

4. Калмыкия: бахча – род настоятеля, старшина в сожитии калмыцких гелюнгов, жрецов.

5. Каракалпакстан: баксы – исполнитель любовно-лирических песен. Хранители произведений народного эпоса дастанов. аккомпанируют себе преимущественно на дутаре.

6. Кыргызтан: бакшы – шаман, знахарь, лечащий болезни якобы изгнанием духов. Бакшылык – профессия бакшы.

7. Маньчжурия: бакши – лица высокого духовного звания..

8. Монголия: бахши – знахарь, шаман невысокого ранга, лица высокого духовного звания

9. Монголы, исповедовавшие буддизм: бахши – человек, умеющий писать уйгурским письмом, канцелярские писцы в эпоху Чингисхана.

10. Россия: Бахши – Международный центр искусства и мастерства, город Москва.

11. Таджикистан: бахши – народный сказитель.

12. Туркменистан: багшы – профессиональный певец и музыкант.

13. Узбекистан: багшы – табиб-знахарь, лекарь-шаман или шаманка, которые магической песнью и игрой на дойре (ударный инструмент «бубен») изгоняли из больного злых духов, а также – певец-сказитель дастана.

14. У уйгуров: бакшы – учитель.

Значения слова «бахсы» таковы: *тадж.* народный сказитель; *манчж.* лицо высокого духовного звания; *калмык.* род настоятеля; *баишк.* сочинитель, мастер художественного слова, прорицатель, знахарь, ворожея, гадалка; *казах.* народный певец, музыкант, сказитель, поэт; *кирг.* шаман, знахарь, лечащий болезни якобы изгнанием духов; *монг.* знахарь, шаман, невысокого ранга, лица высокого духовного звания, канцелярский писец, умеющий писать уйгурским письмом, в эпоху Чингисхана; *туркмен.* профессиональный певец и музыкант, хранитель произведений народного эпоса – дастанов; *каракалпак.* исполнитель любовно-лирических песен; *узбек.* знахарь, лекарь-шаман или шаманка; *бурят.* учитель; *уйг.* учитель.

Из приведенного видно, что слово «бахсы» имеется в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Но у нас также есть информация о том, что слово «бахсы» в санскрите обозначает «учитель, странник». Санскрит – литературный язык, принадлежащий к группе индоевропейских языков. Восходит к языкам индоарийских племен. Детально разработан на основе ведийского языка в VIII в. до н.э. Язык межнационального общения в Индии, где существовало множество естественных, разговорных языков.

У каждого племени и рода был свой бахсы. По сведениям, собранным С.И. Дьячковским-Сэһэн Боло, когда предки якутов в лице Омогой-бая прибыли на Среднюю Лену, были с ним три его брата – Баџарах, Баатылы и Бахсы. От брата Омогоя – Бахсы и ведет род наш наслег. Был ли тот Бахсы, брат Омогоя, сказителем, певцом, знахарем или шаманом, история умалчивает. В рассказах сказителей о предках нигде не упоминается о роде занятий этого Бахсы.

В азиатских странах до сих пор это слово существует и употребляется. Нам отрадно было узнать, что в Узбекистане слово «бахсы» не только

живо, но и то, что много внимания уделяется народным сказителям. Ежегодно проходят республиканские и международные фестивали и конкурсы народных бахши-шаириов, конкурсы молодых сказителей, где принимают участие народные сказители из Казахстана, Кыргызтана, Туркменистана и Таджикистана.

Из всего этого следует, что бахсы является носителем культуры, письма, духовного настоятеля, певцом, прорицателем, словом, человеком высокой духовности.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_046

Филиппов Г.Г.

ДОРҢООН АРАЛДЫҢЫТЫНАН САҢА ТЫЛЫ ҮӨСКЭТИИ

ДорҢоон аралдыҥытын тылы үөскэтэр ньыма быһыытынан туттууну татаар тылын үөрэхтээхтэрэ бэлиэтиллэр (ТГ, 231). Бу суолунан биир төрүттээх, биир этиллиилээх эбэтэр суруллуулаах тылы туспатытаары ханнык эмэ дорҢоону аралдыҥыннараллар. Тылга биир төрүттээх эрэри, туспа этиллиилэнэн ураты суолталаммыт тыл балачча көстөр. Мань сэргэ саха бэйэтин тылыгар дьүөрэ этиллиилээх кирии тыл баар буолар, олору сурукка туспатык суруйуу үгэһэ туттуллар. Манньк ньыманан тыл суолтатын олохсутууну эмиэ дорҢоон ньыматынан үөскэтии диэххэ сөп [1, с. 10].

Сир аата эмиэ тыл билинҥи тылга туттуллар нуорматыттан туспатык саҥарыллыытыгар олоҕуран үскээбитэ баар буолар. Холобур, *манган* тылтан *Маҕан* диэн сир аата үскээбит. Манньк суолунан сир аата үөскээһинин эмиэ дорҢоон аралдыҥытынан үөскээһин диэххэ сөп.

Саха тылыгар дорҢоон аралдыҥытынан үөскээбит эбэтэр сана тыл курдук өйдөнүүн сөп ханыылаах манньк тыллары ааттыахха сөп: *онтон* – *оттон*, *ол* диэн ыйар солбуйар ааттан үөскээн баран суолталара маннай түөлбэ тылыгар аралдыспыт. Кэлин литэрэтиирэ тылыгар ол олохсутуллубут; *остуоруйа* – *устуоруйа*. Бу нууччаттан кирии *история* диэн тылы маннай «сказка» суолтаҕа, кэлин төрүт суолтатыгар туттар буоллулар; *сонун-солун*. Бу тыл литэрэтиирэ тылыгар кыайан олохсутулла илик. Дьингэр, түөлбэ тылыгар *сонун* «свежий, новый» диэн өйдөнөр, *оттон солун* «новость» диэн буолар. Манньк олохсутулуон сөп; *гын-*

кын. Бу тылы «онор» диэн суолталаах биир төрүттээх курдук өйдөнөр. Ол гынан баран эр киһи дыахтары кытта таптаһалларын бэлиэтииргэ *кын* суолтатын олохсуппуттар. Сорох түөлбэлэргэ биирдик *кын* эрэ көрүнүнэн тутталлар. Баҕар, бу төрүт туспа төрүттээх тылы биирдик этэр буолуохтарын сөп; *айылҕа-айылгы*. Сахалыы санаҕа бу суолталара туспа тылы үгүс дьон араарбат *айылҕа* диэн туттар. Дьинэр, *айылҕа* «природа» диэн өйдөбүллээх, ону «природный, төрүт» суолтаҕа тутталлар. Оттон *айылгы* «бэлиэтэ», «ис номоҕо», «төрүт» диэн өйдөбүллээх. Арааһа, нуучча тылын «природа» тылын икки суолтатыгар оҕустаран, бу тыллары солбуйуннара туттар үгэс үөскээбит быһыылаах; *өттүк-өртүк*. Бу биир төрүттээх тылы түөлбө тылыгар араас суолтаҕа тутталлар. Ол курдук, *өттүк* киһи тааһын, атыннык эттэххэ, атаҕын таас аннынааҕы унуоҕун ааттыырга туттуллар. Онтон *өртүк* диэн сүөһүнү хаайан аһатар мэчирэни ааттыыллар. Күөл уһун атаҕын быһан хаарчах онгортон киһи өттүгэр ханыылаан үөскэппит тыллара буолар; *бис-биис* диэн биирдик этиллэр туспатык суруллар тылы бу бөлөххө киллэриэххэ сөп. *Бис* диэн нууччаттан кирии, тыйаатырга артыыс толоруутун биһирээн «браво» диэн суолталаах хаһыытыыр тыл, дьинэр, *биис* диэн этиллэр. Ону араараары *бис* диэн суруйабыт. *Биис* «уус», төрүт», «омук» диэн суолталаах нууччалыы «племя», «род» диэн өйдөбүллээх тыл.

Манньык туспатыйар тылларга өссө кириэхтэрин сөп: *айыы-аньыы-аҕыы* «творение-грех-божество» суолтаҕа; *тайах-таҕах* «палка-лось» суолтаҕа; *араналыыр-ырыналыыр* «анаалыстыыр, түөргүлүүр – «разбирать», «хабылыыр» суолтаҕа. Маныаха майгынныыр суолтаҕа *букун – бүгүн, ол кэннэ – уонна, сарсын эрдэ – сарсыарда* о.д.а. биир төрүттээх тыллар туспа ис хоһооннонон туттуллуулара эмиэ киирсиэхтэрин сөп.

Саха тылыгар тылдыты үчүгэйдик ырыналаан ырытар буоллар, аҕыйаҕа суох тыл араастык (барыйааннаан) этиллиитин булан, сана тыл тахсыан сөп түгэннэри булуохха сөп этэ. Маныаха биир сана чааһыгар киирэр тыллары сэргэ, атын-атын сана чааһын араарыахха сөп көстүүлэри көрүүххэ сөп.

1). Даҕааһын аат – туохтуур: **өчөс – өһөс**: *өһөс оҕус, өһөс оҕо, өһөс майгылаах; өчөс да тирэс, олус өчөһөр куһаҕан, кини өчөһөн үлэлээбэт*. Манньык аралдьыһар тыллар барыйааннара туспа тыл буола араасалларыгар ордук табыгастаах буолуон сөп. Тоҕо диэтэххэ, итинник тыллар этиллиилэригэр да, суруллууларыгар да хайа баҕарар барыйааннара тыл нуорматын кэспэт. Холобур, кэчэс – кэһэс: Кини кэчэһэр; кэһэс киһи.

2). Дабааһын аат – сыһыат: **киэһээ – киэһэ**: *киэһээ аһылык, киэһээ омурбан, күс киэһээ көтүүтэ; киэһэ кэлбитэ, күөлгэ киэһэ киирбиһит, киэһэ айанныбыт.*

Дабааһын ааты уонна сыһыаты манньк утарыта тутан аралдьыһыта таба суруйуу быраабылатыгар киирбит.

3). Дабааһын аат – аат тыл: **сонун – солун**: *сонун аһылык, сонун дьон, сонун солун; солун элбэх, солуну соһо сылдьан кэпсиир, эн солунун мэлдьи үөһнээх-курдабаалаах буолар.*

4). Аат тыл – аат тыл: **өртүк – өттүк**: *аттарбытын өртүккэ хаайдыбыт, быйыл өртүкнүт ото таныктаах, өртүк күрүөтүн абырахтаан сүөһү таах тахсан барыһы; өттүгүн тоһутан эрэйи көрбүт, үрдүк өттүктээх дьахтар элбэх оҕолоох буолар, өттүктээн охторор албастаах.*

Домох – номох: Саха тылыгар *номох* диэн уос номоҕо кэпсээни ааттыллар. Онуоха олобуран, тыл номоҕун бэргэнник этэр сомоҕо тылы ааттаары *номох* тыл *д* дорҕоонун уларытан, *сомоҕо домох* диэн тизермин тылы үөскэппиттэр: *Номох* этэринэн биһиги төрүттэрбит бу дойдуга дойду сириттэн кэлбиттэрэ үһү. Н.С. Григорьев – саха тылын сомоҕо *домоҕун* бастакы чинчийээчи.

Айылба – айылгы: Сахалыы санаҕа бу суолталара туспа тылы үгүс дьон араарбат *айылба* диэн туттар. Дьинэр, *айылба* «природа» диэн өйдөбүллээх, ону «природный, төрүтэ» суолтаҕа тутталлар. Оттон *айылгы* «бэлиэтэ», «ис номоҕо», «төрүтэ» диэн өйдөбүллээх. Арааһа, нуучча тылын «природа» тылын икки суолтатыгар оҕустаран, бу тыллары солбуһуннара туттар үгэс үөскээбит быһыылаах.

Аҕабыт – аҕабыыт: сахалыы *биһиги аҕабыт* диэн тардыылаах аат ситимиттэн үөскээбит *аҕабыт* тылтан танара үлэһитин *аҕабыт* диир үгэс олохсуйбут. Омуоньум тыллары араараары танара үлэһитин *аҕабыыт* диэн этэр буолбуттар. Онон *наш отец* диэн тылтан икки суолта үөскээбит: төрөппүтү – *аҕабыт*, танара үлэһитин *ы* доҕоону уһатан этэн – *аҕабыыт* диэбиттэр.

5). Нуучча тылыттан араас кэмнэ киирэн, тус туһунан суолталаммыт аат тыллар: **устуоруйа – остуоруйа**: *Аныгы оҕо Өктөөп өрөбөлүүссүйэтин устуоруйатын кэрэхсээбэт, устуоруйа хаамыыта биһигиттэн тутулуга суох, дойдубут устуоруйатын кэрэхсэх тустаахпыт; кырабар эбэм араас остуоруйаны кэпсиирэ, саха остуоруйаларын бэчээттээбиттэр, антаах остуоруйалары ааҕарбын сөбүлүүбүн.*

6) Солбуйар аат – аат тыл: **Мин – миин:** Саха дьоно күөһү буһарбыт ууларын **мин** диэн ааттыыллара. Ону кэлинги кэмнэ *и* доржоону уһатан *миин* диэн ааттыыр буоллулар. Төрүөтэ – *мин* диэн омуоньум сирэй собуйар ааттан араараары итинник сангарар буолбуттар.

7) Туохтуур – туохтуур: **гын – кын:** *хайаа, үлэлээ-хамсаа диэн суолталаах туохтуур этикэ өттүнэн туспатынан тус туһунан дьайыыны бэлиэтиир буола көспүт: Тугу гынар буолабын? Гынар иис элбэх, балыкка туу өрөбүн, илим баайабын; дьахтары кына илик оёону бадьыыстаама.*

Дэмнээ-нэмнээ: *дэмнээ* – күүркэт, дарбат: кыра дьыаланы хаһыакка олус дэмнээн суруйбуттар, кини ама да собуһу дэмниир үгэстээх; *нэмнээ* – убарыт, ортотун тут, сөбүн бул: дьыаланы нэмнээн көрүөх баара, уустук боппуруоһу наллаан нэмин булан быһаарар баҕайы.

Дөй-төй: *дөй*– өйгүн сүтэр, унк (терять сознание): Аан дойдуну унуор дылы дөйөн хаалбыт, сүүскэ биэрбитигэр дөйөн тэртэс гынан хаалла; *өй-төй* сылдыбыт, онон тугу гыммытын оччо өйдөөбөт, өйүкү төйүкү эрэйдээх итиччэ сылдыарыгар махтал.

Дьансай-ньансый: *дьансай* – арахпакка такай, үөрэт, быһа суох быһаар: киһи буолаарай диэн дьансайабын да, туһа суох, кур бэйэтэ кубулуйбат, дьансайан да туһа суох, өй киирбэт илэчиискэтэ; *ньансый* – арахпакка сангар, сэмэлээ: ньансыйан-ньансыйан дьонун кэлэппит, Мин ньансыйарбын иннинэн истибэт.

8) Ситим тыл – ситим тыл: **онтон – оттон:** *онтон* – ол кэнниттэн: *Маннай мин сүүрдүм, онтон быраатым түһүннэ. Маннай оёонньор, ол кэнниттэн эмээхсин, онтон уоллара, кини кэнниттэн кыыстара, онтон ыттара... турбуттар; Уолаттар киинэбэ бардылар, оттон биһиги тыйаатырга сылдыарга быһаарынныбыт. Кеша өрүү үчүгэйтик үөрэнэрэ, оттон биһиги куруук орто буоларбыт.*

9) Эбиискэ – эбиискэ: **да – даа:** Бу эбиискэ тылга кылгас уонна уһун аһаҕас доржоонноох туттуллуута киниэхэ уратылаһар суолтаны биэрэр. Ону сорох дьон араарбакка солбуһуннара тутталлар: *ким да* (даа) *кыһаллыбат, туох да* (даа) *буолбата; бэйэм да* (даа) *билбэппин кэлбитэ да* (даа) *киирбэтэ, хаһан да* (даа) *сылдыбатаҕа, ылаа да* (даа), *ытаа да* (даа) *кыһаллыбатпын.* Өссө баар буолаллар санга дэгэтин көрдөрөргө *да* эбиискэни уһатан этэр түгэн. Ону сорох дьон кылгатын этэр-суруйар: *Мин даа* (да)?, *кэпсээ даа* (да), *көрдөһөбүн, Тойон оёотобун даа* (да)? Иэйиитэ суох санааны этэргэ кылгас, иэйиилээх-күүрүүлээх санаҕа уһун аһаҕас туттуллара ордук.

10) **Дуу-ду, дии-ди** эбиискэлэр саха тылыгар уһун аһаҕас дорҕоонноох көрүҥнэрэ нуорма курдук. туттуллар буолбут. Ону сорох дьон кылгас барыйаанынан санарар. *Көрөбүн дуу (ду), көрбөккүн дуу (ду)? Бу эн дуу (ду), ким дуу (ду)? Ол эн эбиккин дии (ди)? Онон биир сиртэн сылдьар дьон буоллахпыт дии (ди)!*

11) Туохтуур олоҕун дьуптуонунан бүтүүтэ киэн уһун аһаҕас дорҕоонноох көрүҥэ нуорма быһыытынан олохтоммут, онон омуоньумнуу дьуптуон бүтүүлээх көрүҥэ кэлэр кэм үһүс сирэйдн бэлиэтир халыып быһыытынан уонна араас аат тылы көрдөрөргө туттуллар: *төлөө – төлүө: эн иэскин кини төлүө – бэбэһээни иэскин умнубакка төлөө;* ытаа – ытыа: *киэнник киһи истэрин курдук ытаа – кини кырдьык да ытыа, ытыа бүтэ илигинэ кэлбиттэр.*

12) Дорҕоону барыйааннаан этии олоҕуруутуттан үөскээбит сирдэр ааттара. Манна Саха сириг да омук сиригэр да былыр үөскээбит ааттары көрүүххэ сөп.

Манган – Маган: бу тыл саха *манган* диэн тылыгар *г – н* аралдьыһыытын түмүгэр олоҕурбут буолуон сөп.

Томмот – тонмот: бу тыл сахалыы *тонмот* аат туохтууртан төрүттээх буолуон сөп.

Чарапчы – Чурапчы: бу тылы сорох чинчийээччилэр сахалыы *чарапчы* дын тылтан тахсыбыт диэн быһаараллар.

Көрөргүт курдук дорҕоон аралдьыһыытын көмөтүнэн туспатыар тыллары туспа суолталаан туттуу туспа тылы үөскэтэргэ киэнник туттулуон сөп эбит. Маннык ньыманнан тылы үөскэтии көдүүһэ быһаарыллар:

Бастакытынан, омуоньум тыллар туттуллуулара аһыйыыр. Холобур, *сонун – саҥа, сонун (солун) – нуомас.*

Иккиннинэн, түөлбөннөн барыйааннаан санарыллар тыллар көдүүстээхтик саҥа тылы үөскэтэр номохтонолор. Холобур, *дэмнээ – дарбат, омоннаа; нэмнээ – ортотун тутус, сөбүн бул, аргый наллаан.*

Үсүһүнэн, тылы нуорбалаан санарыыга, суруйууга, тыл култууратыгар болҕомто күүһүрэр. Холобур, *айылҕа – тулалыыр эйгэ; айылгы – айыллыыта, төрүт оноһуута, төрүөтэх бэриллээтэ.*

Төрдүһүнэн, сир аатын барыйааннаан санарыыттан үөскээбит сирдэр ааттарын үөрэтии тыл устуоруйатын чинчийиигэ суолталаах чакчыны этиэхтэрин сөп. Холобур хайа түөлбэ дьоно хаһан манна олоро сылдыбыттара быһаарыллыан сөп.

Бэсиккинэн, тыл дорҕоонун туспатытан туттуу түмүгэр үөскээбит тыллар: түөлбэлээн санарыыны көннөрөр аналларын таһынан; тыл

суолтатын чуолкай, чопчу өйдөнөр гынар туһуттан (*аҕабыт – аҕабыт, мин – миин*); туспа суолталаах тылы араарар наадаттан (*айыы – аҕыы – аһыы*): *айыы* – айан таһаарыы; *аһыы* – буруйу, алҕаһы, куһаҕаны, оноруу; *аҕыы*–танара, сырдык тыын, санаа туһаныллаллар.

Алтыһынан, бу ныманы саха тылын тылы үөскэтиитин дын баар чаччытын быһыытынан билинэн, анаан чинчийиэххэ уонна тыл тутуутун биир суолталаах дьаһалын быһыытынан көрөн барыпагаандалыахха, туһанар тэрээһини тиэрмини онорууга уонна таба суруйууга олохтуохха.

Литература

1. Саха билиҥҥи тыла. Морполуогуйа. Эппиэттиир эрдээктэр, бэрэпиэссэр Г.Г. Филиппов. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.

2. Татарская грамматика Т. 1. Ответственный редактор академик Закиев М.З. – Казань: Кн. изд-во, 1993. – 584 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_047

Алексеева Е.К.

ОТРАЖЕНИЕ В ТОПОНИМИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАМУНХИНСКИХ И ТЮГЯСИРСКИХ ЭВЕНОВ

Ламунхинская и тюгясирская группы эвенов занимают территорию Северо-Западного Верхоянья, в языковом и культурном отношении имеют ряд особенностей от других локальных сообществ. В геоландшафтном отношении ареал проживания исследуемых групп относится к горно-таежной зоне, представленной многочисленными водораздельными цепями системы горных узлов и отрогов Верхоянского хребта. Таёжно-горный «кормящий ландшафт» обеспечивал полноценную их жизнедеятельность - природно-географические условия подходят для традиционной жизнедеятельности эвенов, прежде всего, для ведения охотничье-оленоводческого хозяйства, а также для прибрежного озерного и речного рыболовства. Издавна отличительной особенностью таёжного оленого хозяйства является выпас оленей небольшими стадами. Кроме горно-таежного ландшафта, свою роль сыграла и богатая фауна – снежные бараны и лоси, охота на которых составляла основу жизнеобеспечения этноса.

Культурная система ламунхинских и тюгясирских эвенов, которая условно может быть названа «культурой горы и тайги», нашла свое отра-

жение в распространении топонимов в труднопроходимом горнотазежном и малонаселенном геопространстве, что обусловлена богатой лексикой, связанной с ориентацией и передвижениями по тайге. В горнотазежном ландшафте каждый географический объект у кочевников имеет свое название. «Названность» земли означает планирование передвижения, места встреч, возможность построения социальных отношений [3, с.376], что было весьма актуально для жизнедеятельности кочевых эвенов, для которых «сложное и суровое» пространство с многочисленными водоразделами, труднодоступными возвышенностями требовало дисциплины и ответственности, прежде всего, в целях сохранения своего рода и немногочисленного оленьего стада.

У каждого народа, наряду с универсальными способами, существуют свои традиции в наименовании территории, связанные в первую очередь с мировоззрением и этническими способами освоения среды – прежде всего, видами хозяйственной деятельности. Тунгусские топонимы исключительно информативны с точки зрения экологических особенностей территории – её природных ресурсов, растительного и животного мира, ландшафта [3, с.378]. Так, у тунгусских эвенов *р. Тенкели*, правый приток Улахан Саккырыра – «*река у густого леса*», *р. Бытаня*, левый приток Улахан Саккырыра – «*место, где зимует сурок*», у ламунхинских эвенов *р. Навтандя* – «*обильная ягелем*», *р. Сетачан/Хетачан* – «*тальниковая*» [2, с.69, 75].

Интересным является этимология гидронима *Тумара*, правого притока *р. Алдан*. По данным известного якутского топонимиста Багдарыина Сүлбэ, *Тумара* – якутский географический термин – «*тундра; болотное пространство в тайге, поросшее кустарником*» [1, с.107]. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарский приводит три значения слова «*тумара*»: *густой туман; место влажное и безлесное; название реки правого притока р. Алдан*. В. А. Кейметинов считает, что название *р. Тумара*, если оно имеет якутское происхождение, никак не отражает реальный ландшафт – для долины этой реки не являются характерными особенностями густой туман и безлесность, наоборот, здесь часто встречается обильная растительность – ели, тополя, березы, осины, ольха. По данным В.А. Кейметинова, эвены-наматканы (ламуты) нередко эту реку в разговоре между собой называли *Нюмара*, что в переводе означает «*предостерегающая*», «*заставляющая быть осторожным*», «*приносящая беспокойство*». Полноводность и стремительность течения рек, нередкое соседство с медведями и волками заставляли эвенов постоянно остерегаться чего-нибудь, быть как можно осторожнее, что по-эвенски означает

«нюмэрэ». Тем самым *Нюмара* по народной этимологии могло превратиться в *Тумару* [2, с.80].

Итак, у ламунхинских и тугясирских эвенов встречаются местные географические термины, которые можно разделить на несколько смысловых групп: названия, связанные с географическими особенностями территории – ландшафтом и природными ресурсами; названия, связанные с особенностями жизнедеятельности; названия, связанные с различными хозяйственными предметами.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии: крат. науч.-попул. Очерк / Багдарыын Сүлбэ; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.
2. Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии – Якутск, 1996 – 186 с.
3. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012. - 604 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_048

Кузьмина Р. П.

ОТРАЖЕНИЕ ЗООМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ЭВЕНСКОЙ ТОПОНИМИИ

Современная антропологическая парадигма в лингвистике предполагает исследование мира сквозь призму национального языка. Наименования местностей в эвенской топонимике репрезентируются антропоморфным, соматическим, зооморфным кодами культуры, которые отражают мировоззрение и экологические представления, свидетельствующие о духовной связи человека с окружающим миром.

В моделировании географического ландшафта эвенов зооморфный код культуры играет немаловажную роль. Согласно В. В. Красных: «данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами» [2, с. 247].

Исследователями отмечается, что в бассейне каждой реки непременно встречаются гидронимы, образованные от названий животных (включая не только зверей, но и птиц, рыб, насекомых, при этом, не только во-

доплавающих, и даже представителей видов, не обитающих в данных местах). Они обычно составляют до 12 % от всей массы гидронимов [4, с. 21].

Наименования местностей в эвенской топонимике происходят в основном от названий рек, озер с использованием различных цветообозначений, антропонимов, а также с использованием особенностей окружающей флоры и фауны [3]. Здесь является частотным именование гидронимов от иносказательных названий тотемных животных, птиц и т.д.

Гидроним **Кягандя** 'большой медведь' произошел от иносказательного наименования медведя *кяга* 'дедушка', которое является заимствованием из юкагирского языка (*киага* 'дедушка' <юк. устар. *кагийя* термин родства). Название образовано при помощи форманта субъективной оценки аугментативного суффикса *-ндя*, который в данном случае показывает не только большую величину, но и имеет положительное оценочное значение, выражающее уважительное отношение и в то же время страх.

Гидроним *Кобычакъ или Кобуха, Кобыча* – искаженная транскрипция эвенского названия **Көргөчэ** – одного из иносказательных наименований медведя. Слово *көргөчэ* произошло от глагола *көргөдэй*, что в переводе на русский язык означает 'реветь', 'издавать страшный звук'. Само же слово означает 'заревевший' или 'ревун' [1, с. 103].

О некоторых наименованиях местностей, рек и озер у эвенов бытуют различные топонимические предания, которые дают объяснение того или иного топонима. Гидроним **Аркачан** является притоком реки *Эчий*, впадающей в реку Дулгалах, затем в реку Яна. По поводу данного названия эвенка из рода ньяку С. К. Кривошапкина рассказывает предание, в котором дается этимология данного названия реки: «В давние времена выдался голодный год. Осенью один охотник (на своем верховом олене) поехал охотиться на горных баранов и свалился с отвесной скалы вместе со своим верховым оленем. И охотник, и олень погибли. Люди рассказывают, что потом нашли череп оленя и с тех пор эту реку стали называть «голова старого верхового оленя (кастрированного)» – **Аркачан** от *аккичандилон*. В переводе с эвенского на русский язык *аккичан* ~ *аткичан* означает «старый верховой олень (кастрированный)». Возможно, данный гидроним эвенкийского происхождения, так как в чумиканском говоре и чульманском диалекте эвенкийского языка употребляется лексема *аркичан* с тем же значением, что и в эвенском языке [3, с. 80].

Некоторые «зоологические» наименования эвенских топонимов, образованные при помощи суффикса обладания –*лкан* дают прямое объяснение происхождению того или иного названия. Гидроним **Сиритилкян** `река, имеющая муравьев` произошел от слова *һирит*, означающего `муравей`, присоединением суффикса обладания –*лкан* [3, с. 31]. Название гидронима **Накаталкан**, в дословном переводе `имеющая медведей`, образовано от слова *накат* `медведь` при помощи аффикса обладания –*лкан*.

Таким образом, для эвенской топонимики является характерным именование гидронимов от названий животных, в том числе и тотемных. Топонимическая лексика эвенов обладает этнокультурной информацией, отражающей языковую картину мира и мировидение народа.

Литература

1. Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск, 1996. 186 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. –М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
3. Кузьмина Р.П. Отражение языковой картины мира в топонимике региона// Научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий». Г.Сыктывкар, 2017. №4(40). С.76-81.
4. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э. и др. Теория и методика ономастических исследований. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_049

Чертыкова М.Д.

КОНЦЕПТ ЧҮРЕК/СҮРЭХ «СЕРДЦЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ХАКАСОВ И ЯКУТОВ

Исторические, этнографические, культурные и лингвистические взаимодействия двух сибирских тюркских народов – хакасов и якутов – привлекают внимание многих исследователей в различных областях науки [Убрятова 1960; Зыков 1981; Бутанаев 1984; Гоголев 1988; Широбокова 2005 и др.], которые отмечают определённые общие и отличительные признаки в их системно-структурном облике на фоне соответствующих внешних и внутренних факторов.

Сравнительно-сопоставительное исследование национальных языковых картин мира, в первую очередь, призвано ответить на следующие вопросы: 1) в чём национально-специфическая особенность языковой картины мира конкретного этноса? 2) взаимопроницаемы ли ментально-

когнитивные видения мира разных, пусть даже родственных, народов, выработанные в разных жизненных условиях и под влиянием различных исторических, природно-климатических факторов? О.А.Корнилов понятие «национальная языковая картина мира» определяет как «запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово видение вкладываются понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание, а в понятие сущего – не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием» [4, с. 140]. Из сказанного следует, что лексемы, в частности, именующие те или иные концепты, являются кодово-знаковыми, и отражают национальное мировидение каждого народа.

Фразеологические единицы с компонентом–соматизмом, в связи со своей продуктивностью и частотностью, становятся объектом исследования на материале многих языков. Человек воспринимает окружающий мир через себя: через свои физиологические и эмоциональные ощущения, ассоциативные образы и представления, что получает прямое отражение в семантической сфере языка. В общетюркской картине мира «концепт «сердце» обладает развитой системой когнитивных образов и ассоциаций: это –местилище определенных чувств, настроений; источник храбрости, жизненной энергии и силы, трудолюбия; биологического и духовно-ментального центр человека и т.д.» [7, с. 512].

В хакасской языковой картине мира лексема **чүрек** «сердце» является своеобразным кодом видения мира таких эмоций, как горе, печаль (*чүрек сыста-* «букв. сердце болит», *чүрек ачы-* «букв. сердце саднит»), волнения (*чүрек сіртле-* «букв. сердце трепещет», *чүрек талбыра-* «букв. сердце трепещет»), воодушевление, вдохновение (*чүрек көдіріл-* «букв. сердце поднимается», антипатии (*чүрек парбасха-* «букв. сердце не идёт», *чүрек чатпасха-* «букв. сердце не лежит»), брезгливость (*чүрек өл-* «букв. сердце умирает»), очарование (*чүрек апта-* «очаровать, пленить») и т.д. Аналогичные же выражения эмоций мы встречаем в якутских глагольно-именных фразеологизмах: *сүрэҕим тыытта* «у меня сердце защемило; у меня сердце дрогнуло», *сүрэҕин сүүй* «очаровать, пленить», *сүрэҕин хайыт* «сильно напугать кого-л.», *сүрэҕэ ирдэ* «смягчаться, становиться ласковее; букв. сердце его растаяло» и т.д. [5, с. 147-150].

Система когнитивно-ассоциативных образов сердца в хакасском представлении, в основном, ограничивается обозначением эмоциональных переживаний и настроений. Также можно выделить участие хакасского компонента **чүрек** «сердце» в обозначении характеристики человека, где прилагательное в качестве определителя указывает, чаще, на такие

полярные качества, как доброта (*нымзах чүрөктіг* «букв. с мягким сердцем», *чагбан чүрөктіг* «букв. с постным сердцем» и др.); жестокость (*хатыг чүрөктіг* «с твёрдым сердцем», *соох чүрөктіг* «с холодным сердцем») и т.д. Якутская же образно-ассоциативная система сердца представляет богатую картину, например, в отличие от хакасского **чүрек**, якутское **сүрэх** имеет переносное значение «[...] энергия, старание, жажда деятельности; *сүрэбэ бэрт* деятельный, трудолюбивый; *сүрэбэ батарбат* (или *тулуппат*) он не усидит на месте (без дела); *сүрэбин бабатынан* по желанию, охотно; *сүрэх бабарар да, сүһүөх уйбат* погов. сердцу хочется действовать, да сил не хватает (соотв. видит око, да зуб неймёт) [...]» [9, с. 351]. Предполагаем, что представление сердца, как источника силы и энергии, даёт возможность расширяться семантической цепочке якутской **сүрэх** в направлении признаков: трудолюбие, усердие, например, *сүрэх-бэлэс* трудолюбие, усердие, прилежание // трудолюбивый; и *сүрэхтээх* «трудолюбивый, усердный, прилежный; *сүрэхтээх киһи* трудолюбивый человек; *сүрэхтээх үлэһит* усердный работник; *сүрэбэ суох* лентяй; *сүрэхтээх киһи сүгүн буолбат* погов. трудолюбивый человек зря время не проводит; *сүрэбэ суох сүбэлээх посл.* лентяй смекалист на отговорки» [9, с. 351]. С якутским понятием «трудолюбие» имеет смысловую связь или метонимическое выражение тофаларская лексема: *чүрөктіг* «перен. прилежный».

Выводы:

1) активное участие соматизма **чүрек** / **сүрэх** «сердце» в концептуальной сфере хакасов и якутов обусловлено: а) его принадлежностью к древнейшему общетюркскому лексическому фонду; б) его частотностью, способностью к метафоризации и богатым фразообразовательным потенциалом;

2) якутская система когнитивных образов и ассоциаций сердца шире, чем хакасская: семантическое пространство **сүрэх** «сердце» помимо выражения эмоциональных переживаний включает и такие дифференциальные признаки, как трудолюбие, усердие, крещение.

Литература

1. Бутанаев В.Я. О якутско-хакасских лексических параллелях // Проблемы реконструкций в этнографии. Сборник научных статей. Новосибирск. 1984. С. 114-121.
2. Гоголев А.И. Якутско-хакасские историко-культурные связи // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 6-21.
3. Зыков Ф.М. О некоторых якутско-хакасских этнокультурных связях: по материалам жилища // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1981. С. 157-162.

4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
5. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т.1-й. 287 с.; 2002. Т.2-й. - 420 с.
6. Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во АН СССР. 1960. - 13 с.
7. Чертыкова М.Д. Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2018. №3 (70). С. 511-513.
8. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука. 2005. - 269 с.
9. ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П.А.Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. - 568 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_050

Варавина Г.Н.

БАЗОВЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ (человек – пространство – время)

Статья посвящена фундаментальной проблеме духовной природы бытия, философско-религиозным идеям многомерности Космоса и многомерности Человека. Автором реконструируется ментальная картина эвенов и эвенков, предпринята попытка раскрыть сложный комплекс символических представлений, связанных с категорией души на уровне традиционной и современной культуры. Изучение мифологического и фольклорного наследия показывает, что в XIX – начале XX вв. у эвенов и эвенков существовали сложные верования и представления, которые складывались из различных пережитков культов, шаманских воззрений и категорий христианской культуры. Они настолько переплелись между собой, что четко их разграничить почти не представляется возможным. В связи с этим, структура мифологической модели мира была сложной и противоречивой: мир инобытия отличался своеобразной конструкцией и особенностями месторасположения. Особенно это касается шаманских представлений, в которых одновременно сосуществовали вертикально-горизонтальные компоненты модели Вселенной, согласно которым верхний и нижний миры имели многоярусное строение. В то же время, верх-

ний мир ассоциировался с югом и востоком: верх–юг (восток) – рождение, а нижний – с севером и западом: низ–север (запад) – смерть. Связывались миры с помощью мифического дерева и космической реки как структурообразующих основ всего Мироздания. Главным символом верхнего мира являлось мифическое родовое дерево, которое мыслилось как хранилище душ людей, как символ рождения, роста, вечного обновления и возрождения. Важным мифологическим символом, элементом сакральной топографии Вселенной являлась космическая река, являвшаяся границей между миром людей и миром мертвых (мир предков).

В любом традиционном обществе, как известно, жизнь человека проходила на двух уровнях: уровне повседневного бытия и уровне символической реальности. Мифологическое мышление было главным способом осознания и поддержания гармоничного равновесия Природы и Человека. Обрядовый и ритуальный комплекс, а также вся шаманская и культовая практика народов Сибири и Севера, в том числе эвенов и эвенков, были направлены и сосредоточены на защиту души человека, семьи, рода, на поддержание непрерывности жизни в ее круговороте: рождение – жизнь – смерть. В их традиционных верованиях существовали представления о связи души с родом. Когда рождался ребенок, то считали, что это возвратился их умерший родственник.

У эвенов и эвенков, как у многих народов Сибири и Севера, существовали представления о множественности душ человека и о душах, живших отдельно от тела. Глубинная семантика слов, обозначающих понятие души, отражают архаичный мировоззренческий фонд тунгусо-маньчжурской картины мира. Одной из важных характеристик образа души человека было посмертное существование души в качестве духа предка. Она после смерти человека странствует по мирам Вселенной и через какое-то время вновь возвращается в мир живых, совершая, таким образом, жизненный круг человека.

Архаические представления о душе выступали важной и необходимой категорией традиционной картины мира тунгусоязычных народов Якутии. На основе когнитивного и лингвокультурологического анализов были выявлены сущностные характеристики концепта души: множественность, парциальность, «свободная» душа, трансформация, бессмертие, реинкарнация, связь души с родом, именем. В традиционном мировоззрении эвенов и эвенков душа человека имела разные символические воплощения и эквиваленты, например, представления о душе были тесно связаны с тенью, и она рассматривалась как часть души человека. Эквивалентом души человека также являлись волосы, которые представляли

собой материальное воплощение невидимой «нити-судьбы». Мифологема «волос-нить-судьба» была тесно сопряжена с ритуальным комплексом. Так, существовали многие обряды и ритуалы, основанные на сохранении души человека, а также различные табу, связанные с волосами. Универсальный мотив «птица-душа» реализовывал семантическую пару «птица-дым».

В религиозных верованиях эвенов и эвенков существовали сложные представления о цикле перевоплощений человеческой души. По традиционным представлениям, начало рождения души, появление жизни связано с душой *оми*. Этот элемент души тесно перекликается с представлениями якутов о *ийэ-кут* «мать-душа». Понятие *ханян* «душа-тень» включало в себя представления, связанные с миром предков, и выступало своеобразным маркером между миром живых и мертвых. Глубинная семантика слова *ханян* (*һанян*, *һанан*) отражает архаичный мировоззренческий фонд тунгусо-маньчжурской картины мира. Его значение соотносится с понятием «душа» и «предок». В понятии *бэен* «телесная душа» заложены разные смысловые характеристики: «здоровье», «личность», «поколение», «жизнь» и др. Более того, в имплицитной форме здесь можно говорить и о складывании социальных бинарных оппозиций «мужское/женское», «родное/чужое», «природное/культурное». Соотнесение телесной души *бэен* с образом берега, возможно, связано с представлениями о временном пребывании человека на земле и уходе в мир мертвых по реке. Слово *маин* «душа-судьба» у северных тунгусов несет в себе ключевые символические характеристики, связанные с разновременными мировоззренческими пластами тунгусской картины мира. С одной стороны, это архаичные мифологические представления охотничьих сообществ: хранитель душ людей и животных, ниспосылающий удачу на охоте; охотничье счастье; дух-хозяйка верхнего мира, небесная старуха; покровительница рода, семьи, с другой – шаманские воззрения и поздние христианские заимствования: дух-хозяин верхнего мира, дух-покровитель шамана, святой, бог, Иисус Христос.

Представление о круговороте души у эвенов и эвенков: Верхний мир – *оми* (душа) = *ханян* (видимый двойник души, тень) – земной мир – огонь домашнего очага – рождение – *бэен* (телесная душа) – жизнь – смерть – уход *ханян* умершего = *оми* в верхний мир, к истоку мифической родовой реки – уход *бэен* в мир мертвых (устье мифической родовой реки) – погоня духа-предка за *ханян* – *оми* вверх по реке – превращение души в птицу или животное – верхний мир – *оми* (душа) = *ханян* (види-

мый двойник души, тень) – земной мир – огонь домашнего очага – рождение человека с телесной душой *бэен*.

Таким образом, у эвенов и эвенков существовали представления о множественности души человека и душах, живших отдельно от тела, а также о ее реинкарнации. Когнитивный и лингвокультурологический анализы позволили выявить разные смысловые характеристики архаичной языковой картины мира эвенов и эвенков, где концепт души аккумулирует различные значения: «дым», «тень», «отражение», «изображение», «мысль», «нить», «берег», «тело», «рост», «идол», «поколение», «предок», «жизнь» и др. Все эти символы «перетекают» по полю культуры и организуют подвижную знаковую систему по оси: начало – рождение – смерть – начало.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_051

Алаганчакова Н.О.

ГИДРОНИМЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА СЕБЯН-КЮЕЛЬ КОБЯЙСКОГО РАЙОНА

Эвены – это народ, освоивший районы тундры и горной тайги, имеющий обширный ареал расселения, что служит дополнительным мотивом к изучению топонимов и гидронимов в их языке. Они несут в себе ценную информацию о труднодоступных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также знания о быте, укладе, расселенности данной народности (орочи, ламуты, тунгусы). Следы эвенского языка можно найти в названиях многих рек тундры и тайги. Лена – крупная река Сибири – в переводе с эвенского «большая река» (елюенэ, элюенэ). Енисей – «очень большая река» (йэnnэги, йэндэги). Название реки Ангара имеет эвенско-бурятское происхождение, в основе лежит корневая система «амңа» (пасть животного, рот) [1].

Настоящая статья направлена на изучение гидронимов окрестностей села Себян-Кюель Кобяйского района. В дальнейших планах охватить весь Ламыньинский наслег. Анализ опирается на работы В.А. Кайметина [2]. Источником фактического материала послужил Эвенко-русский словарь, где выделялись лишь те названия, которые нашли реальное подтверждение в настоящее время. Полученные результаты могут быть полезны при реализации краеведческого направления в общеобразовательных школах, во внеклассной работе (кружки, секции), в сфере

туризма, способствовать пропаганде патриотизма, любви к родному краю, нравственному воспитанию подрастающего поколения (воспитанию уважения к истории своего народа, традициям, языку). Собранные материалы будут отражены в школьном пособии, подробно описывающем выделенные топонимы.

В результате проделанной работы было выявлено 45 гидронимов эвенского происхождения. Названия водных объектов интересно сплетаются с характеристиками рельефа местности и указывают на присутствие возвышенностей (скала, гора, перевал, хребет, утес), неровностей (седловина, котловина, лощина, гора, хребет). Также в названиях могут быть зафиксированы конкретные разновидности тех или иных форм: например, лощины (балка, каньон, промоина, овраг, долина) или горных пиков (перевалы, плато, остроконечные вершины, теснины, ущелья, щеки). Такое точное описание особенностей ландшафта имеет первостепенное значение при ориентации в пространстве.

Выделенные гидронимы мы разделили на шесть групп:

1. Гидронимы, указывающие на особенности дна, глубину объекта, а также характеризующие рельеф местности и ландшафт. Например, «Авландья» – место без деревьев, «Калдин» – плоский покатый край скалы, заканчивающийся обрывом.

2. Гидронимы, названия которых происходят из растительного мира: «Игэлтэ» – место произрастания красной смородины, «Нэргэт» – место произрастания пушицы влагилицной, «Хякитачан» – лиственница, «Болгит» – кедровый стланик.

3. Антропонимические гидронимы, тематически относящиеся к жизнедеятельности человека (людей), проживавшего или проживающего здесь: «Нөкөндьө» – большой лабаз (сарай), «Атикачан» – старая женщина, женщина в возрасте, «Бэймон» – букв. «могила человека».

4. Гидронимы, отражающие форму и размер водоема. Примерами служат названия многих рек: «Дэтлэндэ» – река, характеризующаяся обилием небольших ручейков и имеющая форму крыла («дэтлэ» крыло). Русло реки напоминает по форме распрямившиеся крыло. «Ноам» – длинная река, «Өлөндьө» – река, заканчивающаяся водопадом («Өлын» – водопад), «Бурандя» – река, протекающая по местности, где часть леса отделилась и растет в стороне, «Дөһөвул» – прямая река. Она впадает в другую реку «Куникит». Устья этих рек дают начало третьей – Лэписке.

5. Гидронимы, названия которых относятся к животному миру. «Кягандья» – огромный медведь, «Нэдэми» – рысь, «Тимпаркит» – ме-

сто, где что-то разбилось, разрушилось, сломалось, перемешалось (образовано от глагола «тимпардай» – разбиться, раскрошиться).

6. Гидронимы, характеризующие особенности горных систем (их рельеф и строение): «Таһандьа» («тагиндья»), по мнению В.А. Кейметинова [2], происходит от слова «тагин» – горная равнина. «Тэкэмкит» – рваный, порванный (от глагола «тэкэрдэй» – порвать), «Мунни» – гниение (от глагола «мундэй» – гнить, разлагаться), «Чоркинбал» – гидроним, образованный от двух слов – «чоркич» (кулак) и «бал», «Өрүлэтти» – водный объект, окружающий что-то, протекающий вокруг. «Таганка» – плоское место в горах, покрытое горами; «лежанка», место отдыха баранов в горах.

Важно не останавливаться на достигнутых результатах, продолжая топонимические исследования, внося посильный вклад в изучение истории родного края, жизнедеятельности наших предков, и в сохранении эвенского языка.

Литература

1. Афанасьева Е.Ф. Об особенностях эвенкийских топонимов // Тюрко-монгольские встречи: диалог культур: Материалы междунар. научно-практ. конф. (27-28 ноября 2003). – Улан-Удэ: ГУП «ИД «Буряад Унэн», 2004. – С.15-20.

2. Кейметинов В.А. По тропам тысячелетий: (Геогр. лексика эвенского яз. и топонимика как свидетельство специф. духовности предков соврем. эвенов) /М-во образования РС (Я), Научно-исслед.ин-т нац. школ, М-во по делам народов РС(Я) и федер. отношениям. – Якутск: Изд-во ИРОМО РС(Я), 2000. – 180с.

3. Кейметинов В.А. Эвенско-русский словарь. Толкование и этимология/ В.А.Кейметинов: М-во образования РС (Я), Научно-исслед. ин-т нац. школ. – Якутск: Офсет, 2005. – 200с.

4. Кривошапкин А.А., Яковлев Ф.Г. Снежный баран Верхоянья/ М-во охраны природы РС (Я), РАН СО ЯНЦ, Ин-т биологических проблем криолитозоны.- Якутск, 1999. – 136с.

5. Самсонов Н.Г. Два языка – два родника/ Художник В.Р. Андросов.- Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1993. – 176с.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья обсуждает современные методологические подходы фольклорных исследований, представленные в книге Л. Олсон, С. Адоньевой «Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс». В книге [1] американской и русской исследователей изучаются и интерпретируются личные истории трех поколений русских женщин: дооктябрьское поколение, поколение 1917 – 1929 гг. (до Большого перелома) и поколение 1930-1950 гг., молодость которого пришлось на послевоенные годы. В рассказах женщин русской деревни (по результатам этнографических экспедиций) предстали наиболее значимые сферы женского знания и дискурса – темы ухаживания и свадьбы, мелодраматизм песенного репертуара и трансгрессивность частушки, магические и религиозные практики, межпоколенческие отношения родства и свойства, отношения с мертвыми.

Книгу характеризует широкое использование современных методологических подходов, выход за рамки фольклористики традиционной парадигмы («записывать все, что поет и рассказывает деревня»), взаимодействие с современным психологическим, социально-антропологическим и лингвистическим знаниями. С. Адоньева специально отмечает свою неудовлетворенность структурным и типологическим анализом фольклорных текстов, подтолкнувшую ее к поиску иных методов анализа, к знакомству с другими дисциплинами (лингвистикой, психологией, социологией, антропологией), что позволило превратиться ей из собирателя фольклора во включенного наблюдателя.

Показателен сам подход к информантам, которых авторы предпочитают называть собеседниками. В центре книги – люди, пользующиеся фольклором для своих нужд, а не «носители традиции». По словам авторов, это восприятие традиции, в которой человек сам участвует. Собеседники не воспринимаются как «карты памяти» (устройства для хранения информации), «носители традиции», которые хранят фольклорную информацию для ученых.

Интервью (разговор между членом сообщества и внешним по отношению к сообществу человеком) может дать гораздо больше, чем просто запись фольклорного текста и описание обряда. Такое интервью проливает свет на социальные роли, установки и ожидания, которые мы и наши

собеседники привносим в коммуникацию, а также смыслы и отношения, которые мы конструируем в процессе. Авторы прямо отмечают: «В своей полевой работе мы учились на тех непониманиях, которые случались между нами и нашими собеседницами – деревенскими женщинами» [1, с. 38]. Наблюдения и выводы авторов при этом строятся на собственных рефлексиях.

Динамический контекст интервью можно различить посредством двух параметров, развивающихся в диалоге: 1) социальные роли, которые иницируются, подтверждаются и отвергаются в процессе коммуникации; 2) создаваемое метафорическое пространство, в котором интерпретации собеседников совпадают. Это происходит не только когда миры собеседников близки, но и тогда, когда общее знание собеседников минимально – как это часто бывало в случаях с авторами исследования, горожанками, при общении с сельскими женщинами. При этом авторы отмечают [1, с. 22]: «Хотя мы понимаем друг друга на уровне языка, тем не менее, обсуждая обстоятельства произошедших событий (то есть, задавая вопрос, «почему» что-то случилось), мы должны интуитивно искать общие семантические основания и взаимоприемлемые коммуникативные роли. Так, рассказывая о своем или соседском прошлом либо прогнозируя наше (исследователей) будущее посредством моральных назиданий, наши партнеры по коммуникации создают свое прошлое и наше с ними общее настоящее и будущее. В этом контексте каждая сторона, участвующая в разговоре, использует и транслирует определенные схемы интерпретации, соотносится с определенными моральными правилами и разыгрывает определенные социальные роли». В фольклорной культуре, как и в других культурных явлениях, существует динамическая зона контакта (interface) между индивидуальным и социальным, личным опытом и общей установкой, между традицией и потребностями текущего момента [3, с. 27-30].

Авторы и исследуют конкретные практики и дискурсы, составляющие повседневную жизнь рассматриваемой социальной страты. Показателен круг теоретических работ по коммуникативистике, привлекаемых к обсуждению материала. Привлечены антропологические исследования, гендеристика, исследование субъективности, дискурса, наррации, невербалики – с привлечением работ И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, А. Шютца, М. де Серто, П. Бурдье, М. Фуко, Б. Малиновского, Л. Витгенштейна. Дж. Серля Д. Таннен, Р. Шенка и Р. Абельсона. Исследуются самоидентичность собеседников и их аффилированная идентичность (мнения других о себе), фреймы, сюжеты и сценарии жизни. Идентичность пони-

мается авторами как сеть значимых для человека взаимоотношений с другими людьми и группами. При этом возможны разные типы идентичности: этническая, гендерная, территориальная, возрастная, статусная. Каждая из них не обладает независимым фиксированным существованием, но создается посредством действий, осуществляемых в контексте повседневных коммуникаций и по конкретным причинам. При этом едва ли впервые (сами авторы отмечают, что вслед за работой Т. А. Бернштам 1988) пол и возраст рассматриваются как категории, посредством которых организована картина мира крестьян, как ключевые параметры социальной структуры крестьянского сообщества. Известно, что гендерные характеристики фольклора, за исключением причитаний – собственно женского жанра фольклора – долгое время не принимались во внимание. Конкретными хранителями общего знания фольклористы не интересовались.

Слово «миры» в названии книги – дань социоконструктивизму: «для нас важно указать на то, что люди сами создают социальные миры; иными словами, мир, в котором человек живет, являет собой социальную и культурную конструкцию, в создание которой он вносит вклад. Мы понимаем мир как реальность, постоянно создаваемую социальными (в том числе и коммуникативными) практиками» [1, с. 11]. При этом со ссылкой на Э. Сэпира авторы отмечают, что исследователь может полагать, что он имеет доступ к объективному миру значений, общему для исследователя и исследуемого. Поэтому авторы обращали особое внимание в полевых исследованиях и анализе на язык, в частности на языковые препятствия и коммуникативные провалы, которые помогали лучше понять другую культуру. При этом авторами осознавалась также опасность представить исследуемую культуру более «экзотической», более «отличной» и более «иной», чем нужно.

В современной фольклористике используются понятия сюжета и сценария: сюжета как способа, принятого в данной культуре для толкования прошлого, а сценария, напротив, как инструмента для толкования будущего.

Современная фольклористика опирается на *субъективность* (под субъективностью понимается осознание себя, своих чувств, стремлений, убеждений и опыта в перспективе социальных ожиданий и норм), *агентивность* (понимаемая, в фукоистской традиции, как присущая человеку способность к самостоятельному выбору и действию, в противоположность детерминистическому взгляду на человека, по которому его поведение есть следствие воздействия среды и обстоятельств) и *тради-*

ция. Конечный вопрос, которым мы непременно задаемся: каковы взаимоотношения русских крестьянок с традицией?! Если они видят себя хранительницами традиции, то что это – личный выбор, призвание, роль, вмененная им их сообществами?! Или же источник этой мотивации находится вне сообщества?!

Литература

1. Л. Олсон, С. Адоньева. Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс. - М.: НЛО, 2016.
2. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начале XX в. половозрастной аспект традиционной культуры. - Л.: Наука, 1988.
3. Turner V. The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Rityals. - NY: Cornell University Press, 1967.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_053

Мухомлева С.Д.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ЗАГОЛОВКОВ «ЛИЧНЫХ» ПЕСЕН-ЫРЫА МАНЧАРЫ

Заголовки народных песен являются одним из элементов устного текста и самостоятельной информативной единицей. Они носят описательный характер и варьируются в зависимости от жанра и обстоятельств функционирования. Заголовки народных песен в устной традиции зарождаются в период, когда импровизация с речевой функцией переходит в самостоятельный традиционный текст и попадает в репертуар народного певца [2].

В настоящей работе анализируются структурные особенности и функции заголовков «личных» песен Манчары. Материалом исследования являются тексты 35 песен, изданных в сборнике, составленном Г.В. Поповым [1]. Заглавия песен Манчары многосоставны. Вот их список³: «Ырыа Манчары о родном аласе Кёлёт Мёнгюрён, которую он пел в детстве», «Ырыа, спетая Манчары в адрес Чочо после первого наказания розгами», «Ырыа, спетая прибывшим домой Манчары после побега с Охотской тюрьмы», «Ырыа в адрес Чочо» (2 текста), «Ырыа, адресованная коневоду Сюёдэр» (3 текста), «Ырыа, спетая Манчары при встрече с косарями в местности Бэрэ», «Ырыа, спетая Манчары после задержания

³ Перевод заголовков с якутского языка сделан автором статьи.

в местности Бэрэ», «Ырыа Манчары перед высылкой после задержания его в местности Бэрэ», «Ырыа, спетая Манчары на берегу Ярмарки», «Ырыа, спетая Манчары при проезде перед скотобойней в Якутске», «Ырыа, спетая Манчары после задержания его в наслеге Арангас Мегинского района», «Ырыа арестованного Манчары, спетая на ямщицкой станции Бёгюр», «Ырыа, спетая Манчары жителям Якутска», «Ырыа. Манчары спел Славной Марии после задержания», «Ырыа Манчары Славной Марии», «Ырыа, спетая Манчары Славной Марии» (2 текста)», «Ырыа Манчары, посвященная Славной Марии», «Сетования Манчары Славной Марии: Ырыа, спетая после задержания», «Ырыа, спетая Манчары Славной Марии после задержания», «Ырыа Манчары Федоре», «Ырыа Манчары», «Ырыа: ырыа спел Манчары, взобравшись на сосну [в местности] Арылах», «Ырыа, спетая Манчары своему другу, девушке», «Ырыа, спетая Манчары в тюремном заключении», «Ырыа, спетая Манчары Басылай во время сплава [реки] Лена», «Ырыа, спетая Манчары на Татте при встрече с сенокосчиками», «Ырыа, спетая Манчары во время переправы к городу со стороны Хатыстах», «Ырыа, спетая Манчар в ямщицкой станции Иэсэрдэх во время выезда в Нюрбу на поселение», «Ырыа, спетая Манчары вилюйскому богачу», «Ырыа, спетая Манчары Басылай во время пребывания в Мальджегар», «Прощальная песня-ырыа Манчары при высылке из родины», «Предсмертная песня-ырыа Манчары», «Тойук Манчары».

В состав заглавий «личных» песен Манчары включены название жанра / форма интонирования + имя адресанта + имя адресата + характеристика объекта + время исполнения + место исполнения. Первые два компонента являются константной единицей заглавий. Так, в 35 изданных текстах неизменным компонентом заглавия является обозначение жанра / формы интонирования (*ырыа* / *тойук*). Термин *ырыа* указывается во всех заголовках, кроме одного случая, когда вместо него применяется слово *тойук*. Название жанра / форма интонирования (*ырыа* / *тойук*) в заглавии употребляется один или в сочетании с глаголом / отглагольным прилагательным или прилагательным: «ырыа»; «тойук»; «ырыа, спетая»; «ырыа: Ырыа спел...»; «прощальная песня-ырыа», «предсмертная песня-ырыа». К постоянному элементу заглавий, кроме *ырыа* / *тойук*, относится имя адресанта «Манчары / Манчары Басылай», которое отсутствует только в двух текстах, в которых указывается имя его постоянного антипода Чочо. Имена Манчары и Чочо со временем приобрели нарицательный характер, поэтому в последних двух заглавиях адресант подразумевается.

Адресаты песенного высказывания являются переменным компонентом заглавий, встречаются в заглавиях 18 текстов. Наблюдаются имена исторических лиц: «Чочо», «Славная Мария», «коневод Федор», «Федора». Адресатами являются, кроме того, обезличенные субъекты (девушка-друг детства, вилюйский богач) и коллективные субъекты (жители Якутска, косари).

В заглавиях песен Манчары непостоянными элементами являются обозначения времени и места исполнения импровизаций. Время в песнях *ырыа* Манчары является событийно-сюжетным. Оно передается в заглавии следующими словосочетаниями: «*ырыа*, которую пел в детстве», «*ырыа* после первого наказания розгами», «*ырыа* после побега с Охотской тюрьмы», «*ырыа* при встрече с косарями», «*ырыа* после задержания», «*ырыа* перед высылкой после задержания», «*ырыа*, которую спел проезжая скотобойню», «*ырыа* арестованного», «*ырыа* во время сплава [реки] Лена», «*ырыа* во время переправы», «*ырыа* во время выезда в Нюрбу на поселение», «*ырыа* при высылке из родины», «*ырыа* во время пребывания в Малдьжегар», «*ырыа* предсмертная».

В отдельных заголовках выявляется еще один непостоянный элемент – указание на место публичного или автокоммуникативного исполнения. Они передаются следующими словосочетаниями: «*ырыа*, спетая прибывшим домой Манчары», «в местности Бэрэ», «на берегу Ярмарки», «в Якутске», «в наслеге Арангас Мегинского района», «на ямщицкой станции Бёгюр», «взобравшись на сосну [в местности] Арылах», «в тюремном заключении», «во время сплава [реки] Лена», «на Татте», «во время переправы к городу со стороны Хатыстах», «в станции Иэсэрдэх», «во время пребывания в Малдьжегар».

Итак, анализ показывает, что заглавия «личных» песен Манчары выполняют информативную функцию, сообщают о жанре, кем и кому, когда и где спета песня, раскрывая первичный речевой характер песенных импровизаций Манчары.

Литература

1. Манчаары Баһылай. Ырыалар-тойуктар / Хомуян онгордо Г. В. Попов. – Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэ кыһата, 1994. – 144 с.
2. Мухоплева С.Д. Персонажи и контекст песен-ырыа Манчары в аспекте фольклорной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (66). С. 45-49.

**АЛЛИТЕРАЦИОННО-АССОНАНСНАЯ
ЗВУКОВАЯ ГАРМОНИЯ В ОЛОНХО
«КУРУУБАЙ ХААННААХ КУЛУН КУЛЛУСТУУР»
(«СТРОПТИВЫЙ КУЛУН КУЛЛУСТУУР»)
И.Г. ТИМОФЕЕВА-ТЕПЛОУХОВА**

В настоящее время необходимы разносторонние исследования языка героического эпоса народа саха. Поскольку одним из наиболее ярких свойств языка якутского эпоса является аллитерационно-ассонансная звуковая гармония, мы провели анализ аллитерационно-ассонансной звуковой системы якутского эпоса «Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова.

Звуковая организация данного олонхо почти целиком построена по принципу сингармонизма:

Былыргы дьыл быдан мындаатыгар,
Урукку дьыл кулан уорбатыгар,
Түөрт саха төрүү илигинэ,
Үс саха үөскүү илигинэ,
Икки саха иитиллэ илигинэ,
Кулгаабар кураҕаччы кыыллаах,
Кэтэбэр кэбэ кыыллаах,
Санныгар сар кыыллаах,
Көхсүгэр көбөн кыыллаах,
Өттүгэр өтөн кыыллаах,
Борбуйугар борчук куобахтаах,
Үөһэ Сибииргэ ааттаммыт аата
Төбөтүнэн оонньуур
Чимэчи кугас аттаах,
Аллараа дойдуга ааттаммыт аата
Атабынан оонньуур
Айдаар кугас аттаах,
Орто дойдуга ааттаммыт аата
Кутуругунан оонньуур
[Кунньалык] Куйаар кугас аттаах
Куруубай Хааннаах
Кулун Куллуштуур диэн
Бухатыыр үөскээбитэ эбитэ үһү [1, с. 8].

На далёкой вершине давних лет,
На отдалённом хребте минувших лет,
Когда четыре якута ещё не родились,
Три якута ещё не явились на свет,
Два якута ещё не были вскормлены,
Народился, говорят, богатырь по имени
Строптивый Кулун Куллустуур,
Владеющий конём
С кроншнепом-птицей на ушах,
Кукушкой-птицей на загривке,
Сарычем-птицей на лопатках,
Селезнем-птицей на крупе,
Голубем-птицей на бёдрах,
Серыми зайчатами на подколенках,
В Верхней Сибири названным:
Огненный Рыжий конь,
Который, резвясь, мотает головой;
В Нижнем мире названным:
Буйный Рыжий конь,
Который, резвясь, перебирает ногами;
В Среднем же мире названным:
Вихревой Рыжий конь,
Который, резвясь, помахивает хвостом [1, с. 286].

Приведённый пример – образец эпического периода, состоящего из 4-х эпических формул. Наиболее отчётливо гармонию звуков можно наблюдать в 4-й формуле:

1. Үөһэ Сибииргэ ааттаммыт аата
Төбөтүнэн оонньуур
Чимэчи кугас аттаах,
2. Аллараа дойдуга ааттаммыт аата
Атабынан оонньуур
Айдаар кугас аттаах,
3. Орто дойдуга ааттаммыт аата
Кутуругунан оонньуур
[Кунньалык] Куйаар кугас аттаах [1, с. 8]
В Верхней Сибири названным:
Огненный Рыжий конь,
Который, резвясь, мотает головой;
В Нижнем мире названным:
Буйный Рыжий конь,

*Который, резвясь, перебирает ногами;
В Среднем же мире названным:
Вихревой Рыжий конь,
Который, резвясь, помахивает хвостом [1, с. 286].*

Мы пронумеровали части формулы от 1 до 3. В 1-й части формулы наблюдается созвучие гласных переднего ряда, верхнего и среднего подъёма, лабиализованными: [ү/ө] и гласных переднего ряда, высокого и среднего подъёма, нелабиализованными: [и/э]. Во 2-й части формулы наблюдается созвучие гласных заднего ряда, нижнего подъёма, нелабиализованными: [а]. В 3-й части формулы наблюдается созвучие лабиализованных гласных [о/у].

В олонхо аллитерационно-ассонансная звуковая гармония расположена в большинстве случаев внутри эпических формул и типических мест, образованных с помощью ритмико-синтаксического параллелизма. В приведённом выше примере как раз наблюдается это явление.

Также аллитерационно-ассонансную звуковую гармонию в олонхо образуют словесные повторы:

Кутуу көмүс куолайдаах,	[Птичка золотая]
Тардыы көмүс дабыдаллаах,	Из кованого золота гортань у неё,
Эрийии көмүс эттээх,	Из витого золота тело,
Хатыы көмүс харахтаах,	Из калёного золота глаза,
Тутуу көмүс тумустаах	Из листового золота клюв
[Чыычаах] [1, с. 18]	[1, с. 295].

В приведённой формуле выделяются слова **көмүс** 'золото', повторяющиеся в середине каждой поэтической строки и образующие таким образом вертикальную аллитерационно-ассонансную звуковую гармонию.

В тексте олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур» («Строптивый Кулун Куллуштуур») последовательный повтор целых слов встречается довольно часто:

Бухатыыр **олорор диэн** дьулайбакка,
Киһи **олорор диэн** кирбигийбэккэ,
Саха **олорор диэн** сааппакка [1, с. 71]
*Не устранился того, что сидит перед ним богатырь,
Не смутился тем, что сидит перед ним человек,
Не устыдился того, что сидит перед ним якут [1, с. 344].*

А вот перекрёстное повторение слов встречается нечасто:

Уолах тиит быһаҕаһын саҕа	Заполыхал большой костёр
Кутаа уот куугунаата,	Высотой до середины толстой
Чаллах тиит быһаҕаһын саҕа	лиственницы,

Сааллар чабылбан саннылыйда [1, с. 27]	Засверкали разящие молнии До середины ветвистой лиственницы [1, с. 304].
---	--

Кроме того, аллитерационно-ассонансную гармонию якутского эпоса составляет рифма. Исследователи под рифмой понимают повтор в конце ритмических групп или любой другой звуковой повтор, играющий роль ритмического средства [2, с. 148]. А.М. Щербак считает, что рифма – это звуковой повтор в конце ритмических групп (конечная рифма) или подгрупп (внутренняя рифма) [3, с. 148]. В.М. Жирмунский пишет, что рифма в тюркском эпосе является произвольным результатом грамматического параллелизма окончаний [4, с. 32].

Пример срединных рифм в олонхо:

Тобура**бы** тохтоппотох добун халлаан
Үөһээ өттүгэр,
Кыырапа**бы** сыһыарбатах кылбагыр халлаан
Анараа кырыытыгар [1, с. 73]
*На верхней стороне вихревого неба,
Не дающего осесть градинам,
На той окраине сверкающего неба,
Не удерживающего крупинки снега* [1, с. 346].

Приведённый пример представляет собой эпическую формулу, состоящую из двух частей, объединяющих в себе по четыре стиха-синтагмы. Здесь наблюдается срединная рифма: 1) аффикс винительного падежа *-ы*; в словах *тобурабы* ‘град’ и *кыырабы* ‘крупинку снега’; 2) аффиксы давнопрошедшего времени в отрицательной форме *-ботох*.

Теперь рассмотрим пример конечной рифмы:

Сытыы иниир сыппыы быһыылаа**быт**,
Тыыннаах дьон тыыннара кылгаа**быт**,
Тынгалаах дьон тынгалара улааппы**т** [1, с. 39]
*Люди, из мяса созданные, начали ослабевать,
Люди, из жира созданные, притомились,
Тонкие сухожилия их стали словно бы рваться* [1, с. 315].

В приведённом примере наблюдаем конечное созвучие, образованное тождеством аффиксов причастия *–быт*; (*-ныт*);).

Таким образом, в олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» аллитерационно-ассонансная звуковая гармония имеет регулярный характер, основана на законе сингармонизма, расположена в большинстве случаев внутри эпических формул и типических мест, образованных с

помощью ритмико-синтаксического параллелизма. Также её образуют словесные повторы и рифма.

Литература

1. Строптивный Кулун Куллустуур. / Отв. ред. А.С. Мирдабалиева. – М.: Главная ред. Восточной лит-ры, 1985. – 606 с.
2. Тимофеев Л.И. Очерки по теории и истории русского стиха. – М.: Гослитиздат, 1958. – 415 с.
3. Щербак А.М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. – 1961. – № 2. – С. 142-153.
4. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1970. – С. 29-42.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_055

Сивцева Н.А.

ТОПОНИМЫ С ГЛАГОЛОМ БЫТИЯ ТӨРӨӨ 'РОЖДАТЬСЯ, РОДИТЬСЯ' В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория бытия, будучи одной из универсальных фундаментальных категорий человеческого сознания, выражается различными языковыми средствами: группой слов, фразеологических оборотов, синтаксических конструкций, «означающих появление, существование, изменение, несуществование многообразных предметов и явлений действительности» [1, с. 3].

Глаголы бытия являются одним из основных языковых средств, выступающими конститuentами функционально-семантического поля бытийности. Глаголы бытия – это глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия, а также его завершения и конца [2, с. 3].

Топонимы, представляя названия географических объектов, выражаются различными языковыми единицами, их структурный состав также разнообразен. Являясь наиболее устойчивым пластом лексической базы языка, они обладают способностью сохранять и передавать заключающуюся в них значительную информацию лингвокультурного, исторического, географического и др. характера [3, с. 5; 4, с. 106-109].

В этом отношении является интересным выражение категории бытия в топонимической системе якутского языка. В частности, здесь обратимся к примеру якутских топонимов, имеющим в своей структуре глагол бытия *төрөө*- 'рождаться, родиться':

Төрөөбүт / төрүүбүт, төрүүр. От *төрөө-* ‘рождаться, родиться, происходить от кого или от чего, возрождаться; рожать, отелиться, ожеребиться, выводить птенцов’ [5, 2779-2780 стлб.]; □ др.-тюрк. *törü-* ‘происходить, возникать, рождаться, появляться; рожать’; ср. п.-мо. *törö-*, монг. *төрөх-* ‘рожать, рождаться; появляться, возникать, происходить’; ‘высиживать, выводить птенцов; щениться’; ◇ оз., м., пр. *Бөрө Төрөөбүт*, м. *Куба Төрөөбүт*, м. *Куобах Төрөөбүт*, лог, релка *Суор Төрөөбүт*, м. *Үөт Төрөөбүт* и т.д. в центральных, вилюйских, Верхоянском, Олекминском; зим., озерко *Төрүүбүт*, м. *Аҕа Төрүүбүт*, сен. *Кэбэ Төрүүбүт*, озерко *Отто Төрүүбүт*, зим. *Хопто Төрүүбүт* в Верхне-Вилуйском, Нюрбинском, Таттинском, Усть-Алданском, Чурапчинском; м. *Ис Төрүүр*, м. *Тойон Төрүүр*, оз. *Улахан Кыыл Төрүүр* в Мегино-Кангаласском, Усть-Алданском районах [6, с. 210]. Значение топонима с данным глаголом, называющим возникновение, начало бытия, определяется как место гнездования птиц, зверей [Там же].

Как видно из вышеприведенного, общий обзор структурного состава топонимов с бытийным глаголом *төрөө-* ‘рождаться, родиться’ показал, что они представлены словосочетаниями, построенными на согласовании и являющимися предикативными единицами (подлежащее + сказуемое). В них подлежащее выражено именами существительными в ед. ч., обозначающими в основном зверей (*бөрө* ‘волк’, *куобах* ‘заяц’), и птиц (*куба* ‘лебедь’, *суор* ‘ворон’, *кэбэ* ‘кукушка’, *хопто* ‘чайка’, *тойон*, *улахан кыыл* в значении ‘орел либо другая крупная птица’, *үөт* в собирательном значении *үөт көтөрө* ‘тальниковые птицы’).

В некоторых случаях топонимы с глаголом бытия представлены словосочетанием, выражающим временные отношения, где глагол-сказуемое конкретизировано наречием времени (в топониме *Аҕа төрөөбүт* ‘родился ранее, прежде’ имя прилагательное *аҕа* ‘старший’ используется в качестве наречия времени в значении *эрдэ*, *урут* ‘ранее, прежде’). Встречаются топонимы с глаголом бытия *төрөө-* ‘рождаться, родиться’ в форме словосочетаний, выражающих пространственные отношения (в топониме *Отто Төрүүбүт* ‘родился посередине’ глагол-сказуемое употребляется в сочетании с именем прилагательным *орто*, *отто* ‘средний’ в качестве и в значении пространственного наречия *ортотунан* ‘посередине, на середине’; в топониме *Ис Төрүүр* ‘рождается внутри’ глагол-сказуемое передан в сочетании с именем существительным *ис* ‘живот, брюхо, нутро’ в качестве и в значении пространственного наречия *иһирдэ* ‘внутри’).

В рассматриваемых топонимах глагол бытия *төрөө* – ‘рождаться, родиться’ представлен лишь в двух временных формах изъявительного наклонения: в 3 л. ед. ч. настоящего-будущего времени (*төрүүр* ‘рождается’: *Ис Төрүүр*, *Тойон Төрүүр*, *Улахан Кыыл Төрүүр*), а также в 3 л. ед. ч. прошедшего результативного времени первого (*төрөөбүт* / *төрүөбүт* ‘оказывается, родился’: *Бөрө Төрөөбүт*, *Куба Төрөөбүт*, *Куобах Төрөөбүт*, *Суор Төрөөбүт*, *Үөт Төрөөбүт*, *Төрүөбүт*, *Аба Төрүөбүт*, *Кэбэ Төрүөбүт*, *Отто Төрүөбүт*, *Хопто Төрүөбүт*).

Таким образом, приведенная топонимическая лексика со значением бытия может послужить одним из источников для функционально-семантических изысканий.

Литература

1. Тихонова И.В. Семантико-синтаксическое поле бытийности в прозе Л. Андреева: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.01. – М., 2005. – 24 с.
2. Деева Н.В. Функционально-семантический аспект глаголов бытия: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.01. – Архангельск, 2003. – 24 с.
3. Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.19. – Челябинск, 2014. – 22 с.
4. Цветкова Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 106-109.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.3. – 3858 стб.
6. Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ. Словарь местных географических терминов Якутии (рукопись) // Архивные материалы рукописного отдела ИГИИПМНС СО РАН. – Ф. 5, оп. 12, д. 305-307.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_056

Васильева Р.И.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

(на материале приленских районов)

На территории Якутии проживают представители более 120 национальностей, в 2010 г. численность якутов составляла – 466 497 чел., русских – 353 649 чел., украинцев – 20 341 чел., татар – 8122 чел., бурят – 7011 чел., киргизов – 5022 чел., узбеки – 3691 чел.; малочисленные наро-

ды Севера: эвенки – 21 008 чел., эвены – 15 071 чел., долганы – 1906 чел., юкагиры – 1281 чел., чукчи – 670 чел. [1, с.15]. Статус двадцати пяти государственных языков республик закреплен конституциями республик в составе Российской Федерации и республиканскими законами о языке, в которых они равноправно функционируют с русским языком. Основное условие возникновения различных типов двуязычия и многоязычия в республике Саха (Якутия) – это тесные, устойчивые, многовековые языковые контакты между народами, якутами и русскими, малочисленными народами Севера. Исторически сложилась так, что Приленье в этническом плане представляет пеструю картину. На протяжении четырех столетий, начиная с 30-х годов XVII в., взаимодействие тунгусской, тюркской, славянской культур составляет одну из характерной черт приленского края. В годы освоения Ленского края возникла настоятельная потребность в налаживании языковых контактов русских и других народов, что предопределялось экономическими интересами Российской Империи, а также необходимостью адаптации иноязычного населения в условиях суровых климатических условий Якутии. Не менее важную роль, в возникновении русско-якутского билингвизма, сыграли толмачи-переводчики, как правило, толмачами выступали русские люди». И эта устоявшаяся традиция «толмачества» с течением времени, как считает, П.А.Слепцов, при относительной малочисленности русских и огромном численном превосходстве якутского населения превратилось в фактор русско-якутского двуязычия» [2, с. 208]. И это уникальное явление, безусловно связано с религиозными верованиями русских – православием, которое предполагает толерантное отношение к другим народам, населяющим Российскую империю. Как мы знаем, из истории, Европа и США, по отношению к языкам аборигенов, относилась довольно жестко, известны факты, когда запрещалось коренным народам говорить на своем родном языке, а факт русско-якутского типа билингвизма является добровольным жестом русских поселенцев. В настоящее время, русско-якутский тип билингвизма встречается в некоторых сельских населенных пунктах Центральной Якутии, где компактно проживают потомки русских старожилов и коренное население. Национально-русский тип билингвизма в республике получил свое распространение чуть позднее и носит функциональный характер. Т.В. Аргунова в работе «Якутско-русское двуязычие» пишет: «...В языковой жизни республики наблюдается определенная социолингвистическая диспропорция: русскоязычное население почти полностью – одноязычно, а коренное в подавляющем большинстве – двуязычно и многоязычно» [3, с. 48]. Специфика языковой ситуации

приленских районов определяется активным функционированием всех типов двуязычия, в том числе обратного типа двуязычия – русско-якутского, что не характерно для всей Якутии в целом. Нужно отметить, что Приленье относится к этноконтактной зоне, где функционируют якутско-русское, русско-якутское, татарско-русское типы двуязычия, эвенкийско-якутско-русское трехязычие.

Литература

1. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Р.И. Васильева, М.Г. Дегтярева, Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 252 с.
2. Слепцов П.А. Роль русского языка в развитии культуры и языка якутского народа (XVII-нач.XX века) // Якутия-Форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века). – Якутск, 2004. – С. 204-228.
3. Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск, 1992. – 85 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_057

Дмитриева А.Ю., Сидорова А.П.

Якутизмы в текстах на русском языке: традиции транскрибирования и транслетирования

Человек с помощью своих органов речи может воспроизвести любой звук. Поэтому использование звука отличается количеством, качеством и видом звука в слове. Но при этом каждый народ сам в течение многих столетий вырабатывает уникальную артикуляционную базу и соответствующую фонологическую систему. Поэтому при переводе с одного языка на другой возникают вопросы транскрибирования, когда благозвучие новых слов зависит от таланта и ума переводчика.

В большом количестве якутские звуки в текстах на русском языке встречаются в словах-реалиях. Исследователи С. Влахов и С. Флорин определяют переводческий термин “реалия” так: “...это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального колорита, они не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, т.е. не поддаются переводу “на общих основаниях, требуя особого подхода...” [2, с. 47]. Обычно они переводятся способом транскрипции или транслитерации. “Транслитерация – способ перевода лексической единицы путем воссоздания ее графической

формы с помощью букв языка перевода” [1, с. 87]. «Транскрипция, по мнению большинства теоретиков перевода, является приоритетным способом перевода личных имён и топонимов. Это пофонемное уподобление слова, звучащего на языке оригинала, новому слову, формируемому в тексте перевода...» – так объясняет в своих работах И.С. Алексеева [1, с. 220]. Транскрипция и транслитерация активно используются при переводе, точнее, при вводе в текст перевода безэквивалентных слов-реалий и имен собственных. Мы предположили, что переводчик выбирает транскрипцию или транслитерацию в зависимости от стиля исходного текста и с учетом особенностей восприятия читателей.

Поэтому в этой работе мы рассмотрели передачу слов-реалий, в том числе имен собственных, в двух разных публикациях. Первая книга – это академический перевод олонхо “Могучий Эр Соготох”, выполненный С.П. Ойунской, Н.В.Емельяновым и П.Е.Ефремовым и предназначенный для специалистов по фольклору и этнографии. Вторая книга – это художественный перевод исторического романа В.С. Яковлева-Далан “Глухой Виллой”, предназначенный для самого широкого круга читателей. При анализе выбора способа перевода мы сделали сплошную выборку слов-реалий, содержащих в своем фонетическом составе звуки, которых нет в русском языке – языке перевода. Нашей задачей было выяснить, в каком переводе более предпочтительна транскрипция, а в каком – транслитерация.

В олонхо “Могучий Эр Соготох” мы обнаружили 15 якутских слов с дифтонгом. В русском тексте дифтонг 100% дается транслитерацией, например: *Туналыкаан Куо – Туналыкаан Куо, Уот Чумулу – Уот Чумулу, хотуой – хотуой (обращение), Ойдом Суорун – Ойдом Суорун, Уот Солуонньай – Уот Солуонньай, кимиэн-имиэн – [страна]кимиэн-имиэн, ыһыах – ысыах и т.д.* В переводе произведения “Глухой Виллой” нашли всего 36 слов с дифтонгом из них в 9-ти использована транскрипция (26%) (например: *өрүүстээх – ерюестех, Мүөкүйэ Бөбө – Мекюйэ Беге, күөл Сүрүүндэ – Кель Сюрюнде и т.д.*), в 27 словах – транслитерация (74%) (например: *Чоргул Тиэргэн – Чоргул Тиэргэн, Туоҕа Баатыр – Туоҕа Баатыр и т.д.*).

В переводе олонхо “Могучий Эр Соготох” из 36 слов с долгим гласным звуком 34 слова (94 %) переданы способом транслитерации, например: *абааһы – абаасы, айыы – айыы, аартык – аартык, алаас – алаас, баай – баай, Аар тойон – Аар тойон, ураанхай – ураанхай, Харыадылаан Бэргэн – Харыадылаан Бэргэн, Көмүс Кырыктай – Кемюс Кырыктай, Симэхсин Эмээхсин – Симэхсин Эмээхсин,*

Тэмэликээн Куо – Тэмэликээн Куо и т.д.; и 2 слова (6%) передано приемом транскрипции, например: *Ахтар Айыыһыт – Ахтар Айысыт, Аарт татай – Арт татай*. В переводе произведения “Глухой Виллой” из 45 слов с долгим гласным 42 слова переданы транслитерацией (94%), например: *Туймаада – Туймаада, аматыы – аматыы, алакыы – алакыы, Быыгынас Бэргэн – Быыгынас бэргэн, Чогдоон Бөбө – Чогдоон Беге, Нойоон – Нойоон и т.д.*; и 3 слова – транскрипцией (6%) например: *улуус – улус, Моойторук – Мойторук, Ураанхай Саха – Уранхай Саха*.

Интересно было понаблюдать за способами транскрибирования таких кратких звуков, как [ү] и [ө], которых нет в русском языке. В художественном переводе “Глухой Виллой” нашли всего 16 слов со звуком ү: 3 – транслитерация (например: *Луксүрээн – Луксүрээн, Үнкээн – Үнкээн, Үрүҥ Аар Тойон – Үрүҥ Аар Тойон*), 13 – транскрипция (*Ыттаах Түрэнэй – ыттаах Тюрэнэй, Көрүгэс – Керюгэс, Күнэгэ – Кюнэгэ, Үгэнчэ – Югэнчэ, Түмэрэй Бөбө – Тюмэрэй Беге, Нөкү – Некю, Луксүрээни – Люксюрээни, Күүкэй – Кююкэй и т.д.*); а слов со звуком ө во всем материале всего 5, все они переданы способом транскрипции (*Көмүс Кырыыктай – Кемюс Кырыыктай, Төбөт Туурай – Тебет Туурай, Түмэрэй Бөбө – Тюмэрэй Беге, Нөкү – Некю, Көрүгэс – Керюгэс*).

Рассмотрим, как транскрибируются и транслитерируются в русских переводах специфические звуки/буквы якутского языка. В переводе олонхо “Могучий Эр Соготох” результат наблюдения показал: всего 27 слов со специфическим согласным звуком: 24 – транскрипция (89%) (например, *ураанхай – ураангхай, күһэнэ – кюсэнэ, Айыы Дьянсаар Тойон – Айыы Джангсаар Тойон, аранас – арангас, Үрүҥ Аар Тойон – Юрюнг Аар Тойон; Модун Эр Соботох – Модун Эр Соготох; дьэ-һэ-һэ – дьэ-сэ-сэ, Сэркээн Сэһэн – Сэркээн Сэсэн; Айыы Дьаргыл – Айыы Джаргыл-шаманка, Айыы Дьянсаар Тойон – Айыы Джангсаар Тойон, Дьирибинэ – Жирибинэ, Таас Дьянтаар Дара Буурай – Таас Джантаар Дара Буурай, Эр Дьяаһы – Эр Джаасы, Уот Урбалдьын – Уот Урбалджын, Харыадьылаан Бэргэн – Харыаджылаан Бэргэн, дьэ-э-ээ – джэ-э-ээ), 3 – транслитерация (11%)(например: *Ньырбачаан – Ньырбачаан, Дьэ-һэ-һэ – дьэ-сэ-сэ, дьэ-һэ – дьэ-сэ.*)*

В переводе романа “Глухой Виллой” результат наблюдения показал следующее: всего 36 слов с согласным звуком, из них 34 переведены транскрипцией (96%), например: *Тонг биис – Тонг биис, Таас Дьяангы – Таас Дьяангы, Киэнг Энгсиэли – Киэнг Энгсиэли, Муус Тонгот – Муус Тонгот, үрэн – юрэн, түнкэтэх – тюнкэтэх, Ханыы Хангалас – Ханыы Хангалас, Мэнэ – Мэнэ, Айыы Тойон Тангара – Айыы Тойон Танара,*

Дирин Чөптөнө – Дирин Чеппене, Танара – Танара, Дьэзээк – Джэзэк, Көрүгэс Эрдьигээн – Керюгес Эрджигэн, Ырдыаана – Ырджана Боотур, тыаһыкыт – тыасыкыт, кырыһаан – кырысаан, Тыаһаангы Куо – Тыасаан Куо, Улуу Сыһыы – Улуу Сысы, Даҕанча – Даганча, Маҕан Мэкчэ – Маган Мэкчэ Белая Дошка, Өрөбөчөй – Өрөгөчөй, Атаҕа суох – Одинокий Атага Суох, Туоҕа Баатыр – Туога Баатыр, Даҕдаҕар Баатыр – Дагдагар Баатыр), 2 – транслитерация (4%) (например: Ньырбачаан – Ньырбачаан, Ньадьы Ньанха – Ньаджы Ньанха). При переводе слов реалий в русский язык, способ транслитерации используется при переводе гласных звуков, а транскрипция согласных.

Таким образом, в рассмотренных нами книгах реалии с дифтонгами в основном даны приемом транслитерации, так как в русском языке нет сложных звуков – дифтонгов. Слова с согласными звуками переведены способом транскрипции, а в словах с гласными звуками преобладает так же способ транслитерации. Хотим обозначить, что чтобы не потерять особенности культуры и национальный колорит, переводчики часто используют прием транслитерации. Помимо этого, якутский читатель принимает в русском тексте транслитерацию, а в переводе для других стран более подходит транскрипция.

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. Пособие для студ. фил. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ - М.: Издательский центр «Академия», 2004 г.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. – с. 47
3. Яковлев В.С. – Далан. Глухой Вилюй. Роман. Пер. с як. Л. Либединской – Якутск, 1993.
4. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох», - Новосибирск, 1996

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_058

Кейметинова С.К.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ ЯКУТОВ И ЭВЕНКОВ

Народный календарь является энциклопедией быта и повседневной жизни народа, его жизненного уклада, инструментом его миропорядка. Свойство календаря отражать в своей структуре и содержании обусло-

вивший его тип культуры [5, с. 142], представляет календарь как ценный источник для историко-этнографических исследований.

Календарь трактуется в современном толковом словаре как система счисления больших промежутков времени. Якуты пользовались лунно-солнечным календарем, в основе которого лежит лунный ход, состоящий из 12 месяцев, согласованный со сроком солнечного года.

У эвенков год «аньяни» делится на два периода: летний «дюгани», включая осенне-весенний периоды – 6 месяцев, и зимний, включающий 7 лунных месяцев. Позднее под влиянием русского календаря один месяц был потерян.

Якутское слово «ый» (месяц) – это не только Луна и месяц, оно применяется в значении «указать», которое в дальнейшем стало одновременно термином для конкретного временного указателя – месяца. Обычный якутский месяц состоял из 30 дней и делился на 3 декады (по 10 дней в декаде). Они соответствуют фазам Луны — «сага ый» (новолуние), «то-лору ый» (полнолуние) и «эргэ ый» (старолуние).

Месяц у эвенков называется «бега», что в переводе означает «луна».

По записям Маака, якутский новый год начинался с *бэс ыйа* (с июня), то есть четвертый месяц совпадает с *балабан ыйа* (сентябрь). Порядок месяцев в якутском году был следующим: 1) *бэс*, 2) *от*, 3) *атырдьах*, 4) *балабан*, 5) *сыарба*, 6) *алтынны*, 7) *сэтинны*, 8) *ахсынны*, 9) *тохсунньу*, 10) *олунньу*, 11) *кулун тутар*, 12) *муус устар*, 13) *ыам ыйа*. То есть, якутский календарь состоял из 13 месяцев. Но один из распространенных в старину месяцев - *сыарба ыйа*, следующий после *балабан ыйа*, в настоящее время забылся и больше не употребляется.

У некоторых потомков якутского народа, которые занимались скотоводством и хлебопашеством, новый год был приурочен к началу земледельческого сезона. В старину календарь якутов, проживающих в Якутском округе, имел следующий порядок месяцев: год начинался с *ыам ыйа*, далее следовал *бэс ыйа*, третий месяц – *от*, четвертый – *атырдьах*, пятый – *балабан*, шестой – *алтынны*, седьмой – *сэтинны*, восьмой – *ахсынны*, девятый – *тохсунньу*, десятый – *олунньу*, одиннадцатый – *кулун тутар*, двенадцатый – *муус устар*.

Считалось, что народ саха состоял из множества племен. Это определяло различные хозяйственные занятия и в разных календарях встречались и другие названия месяцев: *суо ыйа*, *тиргэ ыйа*, *тугут ыйа*, *бурдук ыйа*, *тунах ыйа* и др. Есть предположения, что название *алтынны* произошло от слова *алт* – парного слова *булт-алт* (сезон охоты), 7-й месяц – *сэт* или *сэтии ыйа*, 8-й – *ахсын* (значение "каждый": *кун ахсын* – каждый

день, *киһи ахсын* – у каждого человека и др.), 9-й – *тобуһун* (значение – "бесконечность", "много"), 10-й – *уол* + *(у)ньу* (ынах уолар кэмэ) – месяц, когда перестают доить коров, 11-й – *кулун тутар*, 12-й – *муус устар* (түннүк мууһа устар) – снимают лед, вставленный в оконце (так как начинает таять лед) и заменяют его рамой, обтянутой бычьим пузырем или куском слюды.

У эвенков характерной особенностью является исчисление времени по частям человеческого тела («счет по мужчине») состоят в том, что год начинался в июне и делился на 12 лунных месяцев. Названия месяцев были производны от названия частей человеческого тела.

1-й месяц – *Дилгос Илаанни* (июнь) с 15-25 начинается праздник Эвинек (Новый год).

2-й месяц – *Качумкини Илаан* (июль), выпас оленей, так как это время комаров, мошек, злого гнуса).

3-й месяц – *Ораг Илаанни* (август), начинается кочевья семьями.

4-й месяц – *Ойчири Унма* (сентябрь), идет гон оленей, сохатых (промысел мясного зверя), поднимается на основание пальцев правой руки.

5-й месяц – *Ойчири Билэн* (октябрь), месяц лука, начало охоты на белок, продолжение охоты на сохатых, поднимается на запястье руки.

6-й месяц – *Ойчири Ечэн* (ноябрь), охота на соболя, локоть правой руки.

7-й месяц – *Ойчири Мир* (декабрь), охота на пушного зверя – правое плечо.

8-й месяц – *Тугэни Хээн* (Январь), макушка головы, лежа в теплом чуме, эвенк философствует, что сделано за полгода, что предстоит.

Потом год так же начинает спускаться вниз. Второе полугодие является зеркальным отражением правого.

9-й месяц – *Эйври Мир* (февраль), кочевье диких зверей, деревья освобождаются от сугробов, левое плечо.

10-й месяц – *Эйври Ечен* (март), охота на диких оленей на лыжах, локоть левой руки.

11-й месяц – *Эйври Билэн* (апрель), с 15 апреля по 20 мая рождаются тугуты (оленьята), запястье левой руки.

12-й месяц – *Эйври Унма* (май) – месяц тугутов – суставы, образующие основания пальцев левой руки.

Таким образом, в календаре якутов и эвенков можно отметить взаимосвязи явлений природы и хозяйственной деятельности человека, а наименования определялись природными явлениями и хозяйственными нуждами.

Литература

1. Гоголев И.А. Традиционный календарь якутов. – Якутск, 1999. - 72 с.
2. Гоголев И.А. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Научно-популярное издание. – Якутск: Издательство Якутского университета, 2002. - 104 с.
3. Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. – Якутск: Якут. Кн. изд-во, 1983. - 120 с.
4. Новиков А.Г. О менталитете Саха. Монография. – Якутск: Издательство Аналитического центра при Президенте Республики Саха (Якутия), 2001. - 147 с.
5. Рабинович Е.Г. Тип календаря и типология культуры. Историко-астрономические исследования. Т. 14. - М., 1978.

IV. ИСТОРИЯ: ПАМЯТЬ ВРЕМЕН

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_059

Романова Е.Н.

ОЗЕРО ЕССЕЙ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВОДОВ: «КУЛЬТУРА ВОСПОМИНАНИЙ», СИМВОЛ, РИТУАЛ

Одним из важных адаптационных механизмов формирования локальной идентичности является культурная память. Обращение к ментальной карте ессейских якутов позволяет выделить его центральный образ – озеро Ессей, главного жизненного локуса, включенного в сакральный мир этнической группы якутов, живущей у озера. Реализация обрядового кода ессейских якутов транслируется на примере старинной песни “Сиппие”, посвященной духу-хозяйке озера Ессэй, записанной в 1938 году этнографом и фольклористом А.А. Саввиным у народного певца, знатока якутских традиций С.А. Зверева-Кыыл Уола. Сюжет песни включает: 1. Воспоминание девушки о счастливой и раздольной жизни у озера, где она родилась и жила со своей семьей. Перед нами предстает автобиографический рассказ девушки, которую звали “Мойбордоох Матрена” - Матрена с” белой полосой вокруг шеи” (белой шерстью?) и была она дочью князя, имела 8 сестер и одного брата. Не выходила из дому, не показывалась солнцу, была “чистой” девушкой-невестой. 2. Нападение на ее род и семью чужих воинов с копьями, смерть домашних и разорение родового дома. В этой части приводятся древние формулы: “Потушили огонь домашнего очага, развеяли пепел родных”. 3. Расставание с озером как с материнским лоном; Озеро как место родовой памяти. Обращение к озеру в форме восхваления как к символу счастья, цельности и совершенства. “Ни в Верхнем мире, ни в

Среднем мире и там, где солнце заходит, лучше тебя не видела, бабушка Дьэсэй” [4, л.170-174]. В семантическом плане вербальный текст образует конструктивную модель *соединяющего* (через образ озера) и *разъединяющего* движения (вторжение чужих, разорение и смерть). В данном случае “слово” и “действие” близки к заговорной традиции. Так, центральным персонажем песни выступает само озеро, с которым разговаривает девушка. Через образ озера реализуются символы счастливой и богатой жизни якутов: озеро богато рыбой и дичью, окружено густым лесом, где в изобилии водятся все ценные звери, у озера живет дружно ее семья. Название самой песни “Сиппие” носит сакральный характер и соотносено с глаголом “сипси – ср. сип, бур. шіпші – шептать, заговаривать; [3, стб.2235]. Основа глагола “сиппие” является архаичной, так, в материалах О.Н.Бетлинга приводятся многочисленные примеры основ на дифтонг [ia][1, с. 308]. Смысловая организация песни как текста включает магический контекст, глагол “сиппие” (шептать) концентрирует в себе семантику обрядового действия и выступает его смыслообразующим началом. По мифологическим представлениям якутов запрещалось называть настоящее имя озера, это считалось большим грехом.

Семантическая структура старинной песни включает ритуальные повторы названия действия “сиппие” (говорить шепотом) перед и после произнесения имени озера “Дьэсэй, Дьэсэй эбэкэм” (Бабушка моя, Дьэсэй, Дьэсэй), что может быть объяснено многослойной мифологической ситуацией. Форма речевого поведения – шепот как часть традиционного мировоззрения енисейских якутов была тесно связана с обрядовой символикой (слово-ритуальное действие-оберег). Исполнение слова “сиппие” сопровождалось начальным глубоким вдохом (2 раза), после чего уже произносилось два раза само слово [4, л.173].

Песня-воспоминание, посвященное озеру, обнаруживает архаичные “жанры” традиционной культуры якутов: старинная лексика, верования, древние формы восхваления озера и обращение к озеру как живому существу в форме якутских алгысов (созидание), с другой стороны, события, связанные с вторжением “чужих” и смертью родных описываются в форме проклятий-кырыс (разрушение). Кольцевая композиция песни создается с помощью кодирования образа озера как культурного знака в начале и в конце вербального текста. Обращение к озеру в конце как символу гармонии и совершенства имплицитно возвращает нас к мифологической теме “рождение”-“смерть-рождение”. Важно отметить, что это единственный вариант песни “Сиппие” в устном

фонде архаичной якутской культуры. При этом этнограф А.А. Саввинов записал ценные дополнения к песне, полученные у народного певца Сергея Зверева, посещавшего Ессэй в период его скитаний времен ученичества сакральной профессии певца, сказителя, шамана. Речь идет о предании, что когда-то на озере стояло 7 берестяных построек (ураса), где жили якуты, впоследствии их убили тунгусы. Спаслась только одна 16-летняя девушка-заика, убежавшая к вилюйским якутам. Тогда она и спела эту песню рассказывали старики [4, л.173-174]. В данном случае интерес вызывает образ единственной спасшейся девушки. Так, наделение ее такой ущербной речью как “заикание” демонстрирует инаковость девушки и указывает на связь этого образа с шаманской мифологией. Еще Е.С.Новик отмечала, что заикание связано с его функцией посредника-переводчика между людьми и духами более высокого ранга [2, С.79-81]. Это идея прослеживается и в якутском шаманизме, где фигурирует помощник шамана – Кэлээни, хромоногий заика, который приходит во время шаманского камлания и вступает в коммуникацию с участниками ритуального действия. В этом плане сопоставление сакрального и реального текстов обнаруживает сходную структуру. Все это позволяет возможным говорить о шаманском “слое” анализируемой песни.

Таким образом, старинная песня ессейских якутов, посвященная озеру Ессей, представляет собой диалог Природы и Человека, связанный с ритуалом воспроизводящим рождение нового мира (обращению к озеру Ессей как образу Макрокосма), где Природа в образе озера (называние всех элементов Микро и Макрокосма) дает ресурс для воссоздания счастливой жизни ессейских якутов.

Литература

1. Бетлинг О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука. 1990. – 646 с.
2. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М., 1984. – 304 с.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х т. – СПб.: Наука, 2008.
4. Рукописный фонд Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5.Оп.6.Д.30.Л.170-174.

МЕТАФОРА ЮГА В ОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА САХА

Якуты как периферийный этнос тюркского мира, оказавшись в суровых условиях крайнего Севера, смогли создать уникальную модель пограничной культуры и сохранить в лексике языка терминологию, связанную с метафорой Юга. Так, в языковой картине мира народа саха в группе именных основ, представляющих ландшафтные названия, актуализируется механизм «помнящей культуры» (Я.Ассман) - в них транслируется широкое информационное пространство о своей южной прародине и сакральной биографии.

Разнообразие ландшафтов Якутского края обусловило широкий спектр орографических объектов: от небольших холмистых местностей до исполинских хребтов, которые обозначаются общим термином «*хайа*» (тюрк.: *каја*, *кыја*, *кӱӱ* – скала; бур.: *хаја* – склон) [5, стлб. 3242]: *буор хайа* ‘земляная гора (не скалистая)’; *сис хайа* ‘горный хребет’; *сыгынньах хайа* ‘голец’; *таас хайа* ‘каменный утёс, скала’; *хаар хайа* ‘снежная гора’; *хаптал хайа* ‘плоскогорье’, *ат хайа* ‘высокая гора’ и т.д. [1, с. 111; 4, с. 37].

Для ландшафта Якутии характерны как земляные, так и каменные возвышенности рельефа, поэтому, как определение принадлежности к тому, или иному виду, добавляется слово «*таас*» (тюрк.: *таш*, *даш* – камень) – камень [5, стлб. 2646] и «*буор*» (тюрк.: *бор*) – земля [5, стлб. 560].

Холмы и сопки, тянущиеся по одну или обе стороны реки, обозначаются термином *мыраан*, *мураан*, *быраан* (ср. монг.: *мурен* – река) [5, стлб. 1638], и объединены общей лексемой *буор хайа* ‘земляная гора’.

Другой термин – *булгунньах* - обозначающий небольшой земляной холм, большой бугор, в своей корневой основе содержит монгольское слово «*бул*» – обозначающий булыжник, валун, каменную глыбу [5, стлб. 55]. Каменный курган определяется словосочетанием *таас булгунньах* ‘скалистый холм’. Как диалектный термин, имеющий локальный характер, у северных якутов «*булгунньах*» обозначает и древнее захоронение¹.

К группе локальных терминов можно отнести и термин «*тыя*» (як.: лес, тайга, тюрк.: *тау*, *таг*, *даг* – гора) [5, стлб. 2929]. Так, по свидетель-

¹Полевые материалы автора (ПМА). И.Д Прудеский, 1935г.р., Верхоянский р-он. Зап.от 2014 г.

ству информантов, в северных районах охотничье пространство в горной местности называется «*тыя*»².

Сис хайа ‘горный хребет’; *сис* ‘нагорный лес’ соотносятся с тюркскими *йыш*, *чыш*, *чыс*, они в переводе означают ‘горы, покрытые лесом’. Данный термин, по мнению исследователей, мог возникнуть в языке народов, живущих не в таежных местностях, а в лесостепных, где хвойный лес является характерным лишь для горных мест³ [1, с. 10]. Примечательно, что тюркское *тай5а* означает дальние скалистые горы, а якутское слово *тай5а* – огромный лесной массив, находящийся на расстоянии [5, стлб. 66].

Следующий термин, объединяющий образы горы и леса, это *тумул* – слово, означающее предгорье, горный мыс, высокий холм, а вариация слов *тумул тыа хайа* обозначает ‘сплошную возвышенность, поросший лесом’ [1, с. 15].

Возвышенности, косогор, крутой берег в якутском языке известны как *сыыр* (тюрк.: *сырт* – возвышенность, бугор; *яр*, *дьар* – крутой берег) [5, стлб. 2475]. В орографическом словаре термин *сыыр* в парном сочетании имеет следующие лексические значения: *хара сыыр* ‘черный берег’ – земляной крутой берег, *сыыр хайа* – скалистый берег, *хайа сыыра* – отвесная голая гора, щека горы.

Термин, связанный с преодолением горной местности, *дабаан* (монг.: *дабан* – путь на гору) – горный перевал, путь на гору, пригорок, происходит от слова «*дабай*, *дабааха*» – всходить, подниматься на гору, общеизвестным у тюрко-монгольских народов [5, стлб. 658].

Труднопроходимая гора обозначается общим парным словосочетанием *буом хайа* – (алт.: *пом* – труднопроходимое ущелье, тропинка между скалами в горном ущелье; бур.: *боом* – мыс, выдающаяся скала; эвенк.: *бом* – ущелье) [5, стлб. 558]. Термином *буом* обозначается все, что препятствует чему-либо, что связывается с трудным переходом или преградой. Так, трудно переходимый лес или реку называют *буом ойуур* ‘труднопроходимый лес’, *буом кюел* ‘труднопроходимое озеро’.

Высокие, труднодоступные горы и утесы представлены парными терминами *хадаар хайа* (тунг.: *кадаар* – гора, утес) – острозубчатая гора, гора с утесами или развалами и *хадага хайа* (бур.: *хада* – высокая гора;

² Он же.

³ Антонов Н.К. Основные ландшафтные названия в якутском языке // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 1 Л. 4.

монг.: *када* – скала, гора; маньчж.: *хада* – выдающаяся острая вершина горы, пик) – скала [5, стлб. 3226, 3227].

Скалистые останцы горных пород, представляющие собой причудливые формы, в якутском языке обозначаются как *туруук таас хайалар* ‘стоячие горы’ и *киһилээх хайалар* ‘горы с человеческими фигурами’ [4, с. 49].

Общее представление горного ландшафта, хребта передается через общий термин «*хайалаах сир*» - горная местность и «*таас хайахтаах сир*» - местность со скалистыми горами. Так, осмысление пространства, обозначение ландшафта характеризуется словосочетанием с термином *сир* ‘земля’.

Следует отметить, что в якутском языке термин «*сир*» обладает широким семантическим полем и охватывает в своем континууме географическую (например: *хайалаах сир* ‘горная местность’), хозяйственную (*бултуур сир* ‘охотничье угодье’) и ментальную (*төрөөбүт сир* ‘родина, родная земля’) сферы⁴.

В мифах творения народа саха горы, как и другие доминантные символы ландшафта (вода и лес) возникли, когда бог *айыы* выровнял землю, а дьявол *абааһы* назло ему создал горы, холмы, леса, овраги, водоемы. Таким образом, практически во всех мифологических сюжетах первоэлементы появляются в результате противоречивых действий антагонистов: бога и дьявола, а потому имеют амбивалентную сущность: с одной стороны, они представляются как положительные, с другой – как отрицательные локусы.

В общей картине мира якутского народа горы являются элементом далеко не совершенного и положительного пространства, идеальным примером которого, безусловно, является *алаас* – «освоенное» место жительства. Так, например, согласно мифопоэтическому наследию, горы всегда находятся на краю земли и обозначают границу «освоенного пространства» *алаас*. В локальных вариантах вилуйской эпической традиции периферийная область, где находятся «пестрые и ребристые» горы, описывается как пространство, где «трутся между собою земля и небо» [6, с. 64]. Отрицательная нагрузка в данном случае усиливается «подвижностью» гор и цветообозначением. Все эти характеристики условно сопряжены с местами обитания злых духов.

Во многих эпических сюжетах орографические объекты репрезентируют границы между Средним и Нижним мирами. Но в эпосах северных

⁴ ПМА. И.Д. Прудецкий

якутов горы чаще всего выступают своеобразными каналами между миром небесных божеств и миром людей [2, с. 15]. Кроме этого, горы воспеваются как центр земли и соотносятся с Мировым деревом *Аал луук мас*. Здесь можно отметить и важное свойство статичности в определении семантики горы: «устойчивые, статичные высокие горы и хребты»⁵. Положительная символика горы характерна и в символических текстах-загадках, где гора обрastaет качествами устойчивости и неподвижности, вследствие чего отождествляется с жилищем – микромоделью Вселенной.

Активное использование у якутов антропоморфного кода, с помощью которого описывается классификация частей горы, также указывает на символическую связь человека с природными объектами. Элементы горы выступают аналогом частей человеческого тела: *оройо* ‘макушка’, *сиһэ* ‘поясница’, *кулгааба* ‘уши’, *сирэйэ* ‘лицо’, *хоннобо* ‘подмышки’, *сунньэ* ‘шея’, *кутурууга* ‘хвост’, *арбаһа* ‘спина’⁶.

Проецирование социоантропологических свойств в горные объекты отражается и в представлениях о том, что горы – это застывшее и окаменевшее человеческое общество. Кроме этого, в очертаниях гор, скал, холмов часто видят визуальные образы людей и частей тела. Следует также отметить и об особом, почтительном отношении к горам, которые выражались через наделение к ним человеческих свойств и статусов.

У северных якутов особым статусом «ытык» ‘священная’ обладает гора, находящаяся рядом с населенным пунктом. Ее почтительно называют *Эбэ хайа* ‘Госпожа Гора’. Она является ключевым символом родовой территории, а дух-хозяин горы *Хайа иччитэ* – покровителем самого рода⁷. Оронимов со словом *ытык* встречается довольно часто у всех локальных групп народа саха. Так, например, священную долину Туймаада, на которой расположен г. Якутск, окаймляют с обеих сторон две Священные горы – “Ытык Хая”. Это Табагинский мыс – Южная Ытык-Хая и Кангаласский камень – Северная Ытык-Хая [4, с. 11].

Иным образом складывается отношение человека к недоступным высоким горам и утесам в горной местности. Такие скалистые горы считаются «опасными» местами обитания злых духов. В мифопоэтике они описываются как «черные горные скалы и утесы». Так, черный цвет дополнительно подчеркивает образ «опасного» места. Цветовая символика,

⁵ ПМА. Т.Н. Божедонова, 1968 г.р. Верхоянский р-он, зап. от 2014 г.

⁶ ПМА. Н.Т. Винокуров 1954 г.р. Оймяконский р-н, зап. от 2012 г.

⁷ ПМА. А.С. Колесов, 1936 г.р. Верхоянский р-он, зап. от 2014 г.

характеризующая облик горного объекта является одним из основных констант моделирования его мифологической композиции. Священные горы *Ытык хайалар*, как и все «положительное» сакральное природное окружение, окрашены в сине-голубой цвет. В палитру «положительных» цветов входит и белый цвет – цвет сакрального статуса и небесного происхождения⁸.

Дух-хозяин (-ка) горы *Хайа иччитэ* считается одним из особо почитаемых. Для избежания гнева и соискания его благосклонности совершали обряды жертвоприношения, вешали на дерево пучки конского волос *дэлбиргэ* (ср.: тюркск., монг. *дэлбэргэ*), лоскутки материи, оторванные от платья, бросали около них монетки, пуговицы и пр. Северные якуты на вершущах горы или горных ущельях сооружали груды камней *таас кыстаабыт* и оставляли подарки рядом с ним⁹. Следует отметить, что реминисценция данного действия восходит к древнему культу тюрко-монгольских народов *обоо*, *оваа* и сохранилась только у северных якутов.

Как высший знак иерофании, горы требовали к себе определенные нормы поведения и отношений. Северные женщины не могли находиться около священной горы с непокрытой головой и разутыми, им запрещалось подниматься на родовые горы. Нельзя было вслух говорить название горы, а обращаться через иносказательные слова: например, *эбэ* ‘бабушка’, *тыя* ‘лес’, *таас* ‘камень’, указывать на нее пальцами, находясь в горах издавать шумы, крики и пр. Особый запрет касался путников и охотников. Перед тем как отправиться на охоту в горную местность или в далекий путь через горные перевалы, приносили жертву «домашним» духам (духу огня, жилища) и духу родовой горы, соблюдали преддорожные запреты, не распространялись о времени своего отбытия и прибытия. Все эти действия должны были обеспечить безопасное путешествие и удачную охоту. Существовало поверье, что если взять камушек с подножия родовой горы, то дух горы будет оберегать в пути, а камень «будет тянуть назад». По возвращении камушек должны были вернуть на место, т.к. нельзя было хранить в доме камни. Перед тем, как использовать его в хозяйстве, укладывали в емкость с водой и оставляли на ночь, чтобы вода смыла природные качества камня¹⁰.

Почитание горы связано и с архаической традицией погребения в горах умерших сородичей или шаманов. Следует отметить, что местное

⁸ Он же.

⁹ ПМА. М.И. Андреев, 1950 г.р. Оймяконский р-н, зап. от 2012 г.

¹⁰ ПМА. Н.Т. Винкуров, М.И. Андреев, А.С. Колесов.

население многие сакральные места, связанные с родовой территорией своих предков «прячет» от чужих людей. Для них это не только место глубокого почитания как «колыбели» предков, но также и источник жизненной силы, место приобщения к священному пространству¹¹.

Согласно негласному закону о круговороте жизни, гора, выступая как место упокоения предков, может рассматриваться и как даритель кут-души ребенка. В мифопоэтике северных якутов встречаются сюжеты, когда бездетные пары просят кут-душу ребенка у духа горы¹². Следует отметить, что северные якуты считают себя детьми родовых гор и говорят про себя *хайа сахалара* 'горные якуты'. Характеризируют себя «степенными, серьезными людьми с твердым и непоколебимым характером, в отличие от центральных якутов». По словам информантов, «горный ландшафт так сильно влияет на менталитет, что даже выходцы из других улусов меняются в своем характере и даже во внешнем облике»¹³. Действительно, у якутов ярко выражено чувство «слитности» с местом проживания. Так, «кормящий» ландшафт буквально пронизывает весь мир человека, ментальную матрицу, ритуальный комплекс [3, с. 258].

Таким образом, в геокультурной панораме народа саха, из всех природных объектов, связанных с метафорой Юга, выделяются орографические объекты. Причем, в зависимости от культурно-географической характеристики территории проживания тех или иных локальных групп саха, ментальный образ горы в «сакральной топографии» варьируется с «положительной валентности» до «отрицательной». В географическом видении пространства центральных и вилюйских якутов, чей ландшафт в основном характеризуется лесным массивом и степной зоной, горы представляют собой периферийную «опасную» область «освоенного пространства». В мировоззрении же северных якутов – насельников горной местности, гора выступает как часть «освоенного пространства» и центр Вселенной, медиатор между небесной и земной мирами, сфера обитания духов предков. Так, северные якуты, перенесли метафору Юга и стереотипы пространственного поведения на новое географическое пространство. Удаленность от основной контактной зоны миграционных потоков и ландшафт, близкий по своим геокультурным характеристикам к прежней территории проживания, способствовали сохранению архаического духовного универсума, связанного с культом гор.

¹¹ ПМА. ИД. Прудецкий.

¹² ПМА. Т.Н. Божедонова

¹³ ПМА.

Литература

1. Багдарын Сүлбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. – Якутск: ЯКЗ, 1982. (на якутском языке). – 232 с.
2. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Записки ВСОРО по этнографии. – Иркутск, 1890. – Т. 1. С. 3 – 34
3. Данилова Н.К. Доминантные символы пространства: ландшафт и социум (этнолокальные модели на примере якутского народа) // Всадники Северной Азии и рождение этноса. Этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. С. 254-266.
4. Иванов М.С.-Багдарын Сүлбэ. Избранные труды. Сакральные названия. – Т.4. – Якутск: Бичик, 2015. – С. 719.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-ое переизд. – Т.1-3. – СПб: Наука, 2008.
6. Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов // Труды комиссии по изучению Якутской АССР. – Л., 1929. – Т. 7. 226 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_061

Степанова Л.Б.

ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РИСУНОК В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е.М. ЯРОСЛАВСКОГО

В настоящей статье освещается научно-исследовательская работа Е.М. Ярославского (М.И. Губельмана) – видного государственного деятеля, члена якутского отдела Русского географического общества, впоследствии почетного члена научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ» и академика АН СССР в годы работы в Якутском областном музее.

В якутской историографии вклад Е.М. Ярославского в развитие музейного дела и формирование собрания музея подробно освещается в работах П.В. Винокурова и Е.С. Шишигина [1, с.171-178; 7, с. 164-171]. Безусловно, это фигура очень деятельного, одиозного и одаренного человека, партийного публициста, историка и идеолога марксистского атеизма нуждается в новом объективном прочтении и изучении.

В период с 1913 по 1917 гг., после 5 лет каторги, Е.М. Ярославский находился в якутской ссылке. Должность консерватора Якутского областного музея, согласно существовавшей негласной договорённости с администрацией Якутского областного статистического комитета, политссылные традиционно передавали людям из своей среды. Это делалось для содержания их семей и оказания посильной помощи друг другу.

По рекомендации Н.Н. Грибановского, в период с мая 1915 по май 1917 гг. обязанности консерватора Якутского областного музея были возложены на Е.М. Ярославского. Он систематизировал фонды Якутского областного музея, возобновил ведение систематических описей музейных предметов, собрал значительные геологические и ботанические коллекции. Е.М. Ярославский в качестве консерватора провел разностороннюю научную работу по изучению истории, этнографии, географии и геологии, состоял в переписке с представителями различных экспедиций, проезжавших через Якутск, в т.ч. и с зарубежными. В частности, держал связь через переписку с Йоханом Корэном, руководителем Полярной экспедиции, производившем сбор материалов по палеонтологии, орнитологии и геологии для Национального музея США и предметов этнографии для Гарвардского университета штата Массачусетс в 1915 г. [4, лл. 21-22].

Политические ссылки, отбывавшие годы ссылки на обширных пространствах Сибири, принимали деятельное участие в работе поисковых разведывательных партий и экспедиций, работали в школах и больницах, организовывали публичные библиотеки, фотосалоны, книжные магазины и музеи. Ведя активную социальную жизнь, могли беспрерывно входить во все детали повседневного быта коренных народов Севера и тем самым вести долговременные наблюдения. Это давало возможность изучения местной повседневной жизни со всей его полнотой, что было бы невозможно в условиях краткосрочной экспедиции. В перспективе анализ поведенческого кода круга интеллектуалов и музейных коллекторов, с их глубокими морально-психологическими установками чувства долга и ответственности за сохранение элементов исчезающего быта северных народностей, позволяет говорить о формировании особой интеллектуальной культуры в обществе этого периода.

В 1916 г. в качестве чернорабочего – помощника младшего таксатора, Е.М. Ярославский принял участие в работе Лесоустроительной партии А.А. Гайдука в Олекминском округе. В его функции входило выполнение комплекса полевых и камеральных работ с выполнением оформительской работы материалов (рисуночное фиксирование). В этот период провинциальная жизнь Якутской области была оживлена чередой иностранных и российских экспедиций, работавших на ее территории. Широкое применение возможностей визуальных практик в ходе полевых экспедиционных изысканий открыли перед исследователями возможности быстрой фиксации. Фотографическая съемка и рисуночное фиксирование проводилась участниками каждой экспедиции. И в настоящее время именно

экспедиционные фотографии и рисунки этого периода являются основным иллюстративным материалом в выпускаемой литературе по истории Якутии, а также в экспозициях республиканских музеев.

В ходе работы экспедиции Е.М. Ярославский выполнил для музея гербарные сборы и собрал небольшую этнографическую коллекцию по эвенкам [1, с. 172-173]. В настоящее время из собранных им коллекций в собрании Якутского государственного музея сохранился интересный образец экспедиционного рисунка работы Е.М. Ярославского и несколько фотографий А.А. Гайдук.

Характеризуя экспедиции тех лет, надо отметить, что экспедиции организовывались таким образом, чтобы поставленные исследовательские задачи всесторонне рассматривались специалистами разного профиля. Е.М. Ярославский, работавший в технике масла, акварели и карандашного рисунка, а также владевший навыками препаратора-естествоиспытателя, а также глубокими знаниями в области ботаники и геологии, являлся как нельзя более подходящей кандидатурой. За ведение фотофиксации отвечал А.А. Гайдук, функции таксатора исполнял Ф.Л. Бухштейн, его сын Г.Ф. Бухштейн занимал должность младшего таксатора.

Соглашаясь на предложение А.А. Гайдук принять участие в работе экспедиции, Е.М. Ярославский предварительно координировал план своих исследований и экспедиционных работ с местным отделением Русского географического общества и Академией наук. Он писал: *«Первоначально, сообщая о цели своей предполагаемой поездки в Географическое Общество и в Академию наук, я имел в виду, что в верховьях р. Олекмы, по рассказам бывших там кондукторов Якутской лесоустроительной партии, кочуют орохоны и что было бы интересно собрать этнографический материал о них. Однако, сложность других работ («сборы естественноисторических коллекций») и недостаток времени (мы прибыли на р. Олекме всего около месяца), скудость средств, и мое недостаточное предварительное знакомство с предметом не дали мне возможности собрать более обширный материал [2, с.33].* Этот характерный факт служит свидетельством влияния интеллектуальных традиций научных сообществ дореволюционной Якутии на формирование стратегий музейного собирательства. Кроме того, это подтверждает программный характер применения визуальных художественных практик в экспедиционной работе и в собирательстве музейных коллекций.

В своих заметках из полевого дневника 1916 г., опубликованных Ярославским в 1925-1926 гг., он пишет, что считал полезным фиксиро-

вать в дорожном дневнике всякую мелочь, считая, что мог натолкнуться на что-либо совершенно новое, не отмеченное другими, параллельно делая наблюдения, насколько сохранились или изменились те или иные стороны традиционного быта, охарактеризованные предыдущими исследователями [2, с. 33-51; 3, с. 169-175]. Данное обстоятельство соответствует распространяемым ИРГО памяткам и программам по сбору этнографических данных [5, лл. 9-11; 6].

В число объектов фотофиксации А.А. Гайдук попали антропологические типы якутов, русских и тунгусов Олекминского округа, олени стада, пейзажные мотивы Джикимды, Олекмы и Ньюи, обстановка юрт и тордохов, типы жилых и хозяйственных построек, тунгусские и якутские усадьбы. В фокусе экспедиционного художника Е.М. Ярославского преобладает фиксация значковой письменности тунгусов, системы знаковых символов в окружающем ландшафте, позволявшей определить направление кочевки, расположения стойбища и просьб по нахождению отбившихся оленей и т.д. Проводилась также фиксация предметов традиционного обихода эвенков Олекминского округа, тунгусских и якутских орнаментов, ритуальных предметов и жертвенных комплексов. Интересно, что экспедиционные рисунки Е.М. Ярославского ещё не рассматривались в российской и региональной историографии в качестве отдельного объекта изучения для историко-этнографического исследования.

Среди материалов, собранных Е.М. Ярославским в Олекминском округе, интерес вызывает рисунок «Тунгусский жертвенник» (ЯГО-МиКНС им. Ем. Ярославского. Г-177 КП 5156. Бумага, акварель. 70x56,2см). Рисунок является поздней детальной прорисовкой жертвенника, выполненной художником после возвращения из экспедиции со схематической структуры, спешно зарисованной Ярославским в записную книжку, вместе с его детальным описанием. На рисунке крупным планом изображена ураса с небольшим очагом в середине. Рядом с ним в небольшом отдалении изображен жертвенник, представляющий собой комплекс из двух колышков, заострённых сверху, с горизонтальной перекладиной. Колышки обвязаны пучками белых конских волос. Между колышками изображена вбитая высокая жердь, перед которым установлен ритуальный столик с подношениями. Над ним натянута ритуальная веревка с разноцветным тряпочками, лентами и конским волосом. К передней жерди натянута веревка, рядом с которой воткнута деревянная птица на высоте человеческого роста. В дорожном дневнике Е.М. Ярославский отметил, что на четырех углах столика в отверстия были вбиты 4 чашечки, вырезанные из толстого (около 3 см) тальника, заполненные жиром и

молоком. На подставке стояли две берестяные посудинки, в них находились кусочки вяленой сохатины (мясо лося) и оленины. Здесь же, на подставке, лежал кусок медвежьей шкуры с ноги, а дощечка в некоторых местах была вымазана запекшейся кровью [2, с.45-46].

Впоследствии оказалось, что снимки, выполненные А.А.Гайдук на месте обнаружения жертвенника, не получились, и в итоге детальный рисунок Е.М.Ярославского стал единственным важным свидетельством обустройства эвенкийского жертвенника, тип которого ранее не был изучен другими исследователями. Ритуальный объект поклонения эвенков был зафиксирован экспедицией в местности у излучины р. Олекма. Корреляция рисунка с дорожными заметками позволяет точно датировать обнаружение жертвенника 21.08.1916г.

Этнокультурный контекст в зарисовках и фотографиях, выполненных в ходе работы Лесоустроительной экспедиции, представлен здесь как явление визуальной культуры своего времени, представляющей возможности их более широкой интерпретации, включая оценку ценностных ориентиров эпохи до истории их дальнейшего бытования. Представленные здесь данные раскрывают объективную картину экспедиционных изысканий в Якутской области, параллельно сопровождавшихся визуальным наблюдением над повседневностью.

Таким образом, видовые и жанровые изображения этнографического характера, выполненные Е.М. Ярославским, могут рассматриваться в качестве практического применения визуальных методов исследования в изучении антропологии северных народов. Эти методы служили для выражения идей интеллектуального сообщества Якутской области, с характерными для него мыслительным инструментарием и коммуникативными практиками.

Литература

1. Винокуров П.В. Е. М. Ярославский как этнограф // Якутская политическая ссылка (XIX – начало XX вв.): Сборник научных трудов. / Якутский институт языка, литературы и истории; [отв.ред. д.и.н. Л.М. Горюшкин, д.и.н. В.Н. Иванов]. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 171-178
2. Губельман М.И. О тунгусах Олекминского округа (Из дорожных заметок при поездке по р. Олекме летом 1916 года.)// Известия Государственного Русского Географического общества. Вып. II. Т. LVII. 1925. С.33-51
3. Губельман М.И. Из путевых заметок, веденных на реке Олекме летом 1916 г. // Известия РГО. Т. VIII. Вып. 1. 1926. С. 169-175
4. НА РС (Я), Ф. 1407, Оп. 1. Д. 395.Рукопись. Кротов М.А. Иностранцы в дореволюционной Якутии.

5. НА РС (Я). Ф. 26-и. Оп. 1. Д. 748 // Документы о сборе этнографических предметов для музея ВСОРГО в Иркутске, о запрещении игры в карты, о порядке взыскания недоимок с населения Верхоянского округа и др. 1883 г.

6. Программа по собиранию предметов для музея, предполагаемого к устройству при Якутском областном статистическом комитете. Якутск, 1886. 12 с.

7. Шишигин Е.С. Роль Ем. Ярославского в развитии музейного дела в Якутии // Якутская политическая ссылка (XIX-начало XX вв.): Сборник научных трудов. / Якутский институт языка, литературы и истории; [отв. ред. д.и.н. Л.М. Горюшкин, д.и.н. В.Н. Иванов]. Якутск.: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 164-171

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_062

Ефремов Н.Н.

ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЯКУТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В докладе на основе архивных и опубликованных материалов освещаются основные вехи жизни и деятельности одного из первых якутских лингвистов, писателей Г.В. Баишева-Алтан Сарын (1898-1931), яркого представителя якутской интеллигенции 20-х гг. 20 века.

Гавриил Васильевич Баишев родился в Мегинском улусе в Жабыльском наслеге в бедной семье. Окончил двухклассное сельское училище. В 1921 г. он находился в отряде белых во время Кильдямского и Никольского (Намского) боя, что было отражено в протоколе его допроса от 6 ноября 1929 г.: «В 1921 г. меня захватил отряд повстанцев и спустя некоторое время я вынужден был примкнуть к ним и носил должность взводного командира в Никольском районе, потом, после поражения отряда повстанцев в протяжении нескольких дней заменил ротного командира за отсутствием подходящего человека. Мое участие в повстанческом было: отчасти – по убеждению, отчасти носил стихийный характер. В этот момент я не разделял политику военного коммунизма. Это и привело к вооруженной борьбе. ... я участвовал в Кильдямских и Никольских боях. ... лишен избирательных прав» [1, с. 11, 23]. После амнистии в 1922 г. он учился в педтехникуме и одновременно работал техсекретарем общества «Саха омок». В 1923 г. работал секретарем в Наркомземе республики.

18 февраля 1924 г. талантливый молодой человек начал свою работу в Совете якутской письменности при ЯЦИК во главе И.Н. Бараховым. Работу этого совета продолжила переводческая комиссия, организован-

ная при наркомате здравоохранения и просвещения. В том же году член этой комиссии А.А. Иванов-Кюндэ был назначен ответственным секретарем якутской секции центрального издательства народов СССР. Алексей Андреевич рекомендовал вместо себя членом переводческой комиссии Гавриила Васильевича. В эти годы комиссия провела много работы в культурно-просветительской деятельности. Ее работа была высоко оценена в 1926 г. во Всесоюзном тюркологическом съезде: «Находясь в наиболее отдаленном от центра современной культуры районе, якуты в отношении их языка, тем не менее, изучены в значительной степени. Всесоюзная Академия наук в Ленинграде в числе своих изданий, как известно. Имеет уже несколько томов образцов народной литературы якутов... Что касается грамматики якутского языка, одна из лучших грамматик турецкого языка принадлежит именно якутам. ... Мы далее знаем, что среди якутского народа и раньше, и теперь имеется целый ряд работников, которые и сами изучают свой язык, и свою литературу».

Осенью 1924 г. Г.В. Баишев приехал в Москву и по рекомендации переводческой комиссии некоторое время он работал вместо В.В. Никифорова, который перешел на другую работу, в центральном книжном издательстве народов СССР до назначения на эту работу А.А. Иванова-Кюндэ. В 1925 г. он поступил в Ленинградский институт живых восточных языков. За успешную учебу он получал повышенную стипендию. Известно, что на торжественном собрании АН СССР, посвященном 45-летию работы Э.К. Пекарского над «Словарем якутского языка», Гавриил Васильевич зачитал приветственный адрес на якутском языке. Студент-якутянин по рекомендации М.К. Аммосова помогал Э.К. Пекарскому в подготовке словарного материала к печати в качестве корректора. Кроме того, он по просьбе Эдуарда Карловича сделал научный перевод олонхо «Ала-Булкун» на русский язык. Работа продолжалась с 5 августа 1925 г. по февраль 1928 года. В 1926 г. он подвергался допросу ОГПУ, где в частности открыто признался, что он «теперь не против Советской власти, но в случае, если политика Советской власти будет изменена в сторону угнетения нац <иональных> меньшинств, то он будет бороться против Советской власти» [Там же, с. 22].

Осенью 1928 г. после окончания института молодой лингвист возвращается в Якутск. В это время в Якутске резко изменилась общественно-политическая ситуация: «ксенофоновщина», постановление ЦК ВКП (б) «О положении в якутской организации», закрытие общества «Саха омум», изменение состава Якутского правительства.

По постановлению Президиума ЯЦИК от 5 ноября 1928 г. Г.В. Баишев был назначен ученым секретарем Комитета якутской письменности (позднее – Комитет нового алфавита). Г.В. Баишев очень плодотворно начал работать совместно с П.А. Ойунским, С.Н. Донским-1, К.О. Гавриловым и А.А. Ивановым-Кюндэ [5; 6]. Известно, что Платон Алексеевич «очень заботливо и бережно относился к представителям национальной интеллигенции» [4, с. 28].

В рамках политики якутизации Г.В. Баишев предлагал образовать национальную терминологию восстановлением забытых якутских слов из фольклора, а также заимствованием тюркских, монгольских и русских терминов [2, с. 76]. Перед комитетом якутской письменности «встал вопрос о методах и приемах создания якутского литературного языка. В процессе обсуждения этой проблемы встали два вопроса: 1) вопрос о способе освоения иностранной научной, общественно-политической и пр. терминологии и 2) вопрос об установлении твердой орфографии. По обоим вопросам разгорелась дискуссия, в результате которой выявились различные точки зрения. Первая точка зрения (Ойунского и Кюнде) по вопросу о терминологии гласила: «Иностранные термины перенимать и передавать на якутский язык, сохраняя все фонетические особенности якутского языка, например, закон сингармонизма; ни к коем случаю не допускать употребления звуков и соответствующих знаков, отсутствующих в якутском языке, не допускать звуковых сочетаний, противоречащих фонетике якутского языка» (5, л.3).

Г.В. Баишев был арестован ОГПУ при СНК СССР 5 ноября 1929 г. Ему было предъявлено обвинение по ст. 17, 58-2 УК РСФСР. Тройка при ЯОООГПУ 22 апреля 1930 г. вынес постановление: «Баишева Гавриила Васильевича заключить в концлагерь сроком на 3 года с последующей высылкой в одну из самых отдаленных местностей [1, с. 23]. Г.В. Баишев скончался 22 июня 1931 г. в Иркутске в санчасти 4-го отдела Сиблага ОГПУ [3, с. 164]. Постановлением президиума Верховного суда Якутской (Саха) ССР от 20 июня 1991 г. он был реабилитирован [1, с. 29].

Литература

1. Алтан Сарын. Тоѳус этинг тойуга / сост. В.Н. Протодияконов. – Якутск: Бичик, 1998. – 384 с.
2. Антонов Е.П. Роль интеллигенции в осуществлении государственной языковой политики в Якутии (19-первая треть 20 вв.) // Гуманитарные науки Сибири. - № 2. – 2007. – С. 74-77.
3. Николай Уус. Толук ууруллубут олох. – Дьокуускай: Медиа-холдинг «Якутия», 2010. – 168 с.
4. Петров П.П. П.А. Ойуунускай олоѳун умнуллубат түгэннэрэ (1937 сыл). – Дьокуускай: СР НА, ГЧИ, 2003. – 203 с.

5. Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 50, оп. 1., е.х. 2147. Материалы (обращения, протоколы, доклады, сведения, отчеты), о составлении алфавита якутской письменности. 16 апреля 1924 г. - 3 марта 1928 г. на 247 л.

6. Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 4., д.1 Дела, материалы комитета якутской письменности (положения, протоколы заседаний и др.). (1928-1929). Итого 332 л.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_070

Боякова С.И.

УЧИТЕЛЬ Д.Д. СИВЦЕВ: ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ НАРРАТИВАХ

Среди актуальных проблем современной исторической науки по-прежнему малоизученными остаются вопросы формирования исторической культуры и исторического сознания. Важную роль в этом процессе занимает интерпретация образов прошлого, в том числе образов исторических личностей. Весьма перспективным представляется здесь применение концептуальных установок новой биографической истории в сочетании с дискурсивным анализом и нарративными методами исследования.

В контексте конференции, посвященной феномену личности М.С. Иванова–Багдарына Сулбэ – ученого, общественного деятеля и педагога – причем в каждой своей ипостаси достойного отдельного исследования и презентации, хотелось бы остановиться на некоторых аспектах изучения жизнеописания деятелей прошлого на примере одного из самых известных учителей Якутии, просветителя Дмитрия Дмитриевича Сивцева (1854–1902).

Следует подчеркнуть, что в историографической традиции уже сложился определённый образ Д.Д. Сивцева. Для выходца из бедной семьи «иностранца» он сделал весьма неплохую по тем временам карьеру. Он окончил Якутское городское училище, затем поступил во вновь открытую Якутскую прогимназию, где учился со многими яркими и талантливыми представителями нарождавшейся национальной интеллигенции: братьями Василием, Константином и Митрофаном Неустроевыми, будущим выпускником Военно-медицинской академии Георгием Слепцовым, первым из народа саха получившим специальное педагогическое образование Василием Монастыревым. В 1875 г., получив свидетельство народного учителя, Сивцев стал работать в Сунтарском народном училище, где проработал на протяжении 27 лет, до своей кончины в 1902 г. За долгую

безупречную службу он был возведен в ранг губернского секретаря, неоднократно поощрялся областным начальством. В 1900 г. в качестве представителя Якутской области Д.Д. Сивцев выезжал на Всемирную Парижскую выставку, где демонстрировал, в том числе, якутскую национальную одежду, давая пояснения посетителям на французском языке. По дороге на выставку был принят и награжден императором Николаем II. Был женат (с 1877 г.) на дочери почтмейстера Екатерине Александровне Николаевой. Дети умерли во младенчестве, однако Сивцев воспитал осиротевших племянников: Николая Андреева, впоследствии тоже народного учителя и общественного деятеля, Елизавету и Февронию Сивцевых. Феврония рано умерла, Елизавета вышла замуж за сына чиновника Николая Лукина и тоже вместе с мужем продолжила семейную традицию, стала известным педагогом, заслуженным учителем школ ЯАССР, орденоносцем. Е.А. Сивцева пережила мужа на 10 лет и умерла в 1913 г. Современники неизменно характеризовали Д.Д. Сивцева как педагога от бога, подвижника, человека редкого трудолюбия, честности и порядочности.

Безусловно, необходимо продолжение изучения жизни и деятельности Д.Д. Сивцева как в русле традиционного биографического метода, выявляя ранее неизвестные события и явления, так и с точки зрения интерпретации в новом контексте уже известных фактов. В данной публикации хотелось бы остановиться на некоторых моментах обыденного и исторического восприятия личности Д.Д. Сивцева его современниками и последующими поколениями. С этой целью предпринимается попытка описать, как складывался образ Д.Д. Сивцева в воспоминаниях современников, исторической и художественной литературе; проследить, как формировались контексты его восприятия.

Первое письменное упоминание о Д.Д. Сивцеве мы встречаем в отчете Якутского и Вилюйского епископа Дионисия (Хитрова) за 1877 г., который посетил тогда Эльгяйское народное училище. Отметив, что учитель этой школы «из якутов, обучавшийся в якутской прогимназии», известный миссионер и просветитель не смог скрыть своего разочарования: «Ученики вполне выказывают своими успехами... Многие из них наизусть читают молитвы и Символ Веры, но читают так, что их чтения ни русский, ни якут разуместь не могут, да и сами читающие не понимают, что читают. Молитвы и Символ Веры они заучили по-русски, а русского языка не знают. Я заметил учителю, что ему следовало бы разъяснить ученикам по-якутски читаемые ими молитвы и Символ Веры, но учитель скороговоркой ответил мне: обучение якутского языка здесь не полагает-

ся. Чему же и для чего учат этих мальчиков? Для чего же мы трудились над переводом Священного Писания, богослужебных книг и разных молитв на якутский язык...?» [5; 44]. Очевидно, критическое замечание первого якутского епископа оказало серьезное воздействие на молодого (в то время Д.Д. Сивцеву было всего 23 года) учителя. В дальнейшем, судя по архивным документам, он много занимался самообразованием, постигал методику преподавания, активно ставил вопросы улучшения условий и качества школьного обучения. К концу жизни Сивцев пользовался непререкаемым авторитетом среди сунтарцев не только как учитель, выпустивший 68 учеников, многие из которых стали улусными головами, писарями и священнослужителями, но и как меценат, просветитель, подвижник. Большое впечатление на земляков произвело участие Д.Д. Сивцева во Всемирной Парижской выставке 1900 г., его приглашение по этому случаю на прием к императору Николаю II [3]. На долгие годы сложился образ Д.Д. Сивцева, как выходца из бедной семьи, добившегося успеха в жизни благодаря образованию, уму и энергии. Показателем подобного «обыденного» восприятия его образа может служить записанное автором интервью жительницы г. Якутска о происхождении её фамилии от прозвища предка «Сивцев» (имевшего собственную фамилию Иванов), которое тот получил, поскольку был «умным, знающим и начитанным, как учитель Сивцев» [6].

Интересные воспоминания о Д.Д. Сивцеве оставил один из его учеников, поэт и общественный деятель М.Н. Тимофеев-Терешкин [8; 26–30, 80–85]. Написанные в 1950-е гг. они были опубликованы только несколько лет назад. Подробно описывая процесс своего школьного обучения, Тимофеев-Терешкин подчеркивал, что именно учитель, определив его большие способности, настоял на том, чтобы родители отправили его для продолжения учебы в Якутск [8; 30].

Однако в первые советские десятилетия имя Д.Д. Сивцева было предано забвению, как царского «приспешника, целовавшего руку» императору [5]. Восстановление его доброго имени связано с трудами В.Ф. Афанасьева [1] и И.Г. Березкина [2]. Но настоящее возвращение Д.Д. Сивцева в культурную память народа произошло после выхода в 1982 г. романа Н. Якутского «Адаҕа», где почти документально воспроизведен его образ истинно народного учителя и подвижника [4].

Литература и источники

1. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии.– Якутск: Кн. изд-во, 1966.– 345 с.
2. Березкин И.Г. По следам наших предков и современников.– Якутск: Кн. изд-во. 1981.– 158с.

3. Григорьев М.С. Жизнь и деятельность Д.Д. Сивцева, первого учителя Эльгяйской школы// Архив МР «Сунтарский улус (район)». Ф. 51.Оп. 1. Д.3.
4. Золотарев Н.Г. – Николай Якутский. Ада5а: Роман.– Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1982.– 256 с.
5. Иванова Р.П. Интервью// ПМА
6. Митькинова-Сивцева С.Т. Интервью// ПМА.
7. Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще.– Т. 6. Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1877–1883 гг.– Тверь: Булат, 2013.– 349 с.
8. Тимофеев-Терешкин М.Н. На рубеже двух эпох: Воспоминания, научные труды, статьи, письма, произведения/ Сост. Н.В. Михалева-Сайа.– Якутск: Смик-Мастер. Полиграфия, 2013.– 616 с.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_063

Петров П.П.

К ИСТОРИИ ГОРОДА ВИЛЮЙСКА

Вилуйск был основан в далеком 1634 г. отрядом Посника Иванова-Губаря, который на крутом яру против устья р. Тюнг построил небольшой острожек, позднее получивший название Верхневилуйского (Верховилуйского) зимовья. До 1641 г. в бассейне реки Вилуя действовали отряды мангазейских, томских, енисейских, тобольских служилых людей, которые попеременно налагали на местное население непосильные поборы, что приводило к восстанию последних, в результате чего укрепленные зимовья и острожки горели дотла. В связи с этим, Верховилуйское зимовье к концу XVII в. было перенесено в сунтарские наслега, вернее, к земле нахаринских якутов. Об этом свидетельствовала оставшаяся от зимовья деревянная башня, остатки которой сохранялись вплоть до 1915 г.

В 1741 г. архиепископ Иркутский Нил с миссионерской целью объездил вилуйские улусы и, чтобы восстановить острог на прежнем месте и сделать его центром всех вилуйских улусов, решил построить православный храм. Во исполнение его просьбы Верховилуйское зимовье из Сунтар было перенесено на то место, где раньше стоял острог П. Иванова-Губаря. В 1742 г. в нем была построена первая в вилуйских улусах деревянная церковь во имя св. Николая Чудотворца. Зимовье выросло до уровня селения и в нем находилось управление вилуйских зимовий, а с 1783 г. – управление Оленского уезда, которое было упразднено указом Павла I в 1798 г. В 1805 г. Верхневилуйское селение становится центром округа, а в 1822 г. получает статус города и переименовывается в Ви-

люйск. Следует сказать, что прилегающие к зимовью территории переходили в подчинение к данному населенному пункту и получали соответствующее название. Например, к Средневиллюйскому зимовью относились роды Хохуйский, Теинский, Лючинский, Мукучинский, 1 Тагуйский, 2 Тагуйский, 3 Тагусский, 4 Тагуйский, Жемконский, Оргоцкий, Кырыкыйский, Кыргыдайский, Модутский; частью кочевых и бродячих инородцев: Жакутский, Бетюнский, Бетильский, Кяльтятский. В связи с образованием улусов в начале XIX в. они вошли в Средневиллюйский улус. Вновь образованный Верхневиллюйский улус получил свое название от Верхневиллюйского зимовья. Поэтому не следует путать, что Верхневиллюйское зимовье находилось на территории современного Верхневиллюйского улуса.

Постепенно Виллюйск становится административным, хозяйственным, культурно-образовательным центром всего северо-западного региона Якутии. Город располагался на высокой песчаной террасе реки Виллюй. Чтобы строить жилье и другие хозяйственные постройки, горожане вынуждены были сплавлять по реке бревна и гужевым транспортом доставлять по оврагу Улахан Уолбут к месту строительства. Поэтому первые дома были расположены на поляне Улахан Уолбут. Но это место оказалось неудобным по причине того, что подмерзлотные воды доставляли очень много хлопот жителям. В вышестоящие инстанции они писали жалобы такого характера: «...каждогодно в зимнее время подступает в жилые юрты жителей вода ис под земли, когда выжимает морозом», в церкви зимой «подступает ис под земли вода так, што уже почти в алтаре до самого престола, и полы все поднимает».

Поэтому с разрешения властей жители стали обживать более высокий и безопасный северо-восточный участок. Здесь же возвели двухэтажный храм во имя св. Николая по образцу Преображенской церкви в г. Якутске. Вероятно, это произошло в начале XIX столетия. Во второй половине того же века было построено здание Виллюйского окружного полицейского управления. Город визуально смотрелся очень компактно. Для своего времени он считался благоустроенным, существовала сеть водосточных канав, улицы представлялись прямыми и широкими, дома и дворовые участки поддерживались в порядке. С развитием товарно-денежных отношений и вовлечением виллюйских улусов в общ якутский рынок оживилось деревянное домостроение. Начали строить большие деревянные здания с высокими крышами, карнизы которых украшались прорезным декором, а оконные проемы наличниками и двустворчатыми ставнями с барельефным узором. На рубеже XIX–XX столетий в городе

было три православных храма, что говорит о богомольности горожан, количество которых в 1911 г. достигало 915 человек обоего пола. По словесному состоянию горожане делились на дворян 31 чел., духовенство – 5, почетных граждан – 23, купцов – 18, мещан – 35, казаков – 247, крестьян – 26, якуты – 425, ссыльные и их семьи – 105 чел.

Дворяне (к ним примыкали чиновники) занимали высшестоящие должности в окружном полицейском управлении, в административном подчинении которого находились все вилуйские улусы и русские крестьянские общества. Вилуйск выполнял роль центра распространения и укрепления православной веры среди населения. На духовенство также возлагалось исполнение некоторых поручений административно-полицейского характера: ведение метрических записей прихожан, преподавание «закона божьего» в школах и т.д. Купеческое сословие в рассматриваемый период состояло из двух гильдий. Купцы первой гильдии производили оптовую и розничную торговлю товарами по всей России, купцам второй гильдии разрешалось вести торговлю товарами, где они были прописаны. В Вилуйске своего мещанского сословия не было, в статистические данные включались иногородние мещане. В состав населения Вилуйска непременно входили казаки и их семьи. Казаки состояли в Вилуйской команде, которая входила в состав Якутского городского пешего казачьего полка. На вилуйских казаков возлагалось в основном несение полицейской службы и выполнение т.н. «хозяйственных» обязанностей. Почти половину населения города составляли якуты, прибывшие на заработки, на учебу и осевшие в городе люди. Они занимались кустарным и ремесленным производством, строили дома, брались на подрядные работы, занимались извозным промыслом. Ссыльные, как политический, так и уголовный элементы всегда составляли немалую часть населения якутских городов. В Вилуйске политические ссыльные представляли политическую прослойку городской интеллигенции.

Промышленных предприятий в Вилуйске не было. Мастерские простой кооперации, кустарные заведения открывались на время сезонных периодов, например, «заводики» по выделке кирпича, который шел на кладку домовых печей, предмета особой гордости вилуйчан. Население Вилуйска земледелием почти не занималось, хотя в округе оно, можно считать, было в числе постоянных занятий населения. Одна из причин такого положения – отсутствие удобных хлебопахотных земель вокруг города. Отдельные горожане сажали на своих огородах капусту, репу, морковь, свеклу, брюкву, салат, горох, редиску, а также в значительных количествах картофель. По числу домашних животных вилуйчане зани-

мали среди городов Якутии первенствующее положение. Особенно много разводили крупный рогатый скот. В 1917 г. на каждого вилюйчанина приходилась одна корова, на два человека – лошадь. Разводили также кур. Некоторые пытались держать даже овец и коз, но их было единицы. К примеру, чиновник С.К. Климовский содержал 26 коров, 10 рабочих быков и 5 гулевых. Большое скотоводческое хозяйство вел купец А.Д. Кондаков, нанимавший на заготовку сена 12 мужчин и 11 женщин. Зажиточный якут И.Кычкин содержал 80 голов крупного рогатого скота и 70 лошадей. Вместе с тем 57 семей, составлявших почти половину населения Вилюйска, имели 1-2 головы или вовсе не имели скота.

В Вилюйске наряду с местными купцами Расторгуевыми, Кондаковыми, Корякиными, наследниками Харитонова, обосновываются отделения крупных торговых фирм «Коковин и Басов» и «А.И.Громовой». Летом в город прибывали пароходы А.И. Громовой, доставлявшие мануфактурные и продовольственные товары. Доходную сферу приложения капиталов для крупных торговцев и фирм составляла скупка и сбыт пушнины. В начале XX в. большое значение получило занятие старателей по добыче золота по берегам реки Вилюй и ее притоков. Экономические связи с бодайбинскими приисками укрепились в связи с доставкой большого количества скота и уходом трудоспособного населения на заработки.

Развивалось и местное самоуправление. В 1904 г. в Вилюйске началось составление списков «домохозяев» для избрания уполномоченных, куда вносились лица мужского пола не моложе 25 лет, владеющие недвижимым имуществом. Уполномоченные занимались в основном вопросами благоустройства города. В первом списке было записано 26 чиновников, купцов и зажиточных казаков, во втором – 52 более или менее состоятельных домовладельца, «могущих принять участие в выборе городских уполномоченных». Занесенные в эти списки избирали 12 (шесть по каждому списку) уполномоченных. 12 марта 1906 г. последовало разрешение царя на включение Вилюйска в «Росписание городов с упрощенным городским управлением». Через год прошли выборы 12 уполномоченных, которые приступили к своим обязанностям.

Город имел телеграфную связь с Якутском и центрами вилюйских улусов. Вслед за областным городским центром в Вилюйске появилась телефонная связь, которая заметно оживила жизнь провинциального города. Зажиточная часть горожан охотно устанавливала у себя дома и в магазинах телефонные аппараты. Проводная телефонная связь протяну-

лась и на Вилуйский выселок прокаженных, что в 8 километрах от города.

В связи с введением городского самоуправления учебные заведения города перешли на высокую образовательную ступень. Произошло преобразование школы в городское высшее начальное училище, в состав учителей которого с осени 1912 г. вошел исследователь своего края А.Е. Кулаковский. В училище подобрался сильный педагогический коллектив, включавший выпускников как Якутского реального училища, так и центральных учебных заведений. Училище отличалось демократическими традициями. В нем обучались дети из разных сословий: казаков, купцов, духовенства, крестьян и якутов.

Город Вилуйск до 1930 г. являлся административным, культурно-образовательным центром всего северо-западного региона Якутии. До наших дней сохранилось значительное количество деревянных домов, отличавшиеся своей первозданной архитектурой, среди которых здания Вилуйского окружного полицейского управления и Вилуйского городского училища, включенные в список памятников истории и культуры республики, а также в Реестр объектов культурного наследия Российской Федерации.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_064

Васильев В.Е.

ТАМГИ НА КУБКАХ ЧОРОН И СОСУДАХ МАТАРЧАХ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В Г. САНКТ-ПЕТУРБУРГ

В 2016 г. с 11 по 29 апреля в рамках программы «Истории Якутии» мы вместе с этнографом Т.Ю. Сэм работали над фондами деревянных кубков для составления фотоальбома лучших коллекций из Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). Так, нами был сфотографирован 91 экземпляр этих сосудов и составлены их первичные описания. В следующем, 2017 году, уже во время моего очередного отпуска, 17–29 апреля мы продолжили работу - было сфотографировано и описано 87 кубков *чороон* и коробов *матаарчах*. Наиболее поврежденные и новейшие сосуды нами были забракованы.

В целом, все предметы относятся к старинным и современным (вплоть до 1980-х гг.). Они делятся по размерам на большие, средние и малые, имеют до 3 (5), 7 и 9 поясов *томторбо*, не считая тонкие линии *дьарбаа*. Старинные сосуды с «позвоночным» орнаментом *тоно±ос ойуу* датируются XVIII–XIX вв. и встречаются довольно редко. Среди форм кубков иногда выделяются такие особенности, как копии русских горшков и кувшинов или чаши с согдийским орнаментом. Паспорта дореволюционных сосудов не дают почти никакой информации, иногда встречаются указания на время и место приобретения, но зато записи советского периода составлены подробно и профессионально.

Надо отметить, что знаки мастеров – *тамги*, обычно наносимые на нижней части поддона или между ножек средних и малых кубков, встречаются очень редко. Только на одном кубке знак «лапы птицы» на донышке дополняется знаками на одной из трёх ножек, напоминающими букву «К». При тщательном осмотре мы заметили, что многие деревянные кубки на донышке имели сквозные отверстия, обычно круглые одиночные посреди поддона или мелкие, от 3 до 5 дырочек, между тремя ножками в виде конских копыт. Предназначение дырочек, закрытых круглыми или квадратными пробками, подлинно не известно, но можно смело допускать, что они служили для просушки перед зимним хранением, чтобы избежать образования гнилости и трещин.

В итоге работы мы обнаружили до 15 рисунков в виде тамги и насечек (рис. 1). Они представляли собой буквы, крестики, точки и т.д. В своё время искусствовед И.А. Потапов обратил внимание на глубокую древность обычая нанесения тамги. Он обнаружил 16 личных знаков мастеров на кымысных кубках и отметил, что эти знаки схожи с наскальными рисунками Лены. Знаки передавались от отца к сыну, поэтому один мастер мог унаследовать несколько знаков [3, с. 86–87]. Автор приводил начертания знаков (рис. 2), при этом семь знаков точно соответствуют тамгам из фонда РЭМ.

Важное заключение учёного о связи тамги саха с рунами древних тюрков даёт основание предположить о религиозной сущности тамги. Знаки в виде креста, лука со стрелой и «лапы птицы» можно уверенно связать с орнаментом кулун-атахской керамики и бурятским рисунком *загалмай*, обозначающим сокола, ястреба или лебедя-марала [2, с. 62–65]. Любопытно, что слово *дьабыл* ‘пятнистый’ встречается как эпитет орла *дьабыл тойон*, и служит цветовым маркером Срединной земли – *Орто дьабыл дайды* ‘Срединная пятнистая земля’. В поэтике саха встречается и другой эпитет родной земли – *Орто туруу бараан дойду* ‘Срединная

темная земля'. Здесь термин *бараан* 'тёмный' является синонимом як. *хара дьабыл* 'чёрно-пегий' (масть коня, приносимого в жертву божеству Хотой айыы). Эти примеры наводят на мысль, что тамги произошли от культа предков-тотемов. Поэтому их рисовали на нижней части сосуда, вне поля видимости посторонних лиц.

Сосуд *ымыйа* 'большая деревянная чаша', восходящий к культу матери [1, с. 18], незримо связан с птицей *ымыы чыычаах* 'птичка-клёст', в которую превращались души умерших детей. В свою очередь, словосочетания *хара сир* 'изначальная земля' и *хара бараан* 'исключительно чёрный' этимологически связаны с каз. *карындас* 'единоутробный сородич' и як. *бар кыыл* 'грифон'.

В свете всего этого узкие дырочки на дне *чороона*, заткнутые пробками, мы можем интерпретировать как анатомическую особенность прародительниц, аналоги которых существуют в статуэтках «венер» палеолита. Косые и прямые кресты находят точные копии в формах рукояти бубна с «бараньими рогами» на концах – символа крылатого оленя шамана. Со временем кровь тотема заменялась молоком, обильно капающим с ветвей Мирового дерева, шишки которого напоминали кубки *чороон*, перевёрнутые вверх дном. Вероятно, тамга из трёх точек соответствует трём душам *кут* младенца, хранимым внутри сакрального сосуда. Таким образом, эти знаки служили оберегами *ымыы* для продолжения будущей жизни на земле.

Литература

1. Васильев В.Е. Кубок чороон *ымыйа* – символ культа плодородия: генезис и семантика ритуальных сосудов народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. – № 3. – С. 16–20.
2. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.
3. Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 143 с.

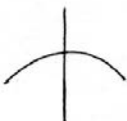
			
9915-30	ГМЭ 8878 „А“	765-6	1137-20
			
10115-2	8521-25	7200-129	ГМЭ 8876 „А“
			
	1200-132	1137-14	ГМЭ 8920 „А“
			
	765-18		

Рис. 1. Тамги на кубках чороон и коробах матаарчах из фондов РЭМ (г. Санкт-Петербург).

Рис. 22. Знаки на чоронах.

Рис. 2. Знаки на чоронах (по И.А. Потапову)

САХА БООТУРУН СЭБЭ-СЭБИРГЭЛЭ

Саха норуота барыга бары сыһыаннаах, талааннаах, мындыр норуот. Кини сырдык ыраллаах, баай фантазиялаах тылынан уус-уран айымньытын таһынан ураты ис хоһоонноох, тас көстүүлээх материальной культураны айбыта биллэр.

Былыр-былыргыттан киһи аймах бэйэтин икки ардыгар күөн көрсөн, сэриилэһэн олорбута үгүс источниктарга суруллан турар. Дьэ, ол иһин кырыктаах сэрииттэн тыыннаах ордон хаалаары, туох баар сатабылын ууран сэрии сэбин-сэбиргэлин оностор эбит.

Бухатыыр сэбин-сэбиргэлин ойуулааһынна туттуллар тиэрминнэри биирдиилээн ырытан көрүөбүт:

Куйах – бухатыыр үнүүттэн, охтон көмүскэнэр тимир хаххата.

Ох саа – оһунан ытар талах саа.

Батас – древнее воинское оружие, ножище, косарь, тесакь.

Батыһа – короткое охотничье копье в виде толстого, широкого ножа.

Кылыс – уһун ата быһах.

Болот – «Болот» ср.алт. перс. Фулат и монг. Сталь, уклад, древний короткий меч» (Э.К. Пекарский).

Саадах (Кэһэх) – саа, ох хаата.

Саха быһаҕа – саха киһитэ быһаҕа суох хайдах да сатаммат буолара. Кини кыыннаах быһаҕын куругар иилинэ сылдыар үгэстээбэ. Былыргы оҕо 8-9 сааһыттан булка, үлэбэ үөрэнэрэ, быыкаа быһыччалаах буолара.

Биһиги өбүгэлэрбит сахалар өйдүүлэринэн, быһах абааһылары, иччилэри куттуур диэн ымыы оностоллоро.

Быһыйа – төбөлөөх кыра быһах. Пекарскай тылдытыгар «бысыа, бысычча – ножичек, маленький нож, небольшой ножик». Кылыс – уһун сытыы быһах.

Кыын – туттубат кэмгэ быһаҕы угар хаа.

Өрөгөстөөх үнүү – былыр сэриигэ, улахан булка туттар уһун уктаах уһуктаах сытыы тимир төбөлөөх сэп.

Уһун субуйа батас - сытыы биилээх уһун тимирдээх, уктаах сэп.

Чомпо тимир сүллүгэс - охсуһууга туттуллар тимир эбэтэр мас.

Саадах – туран эрэн, биир төбөтүн сиргэ батары анньан, ону хамсаабат гына атабынан үктээн, билинги өйдөбүлгэ төһүү көмөтүнэн (Рычаг) үтэн ытар ох саа сэриигэ ананан оноһуллубут ураты улахан көрүнгэ буолар. Манна сыһаа-халты туттууга ытар киһи бэйэтин

дэнгнэниэн, саадахтаныан сөп. Ох сааҕа дэнгнэнии саадахтаныы дэнэр, бу Э.К.Пекарскай тылдытыгар быһааран суруллубут.

Саха быһаҕын кэнниттэн саамай биллэр биилээх сэбинэн батыйа буолар. Батыйа батас диэн сахалыы тыл кыччатыллан ааттаммыт өйдөбүлэ. Холобур, сахалар кыра кытаҕы – кытыйа, кыра үрэҕи үрүүэ диэн чопчулаан –йа, –йэ диэн сыһыарыылары туттан ааттыыллар. Онон батыйа өйдөбүлэ «кыра батас» диэн сыһыарыылары туттан ааттыыллар.

Батас диэн тыл былыргы түүрдүү «бат» уонна «ас» диэн тыллар холбоспуттарыттан “батыры ас” диэн суолталаах үөскээбитэ буолуо диэн сабаҕалааһын баар.

Э.К. Пекарскай быһаарыылаах тылдытыгар улахан батаһы «саабылаан батас»диэбит, турба-дурба диэн тыл өйдөбүлүгэр «дурба батас» диэни «массивная громадная пальма» диэн өйдөбүлү киллэрбит.

“Килич” – туроктар саабылалара, “клич” – туркменнар саабылалара, “кыч” – таджиктар биир өттүнэн биилээх быһахтара. Э.Пекарскай “кылыс” диэни түүрдэр «кылыч» диэн тылларыттан тахсыбыта буолуо диэбит.

Биир дыкти сэрии сэбин В. Серошевскай «Якуты» диэн кинигэтигэр «меч-болот» диэн ааттаан киллэрибитэ. Уһуна – 90 см. туттааҕа тимир биитин кытта бииргэ оноһуллубут. Ф.Васильев О.Бетлингк үлэтигэр олобуран, бу болот буолбатах диэн суруйан турар, тоҕо диэтэххэ, «болот» диэн ааттаммыт сэп биир өттүнэн биилээх кылыс атын көрүнгэ эбит. Ол гынан баран «болот» диэн тыл “булат” диэнтэн үөскээбит буолуон сөп диэн Э. К. Пекарскайтан саҕалаан сабаҕалааһын баар.

Былыргы саха кыырыктаах үнүүтэ икки өттүнэн биилээх, дьөлө анньарга уонна батыры быраҕарга аналлаах олус тупсаҕай уонна олонхоҕо хохуйуллубутун курдук туох баар сатабылларын киллэрэн, уустаан-ураннаан онороллоро. Үнүү киэргэлигэр дьэс уонна чан алтанынан боҕуска кыбытыктары киллэрэн, уктаатын моойдуу киэргэтэллэрэ. Үнүүнү бултуурга даҕаны, сэриигэ даҕаны тутталара. Ф. Васильев “үнүүнү уһун уктаах батаһа суох, кылыс сэптээх боотур туттар этэ” диэбит.

Сахалар ох сааларын “ох саа”, “чаачар саа”, «кураахтаах саа» диэн ааттыыллар. Аан дойдуга ох сааны былыр-былыргыттан бултуурга даҕаны, сэриилэһэргэ даҕаны бары киэнник туттан кэлбиттэрэ.

Түмүккэ эттэххэ, омукупут былыргы килбиэннээх историятын киэнник үөрэтии – билии ыччакка өй-санаа өрө көтөбүллүүтүн үөскэтибэ, үрдүккэ талаһар дьулурун күүһүрдүбэ. Уруккутун билбэт-үөрэппэт

омук билиннитин сыаналыыр, кэлэр кэмин кэскиллиир диэн мээнэбэ эппэттэрэ чуолкай.

Литература

1. Аммосова В.В. Олонхо ойуулаах тылдьыта. Дьокуускай. – 2009.
2. Аржаков Н.Н. – Боло Уус. Былыргы дьылбыт былдьаыктаах дьылларыттан... Саха боотурун сэбэ-сэбиргэлэ\ Н.Н.Аржаков – Боло Уус. – Дьокуускай: Бичик, 2014. – 96 с.
3. Архипов Н.Д. Древняя культура Якутии. – Якутск: 1989.
4. Афанасьев П.С. Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта. Дьокуускай: Бичик - 1994.
5. Кулаковская А.Е. Научные труды . – Якутск: Якутское кн. изд-во. - 1979. – 484 с.
6. Пекарская Э.К.Словарь якутского языка. 1 т. 1959.
7. Петров Н.Е. Саха омук былыргы историятыттан. Дьокуускай: Бичик, 2003.
8. Попова М.А. Саха төрүт культурата – 1 чааһа. - Дьокуускай, 1993.
9. Сивцев Г.Ф. Сахалыы кылгас тылдьыт. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1979. – 224 с.
- 10 Сэһэн Боло. Лиэнэбэ нуучча кэлиэн иннинээҕи саха олоҕо. - Дьокуускай, 1994.
11. Федоров И.Г. Өбүгэбит олоҕо-дьаһаҕа. – Дьонуускай, 2012.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_065

Васильева У.А., Саввинова М.В.

МАРШРУТ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ КЭТ МАРСДЕН В ВИЛЮЙСКОМ ОКРУГЕ

История края – это нить, связующая прошлое, настоящее и будущее родной страны, республики. Город Вилуйск – один из малых городов Сибири, в следующем году будет отмечать свое 385-летие со дня основания. Что отличает Вилуйск от других таких же обычных городов, больше похожих на деревню, так это то, что история города связана с именами и судьбами многих интересных личностей. Одной из них является английская сестра милосердия Кэт Марсден, которая в далеком 1891 году приехала в Вилуйск с благородной миссией помощи прокаженным. Как известно, легендарная сестра милосердия Викторианской эпохи проделала долгий путь в поисках лечебной травы от проказы. Однако, узнав о наихудшем положении прокаженных в Вилуйском округе, она решилась на беспрецедентную поездку в Вилуйск верхом на лошади, преодолев

3000 верст из Якутска по бездорожью. Прибыв в Вилуйск, Кэт Марсен посетила отдельные места в Вилуйском округе, чтобы получить представление о состоянии прокаженных, которым, по ее мнению, требовался специальный уход.

Во время своей поездки Кэт Марсен вела дневник, который стал основой для издания книги «На санях и верхом на лошади к отверженным сибирским прокаженным» (“On Sledge and Horseback towards Siberian Lepers”). Книга была издана в 1892 году в Лондоне, в ней описываются детали ее невероятной поездки по Сибири и по Вилуйскому округу. Книга печаталась в Англии, Америке, переводилась на разных языках и имела большой успех.

Актуальность исследуемой работы вызвана недостаточной изученностью маршрута, которая приводит к существованию различных мнений, особенно за рубежом, по поводу достоверности ее приезда в далекую Якутию. До сих пор в научных кругах существуют споры, которые вызывают неиссякаемый интерес к путешествию Кэт Марсен в Сибири.

Цель нашей работы заключается в раскрытии точного маршрута следования сестры милосердия Кэт Марсен по Вилуйскому округу.

В ходе исследовательской работы мы основываемся на следующие документальные источники:

- документ «Именной список прокаженных, получивших посылку Г-жи Кэт Марсен» от 23 марта 1892 г. из Национального архива Республики Саха (Якутия);

- дневниковые записи Кэт Марсен в книге “On Sledge and Horseback towards Siberian Lepers” 1892 года издания;

- статья «Путешествие английской сестры милосердия в Якутскую область для помощи прокаженных» в журнале «Церковные ведомости» 1892 года издания. Эти документы найдены в ходе многолетней поисковой работы в сотрудничестве с зарубежными и отечественными исследователями жизнедеятельности Кэт Марсен и представляют большую ценность.

На основе сопоставительного и сравнительного анализа данных документов, мы составили приблизительный схематичный маршрут Кэт Марсен по Вилуйскому округу. В своем отчете от 19 августа 1891 года «Resume of my journey in to the Viluisk Province, Siberia, sign by thet chipovnik, who acted as my interpreter» о поездке в Вилуйский округ, подписанный чиновником особых поручений Сергеем Михайловичем Петровым, сопровождающим переводчиком, Кэт Марсен упоминает о 13 местах в местности «Мастах», которые она успела посетить с 2 июля по

11 июля 1891 года. Названия данных мест более-менее совпадают с названиями мест, упомянутых в документе архива от 23 марта 1892, в котором представлен список прокаженных, получивших посылку от Кэт Марсден. Для удобства сравнения мы привели информацию в виде следующей таблицы:

Места, где побывала Кэт Марсден вокруг озера Обунгда в 300 верстах от Виллюйска			
	Названия мест в документах Нац.архива РС(Я)	Названия мест в книге Кэт Марсден	Фактическое название
	Хатыгнахъ	Hatignach	Хатыгнаах
	Ылгыжанъ	Ilgidjan	
	Усунъ-Кель		Ухун күөл
	Харіелафт	Harialach Kel	Харыйалаах
	Ымыяфтагт		Ымыйахтаах
	Халы		
	Абалакъ-Кель	Abalack Kel	Абалаах күөл
	Бясь-Кёля		Бэс күөл
	Кямбрядчи		
	Хонъ-Кель	Honkeil	
	Дзикимдм	Djikinda	Дьиикимдэ
	Обунгда		
	Хочоть		

В планах нашего дальнейшего исследования найти карту местности Мастаах и восстановить точный маршрут следования Кэт Марсден в современных условиях.

Практическая значимость нашей работы состоит в попытке систематизации материалов о первой женщине-иностранке, побывавшей в Якутии, которая в одиночку осмелилась проделать трудный путь из Англии в глухой Виллюйск с целью облегчения тяжелой участи больных проказой Кэт Марсден. Мы считаем, что данная работа является своеобразным обоснованием для некоторых достоверных фактов. Работа может быть использована в качестве первого шага для подробного изучения путешествия Кэт Марсден в Сибирь, в частности, в Виллюйский округ.

Литература

1. Kate Marsden. On Sledge and Horseback towards Siberian Lepers. The Long Riders' Guild Press. www.horsetravelbooks.com
2. Васильева У. Это больше, чем память. Из Англии в Виллюйск по следам Кэт Марсден // Московский Комсомолец в Якутии. – 18- 25 сентября 2013. – С. 14.

3. Заслуга Кэт Марсден перед Вилюйским улусом. //Вчера и сегодня Вилюйской земли = Бүлүү сириҥ бэбэһээнҥитэ уонна бүгүҥүтэ. – Якутск, 1990. – Кн.2 – С 210–218.

4. Именной список прокаженных, получивших посылку Г-жи Кэт Марсден. 23 марта 1892 г. Рукопись. Копия. Документ из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия).

5. Пестерев В.И. Исторические миниатюры о Якутии. – Якутск, 1993. – С.37-43

6. Путешествие Мисс Марсден в Якутскую область (Москва, 1892г.) // Полярная звезда. – 1991. - № 2. – С. 3 – 22

7. Церковные ведомости. Первое полугодие 1892. – Санкт – Петербург, Синодальная типография, 1892. – С. 79 – 85.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_067

Афанасьев В.Д.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ СУРГУЛУКСКОГО НАСЛЕГА ВЕРХНЕВИЛЮЙСКОГО РАЙОНА РС (Я)

Название местностей или топонимы – это часть культуры народа, одно из предназначений которой – пронести через столетия памятники языка. Одним из основных направлений ономастики является топонимика – наука, изучающая название местности.

Верхневилюйский улус занимает территорию в 42 тыс. кв. км. Топонимику Верхневилюйска подробно изучал топонимист Иванов И.Е. В его картотеке собраны 4666 топонимов. Из них изучены 2567. Туда входят 21 наслегов и 6 участков. Большинство топонимов Верхневилюйска имеют эвенкийское происхождение. Сургулук – самое северное село Верхневилюйского улуса. Территория Сургулукского наслега расположена в пределах Эйикской водораздельно-маревои провинции и охватывает Тюкян-Тунгусский аласный район.

Река Тыалыччыма, которая проходит через территории Ботулу, Магассы, Далыр, Кырыкый, Дюллюкю, Хомустаах, впадает в реку Вилюй. Тюмюлгюн – исток р. Тыалыччыма, с которой эта река начинается. Тюмюлгюн – длинное озеро, находящееся по направлению с севера на юг, по очертаниям похожа на муравья с перемычкой посередине. В восточной стороне выездной части дороги есть участок Ардьалыыр, т.е. «место ловли карася с помощью ардьа (рыболовная снасть). Далее находится озерко Өлөҥ Көлүйэ, т.е. тростниковое озерко, которое окружено тростником. Это любимое место уток.

Мы в своем исследовании анализировали 101 микропонимов, 5 из которых имеют эвенкийское происхождение. 39 микропонимов образованы от имен и прозвищ людей (из них 35 до крещения, а 4 после крещения т.е. от русских имен). При систематизации микропонимов выяснилось, что количество топонимов, обозначающих физико-географические характеристики – 30; хозяйственную деятельность – 14; растительный и животный мир – 9, жилища людей – 9, антропонимы – 39. Как видно, в данной окрестности Таалаахана, верховьях Тыалыччыма села Сургулук, микропонимы названы в основном по хозяйственно значимым признакам. Из этого можно сделать вывод, что социально-экономическое положение хозяйств, родов, семей тех времен стали основной мотивацией наименования местностей.

Эта работа еще раз доказывает, что предки Сургулукского наслега прибыли со стороны г. Якутска, из Восточно-Кангаласского улуса (современный Намский улус). Они присвоили своим хозяйственным и охотничьим угодым названия Намского улуса

Литература:

1. Архипов Н.Д. Былыргы Сургуулуктар уонна Ыйыластар. - Мирный, 2006.
2. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. - Якутск, 1985.

Павлов А.А.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ЯКУТИИ

Ликвидация безграмотности среди взрослого населения стала одной из важнейших задач советской власти. В октябре 1920г. в губернском отделе народного образования создается Чрезвычайная комиссия по борьбе с безграмотностью [4, Ф. 329, оп.1, д.29, л. 39]. Такие комиссии были созданы и при окружных отделах народного образования. На плечи Чрезвычайных комиссий ложилась вся тяжесть по ликвидации безграмотности взрослого населения. На местах коммунисты и комсомольцы, члены просветительского общества «Саха Омук» создавали ликпункты, учили людей грамоте. Для выполнения поставленной задачи были мобилизованы учителя, комсомольцы, культармейцы старшеклассники. Свою работу проводили в исключительно трудных условиях: территориальная разбросанность

населенных пунктов, не разработанность алфавита, отсутствие букварей, тетрадей, карандашей, мебели, а главное учителей. К концу 1924 г. была составлена первая программа, одобренная Наркомпросом ЯАССР, рассчитанная на 4 месяца.

В архиве хранится письмо учителя Булунской школы Н.С. Ефимова, который писал: «Широкие волны просветительного движения коснулись и нашего отдаленного, глухого и отсталого края... . Ныне открывается мною в с. Булун школа призванная поднять умственный и нравственный уровень всей трудящиеся массы, достояние всех людей...» [4, Ф, оп.1, д.193, л.3].

В 1922 г. организуется Всесоюзное добровольное общество «Долой безграмотность», который возглавлял председатель ЦИК СССР М.И. Калинин [4, Ф.56.оп.2, д.81, л. 29], В августе того же года общество создается в Якутии. Местные органы Губчека были подчинены Всесоюзному обществу «Долой безграмотность».

В г. Якутске постановили открыть 4 школы для взрослых, ограничить школы 50 человек на 2 учителя. Школы комплектовались по желанию из числа работающей молодежи и бойцов Красной Армии в возрасте от 14 до 30 лет. В 1920 г. работало 23 школы по ликвидации безграмотности взрослых [4, Ф. 3329, оп. 1, д. 29, л. 31]. Школы ликбеза открылись в улусах. Работали без учебников и программ. Только с 1926 г. введены временные программы, рассчитанные на шестимесячные сроки обучения взрослых. В ликвидации безграмотности активное участие принимала интеллигенция, члены общества «Саха Омук». Например, в Мегинском улусе в 1923 г. врач Т.Е.Сосин открыл школу ликбеза и обучил грамоте 20 человек [Кыым, 16 февраля 1942 г.]. По воспоминаниям Заслуженной учительницы ЯАССР Н.Е. Самсоновой, что «Обучать приходилось грамоте, чуть ли всех была тяга к образованию, к знаниям... . Порой приходили учиться пешком за 3,5 и даже за 10 верст» [5, с.109 - 110]. В 1924-1925 учебном году было обучено 2008 человек [4, Ф. 56, оп.1, д. 195, л. 3]. К десятилетию автономии удалось обучить 78 тыс. человек. Грамотность среди взрослого населения превысило 30% [2].

Таким образом, в Якутской АССР активно шла работа по ликвидации неграмотного взрослого населения . XII съезд РКП(б), состоявшийся 17 – 25 апреля 1923 года ориентировал на ликвидации общей технической неграмотности взрослого населения, на улучшения работы клубов, изба – читален и школ. Вопрос о ликвидации неграмотности обсудили на третьем сессии ЯЦИК, в котором одобрили план борьбы на десятилетие.

Из-за отсутствия материальной базы и учительских кадров в северных наслегах республики работа по ликвидации неграмотности проводилась слабо. Например, в Булунском районе, после отъезда учителя Н.С.Ефимова школа была закрыта. Только осенью 1923 г. А.И. Софронов оживил работу по ликвидации безграмотности [3, с. 166].

В 1930 г. Областной комитет ВКП(б) предложил направить на борьбу с безграмотностью 500 комсомольцев, 400 культармейцев старшеклассников. Планомерные работы проводились почти во всех населенных пунктах. С 1928 по 1933 г. комсомольцы обучили грамоте 58 тысяч человек.

28 февраля 1936 г. бюро Обкома ВКП(б) обсудил докладную записку заместителя Наркома просвещения ЯАССР С. Сюльского. Докладчик отметил, что в ликвидации безграмотности участвуют 21 района, 205 сельских советов, 313 колхозов, в республике работают 181 школ взрослых, 174 учителей, 270 культармейца и 4046 учащихся общеобразовательных школ [4, Ф.57, оп.1, д.110, л.11-12].

По указанию Обкома партии был проведен учет неграмотных среди взрослого населения. Оказалось, что в центральных и южных районах республики, в конце 1937 года 50837 человек не умели читать и писать. Среди них были и представители советского актива. Только в 10 южных районах 864 наслежных и районных руководителей были малограмотными и даже неграмотными [4, Ф. 3, оп. 16, д. 153, л. 23]. Учет неграмотного населения до 50 лет в 9 северных районах не проводился.

Образовательный уровень учителей школ взрослых был очень низким. По данным 12 южных районов из 807 учителей 489 - имели трех-четырёх классовое, 292 – пятиклассное образования [7, с. 171].

В предвоенные годы войны борьба с неграмотностью усилилась. В 1939 г. Совнарком республики поставил задачу обучить 10000 людей призывного возраста, так как большинство молодых людей призывного возраста не умели читать и писать. За год было обучено 2125 малограмотных и 7008 неграмотных призывников [8, с. 107]. С 1924 по 1952 гг. обучено 160 тысяч человек [4, Ф.3, оп.16, л. 121]. Якутская АССР стала республикой сплошной грамотностью.

В годы советской власти за короткий срок удалось ликвидировать в Якутской АССР безграмотность среди взрослого населения. К концу тридцатых годов XX века грамотность населения республики стало 80%. По грамотности якуты опередили многие народы СССР: узбеков, таджиков, туркмен и т.д.

Литература

1. Гоголев А.И. Якутия: век XX. – Якутск, 2001. С. 42.
2. Донской С.Н.П. «Автономная Якутия» 18 июня, 1925г.
3. Культурная революция в Якутии (1917-1937 гг.. Сб. документов и материалов. Сост. В.Н. Чемезов, Л.Т. Иванова –Якутск, 1968.
4. Национальный архив РС (Я).
5. Самсонова Н.Е. 38 лет в советской школе. Сб. «В помощь учителю», вып. 28. Якутск, 1961, с.109 – 110.
6. Формирование социалистической культуры народов Якутии (1918-1937 гг.). - Якутск, 1972, с. 132.
7. 25 лет Якутской АССР. - Якутск, 1947.
8. 30 лет Якутской АССР. - Якутск, 1952.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_068

Кондакова У.Ф.

САХА ТЫЛЫН ӨРӨ ТУТАН...

(Багдарыын Сүлбэ төрөөбүтэ 90 сылыгар)

Бүлүү учуулуссата бэйэтин устуоруйатыгар киэн туттар, былаах курдук өрө тутар үгүс үтүө дьону үөрэтэн-иитэн таһаарбыта. Бу дьон үгүстэрэ Саха сирин, саха аатын ааттатар, туруулаһан көмүскэхэр, өрөспүүбүлүкэ сайдытыгар өйдөрүн-санааларын холбоон, үгүс сылларга үүнүү-сайдыы суолун тэлэн кэллилэр. Педколледж очоттон баччаҕа диэри саха оскуолатыгар сүрүннүүр каадырдары – учууталлары, иитээччилэри бэлэмниир, төрөөбүт тылынан үөрэтиигэ-иитиигэ соҕотох үөрэх кыһатынан буолар. Онон, манна төрөөбүт төрүт тылга, култуураҕа үөрэтии хайаан даҕаны баар буолуохтаах, болҕомто киинигэр туруохтаах.

Биһиги үөрэхпит кыһата сахатыйыы, сахатытыы киининэн буолан, манна сахалыы педагогическай академия арыллан үлэлиэхтээх этэ да... Тоҕо диэтэххэ, бу учуулуссаттан биллэр тыл үөрэхтээхтэрэ, норуот дьылҕатын туһугар охсуһар патриоттар Г.Ф. Сивцев, А.К. Сивцев, М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ, бөдөн учуонайдар М.С. Воронкин (филол.н.д.), Г.К. Боескоров (филол.н.канд.), Г.Р. Кардашевский (филол.н.канд.), С.А. Иванов (филол.н.д.), И.И. Каратаев (пед.н.к.), Е.Н. Чехордуна (пед.н.канд.), биллэр мэтэдьиистэр Н.В. Егоров, Р.М. Поскачин, П.П. Борисов (пед.н.д.) курдук уһулуччулаах дьон үөрэнэн-үлэлээн ааспыттара. Маннык балысхан сайдыыга Бүлүү үөрэбин кыһатын төрдө буолбут 2 сүһүөхтээх оскуола сабыдыаллаабыта саарбаҕа суох. Бу

оскуолаҕа саха литературатын төрүттээчи, бөлүһүөк, учуонай А.Е. Кулаковскай-Өксөкүлээх Өлөксөй, сахаттан бастакы тыл үөрэхтээҕэ С.А. Новгородов үлэлээн ааспыттара элбэҕи этэр. Саха тылыгар уһуйууга педтехникуму бүтэрбит Г.Ф. Сивцев, А.Н. Николаев, А.К. Сивцев, Г.Р. Кардашевскай, М.В. Золотарева, Н.П.Жирков, В.И. Санников уонна кэлиҥни сүһүөх преподавателлэр сүҥкэн оруоллаахтар. А.К. Сивцев үс саха реалист суруйааччылары көмүскээн, устудьуоннарга көнүлү суох үөрэтэн, учууталлыыр бырааба быһыллан, хаатыргаҕа утаарыллыбыта. Кини олоҕун, үлэтин, аймаҕа педагогическай үлэ бэтэрээнэ, РСФСР норуотун үөрэҕириитин туйгуна С.М. Саввинова «Аата ааттана туруоҕа» диэн кинигэ суруйан үйэтиттэ.

Бастакы көлүөнэ сырдатааччылартан Гаврил Федотович Сивцевы саха тылын үөрэтиигэ классик-мэтэдьиис быһыытынан сыаналанан, учууталлар идэлэрин үрдэтэр, сайыннарар үнүстүүт иһинэн мэтиэдьикэҕэ «Сивцев ааҕыылара» олохтонон ытыллар, кини аата «Бичик» кинигэ кыһата таһаарар «Саха киэн туттар дьоно» сиэрийэ кинигэҕэ киирэн үйэтийдэ.

Устуоруйа быһыын сэгэтэн, учуулуссаҕа төрөөбүт тылы үөрэтии туругун билиһиннэрэн ааһар буоллахха, төрөөбүт тылы үөрэтиигэ болбомто Бүлүүтээҕи педтехникумга 30-с сыллартан саҕаламмыт. Ол иннинэ саха тылын үөрэппэт да эбиттэр, мэтиэдьикэтин дьоҕойон биэрэллэр эбит. – Барыта нууччалыы буолара, – диэн Г.Ф. Сивцев ахтар. Саха тылын үөрэтиини 1933-1934 сс. киллэрбиттэр. Үөрэтиини сэргэ, литература куруһуоктарын тэрийбиттэр. Холобур, 1933-1934 үөрэх дьылларыгар Бүлүү педтехникумугар саха тылын учууталынан Федор Григорьевич Винокуров-Даадар үлэлээбит. 21 саастаах эдэр учуутал, кэлээт, литература куруһуогун тэрийбит. Манна элбэх оҕо дьарыктаммыт, оскуола оҕолоро эмиэ сылдыбыттар. Устудьуоннартан Н.К.Седалищев-Дьүөгэ Ааныстыырап биир саамай көхтөөх кыттааччы эбит. Куруһуок чилиэннэрэ хоһоон, сыанка суруйаллар, ону оонньоон көрдөрөллөр. Федор Григорьевич бэйэтэ биллэ-көстө айар үлэнэн дьарыктанара куруһуогун оҕолоругар сабыдыаллыыра.

А.Н. Николаев 1935-1938 сс. Бүлүү педтехникумугар саха тылын учууталынан үлэлээбит. Эмиэ литература куруһуогун тэрийэн, илиинэн суруллар сурунаалланан, элбэх оҕону дьарыктаабыт. Сурунаалларын биир нүөмэрин П.А. Ойуунускайга ыппыттар. Онно П.А. Ойуунускай Томскай (Саабыйа) хоһооннорун бэркэ хайҕаабыт. Бу куруһуокка Петр Тобуруокап эмиэ ситиһиилээхтик дьарыктаммыт. Ол кэмнэргэ үөрэммит ыччаттартан тылга А.К. Сивцев, Н.А. Кондаков, Н.В. Васильев,

литературнай критикаҕа Г.Р. Кардашевскай, Г.К. Боескоров, И.И. Михайлов уо.д.а. умсугуйан дьарыктаммыттар.

Саха тылыгар уһуйуу ордук таһаарыылаахтык А.К. Сивцев учууталлыыр кэмигэр тэриллитбит литература куруһуогар ытыллыбыт. Бу куруһуокка омуна суох училище оҕото үксэ сылдыбыт. Саха тылыгар ирдэбиллээх учуутал буолан, билиини да чинник биэрбит. Ордук литература уруогар оһуобайдык тэптэн, арыллан туран санаран-ингэрэн, ис иһиттэн күүрэн туран кэпсиирин бэлиэтиллэр. Саха литературатын төрүттээбит дьоннор, саха тылын үөрөппит үтүө өнгөлөөх арҕааны учуонайдар тустарынан төрүт өйдөбүллэри кини биэрбит. Училище үрдүнэн кини эрэ куруһуога таһаарыылаахтык үлэлээбит. Манна дьарыктаммыт А.И. Федоров, И.М. Гоголев сэрии кэнниттэн литератураҕа тутта кирибиттэр. Бу куруһуок Е. Михеевкэ, И. Жендринскэйгэ, Е. Сидоровка, М. Золотареваҕа уо.д.а. өйдөрө-санаалара уһуктарыгар бэрт элбэҕи биэрбит. СӨ култууратын үтүөлээх үлэһитэ, суруналыыс Н.С. Дмитриев суруйар: «А.К. Сивцев саха тылыгар, литэрэтиирэтигэр үөрэтэрэ дириҥ ис хоһоонноох эбит. Грамматиканы бэркэ да биэрэр».

1958 с. Бүлүү учуулуссатыгар Иванов М.С.-Багдаарыын Сүлбэ дириэктэринэн ананан кэлбитэ, сахалартан топонимика, антропонимика курдук номуукаҕа сонун суолу тэлбит учуонай. Учуулуссаҕа үлэлии олон, бу номууканы интэриэһиргээн, устудьуоннары сыһыаран сир аатын чинчийбитинэн барбыта. Учуулуссаҕа дириэктэрдээбит кэмигэр кини илии баттааһыннаах дьупулуому 1580 эдэр учуутал туппута, кинилэр дириэктэр сылаас сыһыанын, билиитин-көрүүтүн, тэрийэр-салайар дьобурун үрдүктүк сыаналаан, өрүү махтаналлар, үтүө аатыгар сүгүрүйэллэр.

Быйыл, 90 сааһын туолуутугар, үөрэнээччилэрэ Багдаарыын Сүлбэ үтүө аатын үйэтитэн, үлэлээбит училищетын тизгэнигэр боруонсаттан куттаран өйдөбүннүк бюст туруордулар, кини аатынан сквер арыйдылар.

Икки этээстээх үөрэнэр куорпус умайан хаалан, 1972 с. диэри устудьуоннар уопсай дьиэлэринэн сүүрэ сылдьан үөрэммиттэрэ. Уопсай тийибэтэ, оҕолор үксүлэрэ куорат ыалларыгар кэпсэтиһэн олохтоттара. Ол эрэн, ханныктаах да ыарахан түгэннэргэ дириэктэр Иванов М.С. көмөтүнэн балаһыанньаттан тахсалара. Онон, бу сылларга үөрэххэ ылыы былаана туолан испитэ, оскуолаҕа учууталлары бэлэмнээһин тохтотооботоҕо. 60-70 сс. үөрэммит устудьуоннартан 54 оҕо саха тылын учууталлара буолбуттара. Кинилэри үөрөппиттэрэ М.В. Золотарева, Н.П. Жирков, Н.П. Дмитриев, М.И. Захарова, В.И. Санников. Оччотооҕу

устудьоннартан идэтийбит суруналыыстар: К.Ф. Павлов, Х.Н. Хабарова, Г.М. Егоров, элбэх үтүөлээх учууталлар: П.Д. Иванова, М.Е. Максимова, А.Е. Гуляева, И.Г. Федоров, И.П. Платонов, Ф.Н. Беляева у.д.а., идэтийбит суруйааччылар: П.Я.Яковлев-Прокопий Чуукаар, И.В. Мигалкин, Г.А. Фролова, А.А. Дмитриев, Г.М. Федотов, М.П. Федотова у.д.а. уһуйуллан тахсыбыттара. Төрөөбүт тылга тапталы, учууталга махталы бу сыллардаабы устудьоннар салгыы сайыннараллар, төрүттэммит үтүө үгэс салҕанар. 60-с сыллартан сэттэ учуонай тахсыбыта: А.С. Маркова, Е.П. Чехордуна, У.Ф. Кондакова, Р.С. Никитина – пед.наука канд., П.П. Петров – ист.наука канд., П.П. Петров – фил.наука канд., Л.И. Алексеева – психол. наука канд.

70-80-сс. үөрэнэр усулуобуйа тупсан, сана үөрэнэр уорабай тутуллан, сана көлүөнэ преподавателлэргэ үөрэнэр элбэх устудьун, төрөөбүт тыл учуутала буоларга ис сүрэхтэн баҕатынан үөрэхтэрин салҕаабыттара. Бу кэмнэргэ Багдарыын Сүлбэ үөрэппит оҕолоро У.Ф. Кондакова, В.И. Санников, С.С. Тарагаева саха тылын преподавателинэн үлэлээбиттэрэ. Ордук элбэхтик саха тылыгар В.И. Санников үөрэппит оҕолоро киирэллэрэ. Василий Иванович үөрэтиитэ СГУ-га холобур буолара, аны санаатахха, билинни ФГОС үөрэбин кини оччотооһуга киллэрбит эбит. Ол туһунан үөрэппит оҕолоро махталынан ахталлар. Оччолорго кини салайар саха тылын кабинета өрүү бастакы миэстэни ылара. Василий Иванович саха тылын устудьоннарга чинник, научнайдык үөрэтэн, элбэх оҕо саха тылын учуутала буолар баҕаларын көбүшпүтэ. «Биһиги кууруспутуттан кини үөрэппит 18 оҕото билигин – саха тылын исписэлиистэрэ» – диэн, СӨ үтүөлээх учуутала Мария Ноговицина ахтар.

«Саха оскуолатын санардан сайыннарыы Концепциятыгар» олобуран, Бүлүү учуулуссатын устуоруйатыгар сана сүүрэни киирбитэ – учуулуссаҕа «Саха филологиятын, культурологиятын колледжнай салаата» арыллыбыта. Бу салаа 1992 сылтан 2009 сылга диэри айымньылаахтык үлэлээбитэ, СГУ-БПУ ситимэ олохтоммута. Бу идийэни филол. наука д. Г.Г. Филиппов көтөхпүтэ, ону СГУ ректора ист.наука д. А.Н. Алексеев өйөөн, учуулусса оччотооһу дириэктэрэ Н.П. Куличкин саха салаатын астарбыта. Бу икки идэҕэ үөрэнэн, устудьун үрдэтиллибит дьупулуом ылара уонна университетка III куурустан киирэн үөрэбин салгыыр кыахтааҕа. Үөрэҕи үс хаапыдыра салайара: саха тылын уонна литэрэтиирэтин хаапыдыралара, сэбиэдиссэйдэр пед.наука канд. М.Т. Гоголева, СӨ үөрэбин туйгуна Р.С. Семенова; культурология хаапыдырата, сэбиэдиссэй СӨ култууратын туйгуна А.А. Новгородова. Сүрүн биридимийэттэри СГУ-тан кэлэн ааҕар буолан, үөрэтии

хаачыстыбата ирдэбилгэ толору эппиэттиирэ, оѳолор ыарырѳаппаттар этэ. Үөрэх былаана туох уларыыйы киирэринэн тута көннөрүллэн иһэрэ, онон салгыы үөрэнэргэ туох да мэхэй үөскээбэтэѳэ. Преподавателлэр сотору-сотору ИПКРО-ѳа, СГУ-га баран билиилэрин-көрүүлэрин үрдэтинэн кэлэллэрэ, Дьокуускайга араас таһымнаах кэмпириэнсийэлэргэ дакылаатынан кытталлара.

Маннык үрдэтиллибит үөрэх арыллыбыта төгүрүччү өттүнэн сүүйүүлээх буолбута. Биһиги баасабытыгар улуус, эрэгийиэн саха тылын, төрүт култуура учууталларыгар сэминээрдэр, куурустар ыытыллар этилэр. СГУ, БПК преподавателлэрэ үөрэх туһаайыыларынан айар сэминээрдэри, отчуоттары ыытан, үөрэх практической хайысхатын үрдэтэллэрэ. Оннук үрдүк таһымнаах айар сэминээрдэри филол.наука д-ра, бэрэпиэссэрдэр С.К. Колодезников, Е.М. Поликарпова ыыппыттара олус туһалаах буолбута. СГУ аксакаллара бэйэлэринэн кэлэн, ол иһигэр Багдарыын Сүлбэ эмиэ үрдүк таһымнаах лекциялары ааѳаллара. Төрүт култуураѳа пед.наука канд. Е.С. Сергина ыытар үөрэхтэрэ өрүү даѳаны практической таһымнара үрдүк буолара. Маны тэнэ, Бүлүү оскуолатын учууталларын айар отчуоттара ыытыллыбыттара: Л.Н.Кузнецова Үгүлээттэн, Н.Е. Мальцева Бороѳонтон, М.К. Муксунова куорат № 3 оскуолатыттан, кинилэр өрүү устудьоннарга күүс-көмө, сүбэ-ама биэрэллэрэ. БПК преподавателлэрэ пед.наука канд-ра М.Т. Гоголева, У.Ф. Кондакова, Р.С. Семенова араас тиэмэлэргэ опыт атастаһан дакылааттары, иһитиннэриилэри онгороллоро, фил.наука канд. Д.И. Чиркочева тылы ырытыыга практической көмөнү онороро.

А.А. Новгородова салайааччылаах «Уус-уран ааѳыы тыйаатыра» киэн биһирэбили ылбыта. И.М. Гоголев-Кындыл ааѳыыларыгар элбэх-тик лауреат аатын ыланнар, уус-уран ааѳыыга интэриэһи тардыбыттара. Р.С. Семенова, А.А. Новгородова Иван Гоголев-Кындыл Гранын туппуттара.

Култуура үөрэѳэр устудьоннары тус дьѳурдарын сайыннарар элбэх түмсүүлэр, куруһуоктар, дьарыктар тиһигин быспакка үлэлииллэрэ, устудьон инники үлэтигэр дирин билиилээх барарын хааччыйбыттара. «Айылгы» ансаамбыл, салаа хора, ансаамбыллара араас таһымнаах куонкурустар, фестиваллар дипломаннара, лауреаттара буолбуттара.

Колледж бөлѳүн оѳолоругар, бүтүн училищени хабар «Тыл хонуута», «Сир түннүгэ» дьарыктар, «Саха саргыта» кулууп ыйдарынан ыытар сизэрдэрэ-туомнара, «Үрүн Уолан», «Кыыс Куо» күрэхтэр төрүт култуураны төнүннэриигэ төһүү үлэнэн буолбуттара.

Саха салаатын оҕолоро учуулусса, өрөспүүбүлүкэ таһымынан ыытыллар кэмпириэнсийэлэргэ кыттан миэстэлэһэр этилэр. Ордук табыллыбыт үлэнэн экспедициялары тэрийэн, түөлбө фольклорун хомуйуу буолбута. Салайааччылар пед.наука канд. Е.С. Сергина, преподаватель Г.Е. Васильев оҕолору кытта сайын аайы Бүлүү тыаларын кэрийэн ырыа-тойук, үһүйээн хомуйан, ону ырытан, оҕолорго ыллатан, иһитиннэрэн дыон-сэргэ биһирэбилин ылбыттара. Е.С. Сергина, «Айылгы» ансаамбыл ырыаһыттарын бөлөбөр Бүлүү түөлбөтин ырыаларын үөрэтэн, үрдүк таһымна толортон, 1998 с. ансаамбылга «Норуодунай» аат ингэриллибитэ. Бу кэнсиэри Багдарыын Сүлбэ көрөн, сөбүн турардаах. Г.Е. Васильев Кыргыдай нэһилиэгин үһүйээннэрин матыыптарынан устудьуоннары артыыстатан, бэртээхэй видеокиинэ уһулан, СГУ-ну бүтэрэр дыулуомун көмүскээбитэ. Сыыйа бу экспедиция матырыйааллара оҕолор наукаҕа үлэлэригэр улахан көмөлөөх буолбуттара.

Преподавателлэр наукаҕа ылсан хоннохтоохтук үлэлэспиттэрэ. Филологической номука кандидатын Д.И. Чиркоева, пед.наука кандидатын истиэпэннэрин М.Т. Гоголева, Е.С. Жиркова, У.Ф. Кондакова көмүскээбиттэрэ, Р.П. Яковлева, Р.С. Семенова, С.Т. Прокопьев аспирантураҕа кирибиттэрэ. Саха салаатын бүтэрбит устудьуоннартан Г.Г. Торотов, А.К. Прокопьева, А.М. Николаева, С.Е. Ноева, И.Б. Николаева, Г.С. Отова – филологической наука кандидаттара, У.Р. Плотникова, Е.С. Никонов, В.Ю. Ноговицина тыл билимин аспираннара буоллулар, элбэх соискателлэр, магистрдар бааллар.

Түмүктээн эттэххэ, саха тылын, литературатын учууталларын, саха тылын исписэлиистэрин бэлэмнээһиннэ Бүлүү үөрэҕин кыһата онорбут үгүс үтүөтүн, көлүөнэттэн көлүөнэҕэ бэриллэн иһэр күүстээх уопутун утумун, төрөөбүт Ийэ тылы чинчийиигэ киллэрбит көһөнө кылаатын харыстаан, салгыы ыччаттары түмэн, сайыннаран, хамсатан иһии – колледж кэлэктиибин сүрүн сорулунан буолуохтаах. Баҕалаах ыччаты тылы чинчийиигэ билиигэ тардыһынналар курдук үлэни салгыахха, тилиннэриэххэ, кэскилин кэнэтиэххэ, сахалыы үөрэҕи сайынналар бакалавр үөрэҕин арыыахха, олонор ааспыт үтүө көлүөнэ холобурун өрө тутуохха, салгыы сайыннарыахха.

Литература

1. М.С.Иванов-Багдарыын Сүлбэ. – хомуйан онордулар: Е.Р.Алексеев, С.П.Григорьев, У.Ф.Кондакова, п.н.к. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 224 с. («Саха киэн туттар дыоно» сиэрийэҕэ).

2. Васильев Г. Училище туһунан. // «Кыым» хаһыат, 1974 с., от ыйын 16 күнэ.

3. Санников В. Тоѭо үөһэ тоѭо. // «Эдэр коммунист» хаһыат, 1975 с., от ыйын 9 күнэ.

4. Иванов С. Тыл үөрэѭинэн сирдэттэххэ // «Кыым» хаһыат, 1986 с., ыам ыйын 8 к.

DOI: 10.25693/978-5-902198-40-0_069

Алексеев Е.Р.

БАГДАРЫЫН СҮЛБЭ ТУЙАХ ХАТАРААЧЧЫЛАРА

*Багдарыын Сүлбэ бэлэһигэр силлээбит
киһитэ хайдах куһаҕан үлэһит буолуой?!*

Иван Архипов.

Михаил Спиридонович Иванов-Багдарыын Сүлбэ Н.Г. Чернышевской аатынан Бүлүүтээѭи педагогической училищеѭа 1958-1974 сыллардаахха таһаарыылаахтык, тиритэ-хорута, инникитин уонна айымньылаахтык дириэктэринэн үлэлээбитэ. Училище-колледж историятыгар баар суох уһуннук үлэлээбит салайааччынан ааттанар. Ол кэмнэ олус элбэх алын кылаас учуутала бэлэмнэммитэ, сүрүн идэлэригэр эбии математика, нуучча тылын, физкультура учууталынан үлэлииргэ хос үөрэммиттэрэ, туоһу сурук ылбыттара. Үгүстэрэ аѭыс кылаастаах уонна орто оскуолаѭа иккис идэлэринэн ананан педагогической үлэлэрин саѭалаабыттара, ситиһиилээхтик уонна оѭо кутун-сүрүн тутан, төрөппүттэр итэѭэллэрин ылан, сиппит-хоппут учууталлар кэккэлэригэр киирбиттэрэ.

Саха Республикатын «Педагогической энциклопедиятыгар» М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ төһө үөрэнээччитэ үрдүк үөрэххэ киирбитин аахтым уонна үлэлэрин ситиһиитэ тугунан бэлиэтэммитин быһаардым, элбэх дьону кытта кэпсэттим.

Саха Республикатын үөрэхтээһинин, культуратын уонна наукатын сайдыытыгар үлэлиир Н.Г. Чернышевской аатынан Бүлүүтээѭи педагогической училищени бүтэрбиттэр үлэлэрэ-хамнастара күн бүгүн ситэ чинчиллэ илик.

Салгыы үөрэнэн, үрдүк үөрэѭи бүтэрбиттэр (Багдарыын Сүлбэ үөрэнээччилэриттэн):

№	Үрдүк үөрэх тэрилтэтин аата	Ахсаана
1	Магаданский педагогический институт	26
2	Хабаровский педагогический институт	4
3	Якутский государственный университет им.М.К.Аммосова	45
4	Иркутский педагогический институт	1
5	Благовещенский педагогический институт	2
6	Ленинградский педагогический институт им. А.И.Герцена	7
7	Московский педагогический институт им. В.И.Ленина	5

Наука эйгэтигэр олохторун анаабыт туйах хатарааччылары:

Бүтэрбит сыла	Араспаанньата, аата, абатын аата	Научнай истиэпэнэ
1960	Чабыев Иван Пудович	Кандидат психологических наук
1962	Петров Петр Петрович	Кандидат физико-математических наук
1963	Никитина Розалия Серафимовна	Кандидат педагогических наук
1964	Маркова Антонина Семеновна	Кандидат педагогических наук
1966	Чехордуна Екатерина Петровна	Кандидат педагогических наук
1968	Петров Пантелеймон Пантелейм-ч	Кандидат исторических наук
1968	Кондакова Ульяна Федоровна	Кандидат педагогических наук
1971	Николаева Маргарита Николаевна	Кандидат педагогических наук
1973	Атласова Михнаса Михайловна	Кандидат педагогических наук

М.С. Иванов–Багдарыын Сүлбэ үөрэнээччилэрэ учууталларын, дириэктэрдэрин аатын түһэн биэрбэтилэр. үлэлииллэрин тухары идэлэрин үрдүк таһымнаахтык баһылаабыттарын, общественной үлэбэ көхтөөхтүк кытталларын, научнай чинчийэр үлэнэн дьарыктаналларын, профессиональной таһымнарын мэлдьи үрдэтэллэрин, сана технологиялары табыгастаахтык туһаналларын, араас научнай-практической конференцияларга ситиһиилээхтик кытталларын көрдөрөллөр. Сыралаах, түбүктээх уонна бэриниилээх үлэлэрэ Россия уонна Саха республикатын араас таһымнаах наһараадаларынан, граннарынан, уордьаннарынан, мэтээллэринэн уонна анал бэлиэлэринэн бэлиэтэммитэ. Үгүстэрэ методической көмө кинигэлэр уонна үөрэх кинигэлэрин автордарынан буолаллар.

Билигин даҕаны Михаил Спиридонович үөрэнээччилэрэ оскуола тутаах учууталлара, уһуйааччылары, салайааччылары, олох үөһүгэр сылдьаллар, үүнэр көлүөнэни үрдүккэ көтүтэллэр, кырдьары билиммэттэр, үөрэнээччилэрин уонна бар дьон махталын ылар төһүү үлэһиттэр.

Литература

1. Саха Республикатын педагогической энциклопедията, 1 том.-
Дьокуускай, 2000. – 324 с.
2. Саха Республикатын педагогической энциклопедията, 2 том.-
Дьокуускай, 2003. – 408 с.
3. Саха Республикатын педагогической энциклопедията, 3 том.-
Дьокуускай, 2005. – 454 с.
4. Саха Республикатын педагогической энциклопедията, 4 том.-
Дьокуускай, 2010. – 456 с.
5. Саха Республикатын педагогической энциклопедията, 5 том.-
Дьокуускай, 2015. – 464 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

1. **Алаганчакова Надежда Олеговна**, учитель географии Себян-Кюельской НЭСОШ им. П.А. Ламутского, Республика Саха (Якутия), с. Себян-Кюель Кобяйского района. alaganchakova@mail.ru

2. **Алексеев Иван Егорович**, д.филол.н., профессор Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

3. **Алексеева Евдокия Кимовна**, канд.ист.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. Aeks07@mail.ru

4. **Алексеев Евгений Романович**, преподаватель Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, заслуженный учитель РФ, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск.

5. **Алексеева Вераника Николаевна**, студентка III курса отделения коррекционной педагогики в начальном образовании Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. ivanovna06@mail.ru

6. **Афанасьев Василий Данилович**, студент II курса отделения подготовки учителей начальных классов Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск.

7. **Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола**, канд.филол.н., н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. bagdaryyn@yandex.ru

8. **Барашкова Жанна Федоровна**, Бахсытская СОШ имени Д.Г. Барашкова, Республика Саха (Якутия), с. Толоон-Бахсы Чурапчинского улуса.

9. **Безносова Марина Валерьевна**, студентка IV курса кафедры северной филологии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск. sarshar@mail.ru

10. **Боякова Сардана Ильинична**, д.ист.н., г.н.с. отдела истории и этно-социологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. boyakova@mail.ru

11. **Бушев Александр Борисович**, д.филол.н., профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ТГУ, г. Тверь. alex.bouchev@yandex.ru

12. **Бызгаева Алина Васильевна**, студентка III курса филологического факультета СВГУ, г. Магадан. albzg16@mail.ru

13. **Варавина Галина Николаевна**, канд.ист.н., м.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. varavina1982@mail.ru

14. **Васильев Валерий Егорович**, канд.ист.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. valera305@mail.ru

15. **Васильева Анна Алексеевна**, аспирант ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

16. **Васильева Надежда Матвеевна**, н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

17. **Васильева Римма Иннокентьевна**, канд.филол.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. Rimin62@in.box.ru

18. **Васильева Ульяна Афанасьевна**, преподаватель Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. vasillevaullyana2018@gmail.ru

19. **Винокурова Надежда Ивановна**, канд.филол.н., н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. padavinokurova@mail.ru

20. **Гордова Юлиана Юрьевна**, канд.филол.н., с.н.с. сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, г. Москва. opytagazan@yandex.ru

21. **Данилова Анна Николаевна**, канд.филол.н., н.с. отдела литературы и фольклора ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. daniлова.aanchyk@yandex.ru

22. **Данилова Надежда Ивановна**, д.филол.н., г.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. nadiv2008@mail.ru

23. **Данилова Наталья Ксенофонтовна**, канд.ист.н., н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. dan_nataliksen@mail.ru

24. **Дмитриева Алена Юрьевна**, студентка III курса РЯП-16 Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода), Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

25. **Дьячковский Федор Николаевич**, канд.филол.н., в.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. fedjschkov0801@mail.ru

26. **Ефремов Николай Николаевич**, д.филол.н., г.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. nik.efrem50@mail.ru

27. **Жамсаранова Раиса Гандыбаловна**, д.филол.н., профессор Забайкальского государственного университета, г. Чита. rebeca_zab@mail.ru

28. **Иванов Спиридон Алексеевич**, д.филол.н., н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

29. **Кейметинова Сияна Карловна**, студентка III курса отделения подготовки учителей начальных классов Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. ivanovna06@mail.ru

30. **Колесова Апрелина Андреевна**, студентка II курса отделения подготовки учителей начальных классов Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. ivanovna06@mail.ru

31. **Кондакова Ульяна Федоровна**, канд.пед.н., преподаватель Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, заслуженный работник образования РС (Я), почетный гражданин Вилюйского и Намского районов РС (Я), Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск.

32. **Кузьмина Раиса Петровна**, канд.филол.н., с.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. gaisakuzmina2013@yandex.ru

33. **Курилов Гаврил Николаевич**, д.филол.н., г.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. ladinakuril@mail.ru

34. **Курилова Самона Николаевна**, канд.филол.н., с.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. samonakur@mail.ru

35. **Латыпов Фарит Рафгатович**, канд.тех.н., доцент кафедры авиационной теплотехники и теплоэнергетики Уфимского государственного авиационного технического университета, Республика Башкортостан, г. Уфа. vei10@yandex.ru

36. **Магомедов Даниял Магомедович**, н.с. Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала. m.daniyal@yandex.ru

37. **Магомедов Магомед Ибрагимович**, д.филол.н., профессор, г.н.с. Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала. rafrus@yandex.ru

38. **Мухоплева Светлана Дмитриевна**, канд.филол.н., доцент, с.н.с. отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. muhopleva@mail.ru

39. **Николаев Егор Револьевич**, канд.филол.н., главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан» («Закаленный»), ООО «Ситим-Медиа», Республика Саха (Якутия), г. Якутск. 1953307@mail.ru

40. **Николаева Альбина Михайловна**, канд.филол.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. aliasams@rambler.ru

41. **Носва Саргылана Еремеевна**, канд.филол.н., н.с. отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. nosaer@yandex.ru

42. **Оконешников Егор Иннокентьевич**, д.филол.наук, с.н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

43. **Павлов Афанасий Афанасьевич**, канд.филол.н., н.с. отдела истории и этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

44. **Пахомова Любовь Семеновна**, канд.пед.н., доцент кафедры географии, эколого-географического отделения Института естественных наук ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск. Isp0803@mail.ru

45. **Петров Пантелеймон Пантелеймонович**, канд.ист.н., с.н.с.отдела истории и этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. basharin_muzeum@mail.ru

46. **Печетова Наталья Юрьевна**, канд.филол.н., доцент кафедры русского языка СВФУ им. М.К. Аммосова, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. pechetovan@mail.ru

47. **Попова Мария Дмитриевна**, м.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

48. **Роббек Лия Витальевна**, канд.филол.н., н.с. отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. robbek@mail.ru

49. **Романова Екатерина Назаровна**, д.ист.н., г.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. eromanova@mail.ru

50. **Саввинова Марина Викторовна**, студентка I курса отделения подготовки учителей начальных классов Вилуйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилуйск. ivanovna06@mail.ru

51. **Садовникова Ия Ивановна**, канд.филол.н., м.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

52. **Самтакова Клариса Бинолдоновна**, канд.филол.н., доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. samtakova66@mail.ru

53. **Саввинов Анатолий Иванович**, канд.ист.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. savvin_06@mail.ru

54. **Санникова Инна Иннокентьевна**, канд.пед.н., доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности и гуманитарных дисциплин ФГОУ ВПО «Арктический государственный институт культуры и искусств», Республика Саха (Якутия), г. Якутск. paminna@yandex.ru

55. **Сивцева Наталия Александровна**, канд.филол.н., н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. sivna@mail.ru

56. **Сидорова Айыына Прокопьевна**, студентка III курса РЯП-16 Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода), Республика Саха (Якутия), г. Якутск. ainasid888@gmail.com

57. **Сироткина Татьяна Александровна**, д.филол.н., доцент кафедры филологического образования и журналистики СурГПУ, г. Сургут. sirotkina71@mail.ru

58. **Соколянская Наталья Николаевна**, канд.филол.н., доцент кафедры русской филологии и журналистики СВГУ, г. Магадан. na-ta_sokol@mail.ru

59. **Соколянский Александр Анатольевич**, д.филол.н., профессор кафедры русской филологии и журналистики СВФУ, г. Магадан. sokol_2011@outlook.com

60. **Софронеева Мария Андреевна**, преподаватель якутского языка Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. ivanovna06@mail.ru

61. **Степанова Лена Борисовна**, канд. ист.н., н.с. отдела археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. solo007_79@rambler.ru

62. **Томский Елисей Елисеевич**, студент II курса отделения педагогики дополнительного образования Вилюйского педагогического колледжа им. Н.Г. Чернышевского, Республика Саха (Якутия), г. Вилюйск. ivanov-na06@mail.ru

63. **Трофимова Светлана Менкеновна**, д.филол.н., профессор кафедры русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Республика Калмыкия, г. Элиста. trofimovasm@mail.ru

64. **Уарова Милена Николаевна**, студентка III курса РЯП-16 кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск. milena.uarova@mail.ru

65. **Ушницкий Василий Васильевич**, канд.ист.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. voma@mail.ru

66. **Филиппов Гаврил Гаврильевич**, д. фил.н., профессор Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

67. **Филиппова Виктория Викторовна**, канд.ист.н.,с.н.с. отдела истории и этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. filippovav@mail.ru

68. **Харитонов Александр Михайлович**, н.с. лаборатории народно-хозяйственных структур ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН, г. Владивосток. mavr@tig.dvo.ru

69. **Чертыкова Мария Дмитриевна**, д.филол.н., в.н.с. ИГИСАТ Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, г. Абакан. chertikova@yandex.ru

70. **Шайхулов Алмас Галимзянович**, д.филол.н., профессор Башкирского государственного университета, Россия, г. Уфа. almazufa2004@mail.ru

71. **Шарина Сардана Ивановна**, канд.филол.н., в.н.с. отдела северной филологии ИГИИПМНС СО РАН, Республика Саха (Якутия), г. Якутск. sar-shar@mail.ru

72. **Шепилева Ольга Евгеньевна**, канд.филол.н., доцент кафедры русской филологии и журналистики СВГУ, г. Магадан. shep-ol@bk.ru

73. **Шкулева Анна Дмитриевна**, студентка 4 курса ЯО Института языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Республика Саха (Якутия), г. Якутск.

74. **Юсупов Хизри Абдулмаджидович**, канд.филол.н., в.н.с., отдела лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала. h-yusupov@mail.ru

75. **Ягафарова Гульназ Нурфаезовна**, канд.филол.н., доцент, с.н.с. Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Республика Башкортостан, г.Уфа. rishrinat@mail.ru

Научное издание

ИМЯ. ЯЗЫК. ЭТНОС

Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения М.С. Иванова-Багдарына Сүлбэ

Публикуется в авторской редакции